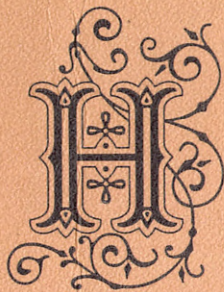

Российская национальная библиотека

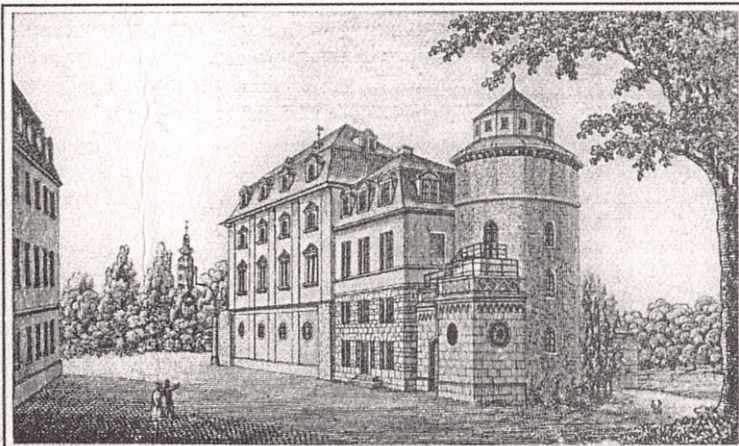

Б. Ф. Володин

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

в контексте научной,
образовательной
и культурной политики

Исторический опыт Германии

Б. Ф. Володин

**НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ,
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ**

(Исторический опыт Германии)

УДК 0.26
ББК 78.33+78.34(3)
В 68

Редактор: С. А. Давыдова, канд. пед. наук

Рецензенты: А. В. Смолин, профессор, доктор ист. наук; Н. Ф. Вербина,
доцент, канд. пед. наук

В современном обществе научные библиотеки России и других стран мира связаны друг с другом самыми тесными отношениями. Но при этом библиотеки каждой из стран, вовлеченных в процессы мирового взаимодействия, прошли свой специфический, отличный от других государств мира путь. Немецкая научная библиотека представляет собой уникальное явление. Это связано в первую очередь с тем, что Германия является родиной самого типа научной библиотеки. Именно здесь научная библиотека сформировалась как институт развития науки и оказалась особенно тесно связанной с процессами формирования и развития научной, образовательной и культурной политики.

Феномен немецкой научной библиотеки рассматривается в контексте особенностей эволюции библиотек в России. Широко рассматривается и исторический опыт других стран Европы и Северной Америки.

Книга представляет интерес как для библиотечных работников, так и для широкого круга читателей научных библиотек.

В оформлении обложки книги использована гравюра А. Глэзера с изображением здания Герцогской библиотеки в Веймаре (1830 г.).

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета РНБ

Подписано к печати 04.12.02. Формат 60·84/16. Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 500 экз. Заказ № 203

Издательство Российской национальной библиотеки, ОП,
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18

ISBN 5-8192-0151-5

© Российская национальная библиотека. 2002 г.

Содержание

Введение	5
1. НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ, БИБЛИОТЕКИ И ГОСУДАРСТВА	10
1. 1. АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ	10
1. 2. БИБЛИОТЕКА ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ	12
1. 3. «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»	17
1. 4. ИДЕАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА НОВОГО ВРЕМЕНИ	22
1. 5. НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА: НЕМЕЦКИЙ ИМПУЛЬС ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГЕРМАНИИ	26
2. НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В НЕМЕЦКИХ КОНЦЕПЦИЯХ НА- УЧНОЙ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ	38
2. 1. КОНЦЕПЦИЯ И. В. ГЁТЕ И РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В ГЕРЦОГСТВЕ ЗАКСЕН-ВЕЙМАР-ЭЙЗЕНАХ	38
2. 1. 1. ГЁТЕ КАК МИНИСТР	38
2. 1. 2. ВЛИЯНИЕ ГЁТТИНГЕНА	41
2. 1. 3. БИБЛИОТЕКА ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СТОЛИЦЫ	43
2. 1. 4. ПЕРВЫЙ ЭТАП УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ В ЙЕНЕ	53
2. 1. 5. ВТОРОЙ ЭТАП УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ В ЙЕНЕ	61
2. 2. ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ В. ГУМБОЛЬДТА НА НАУЧНУЮ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ ПРУССИИ	73
2. 3. ТОТАЛИТАРНЫЙ ОПЫТ	86
2. 3. 1. ПА СЛУЖБЕ У «АРИЙСКОЙ НАУКИ»: ТРЕТИЙ РЕЙХ	86
2. 3. 2. «СОВЕТИЗАЦИЯ», «САМОСОВЕТИЗАЦИЯ», СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ: ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА	89
2. 4. НАУЧНАЯ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ	96

2. 4. 1. РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА	96
2. 4. 2. ВОЗМОЖНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ: ПРИМЕР БАДЕН-ВЮРТЕМБЕРГА	106
3. БИБЛИОТЕКА, ОБЩЕСТВО И ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА	112
3. 1. МИР ТЕКСТОВ	112
3. 2. ПОНЯТИЕ «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА» В КОНЦЕПЦИИ Б. ФАБИАНА	116
3. 3. ОТ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬ- СКОЙ	121
3. 3. 1. БИБЛИОТЕКА УНИВЕРСАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ: КОНЦЕПЦИЯ Р. ЛАНДВЕРМЕЙЕРА	121
3. 3. 2. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ: КОНЦЕПЦИЯ М. КНОХЕ	125
3. 3. 3. БИБЛИОТЕКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ В КОНЦЕПЦИИ П. РААБЕ	134
3. 3. 4. НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА	138
Заключение	144
Примечания	148
Введение	148
Глава 1	151
Глава 2	161
Глава 3	181
Именной указатель	192

Введение

Тема этой работы — феномен немецкой научной библиотеки. Этот феномен осмысливается здесь в широком социокультурном контексте истории Германии. При этом автор ставил перед собой задачу проследить, как складывалась немецкая научная библиотека — библиотека, которая, как и аналогичные библиотеки во всем мире, служит науке, но при этом столь не похожа на них. То, что научные библиотеки Германии отличаются от научных библиотек других стран — естественно, и, прежде всего, потому, что библиотеки возникают и развиваются в определенных социокультурных условиях, которые в каждой стране складываются по-разному. Именно эти условия определяют отношения библиотеки — и в ее роли социального института, и в ее роли института развития науки, — и науки как социального института. В Германии же в свое время — в XVIII в. — начала складываться уникальная ситуация, обусловленная тем, что наука как социальный институт оказалась заинтересованной в развитии научной библиотеки, и вследствие этого библиотека начала превращаться в институт развития науки.

Изучение социокультурного контекста эволюции научной библиотеки в той или иной стране дает возможность определить, в какой степени библиотека востребована (или не востребована) обществом, и вовлечена ли она в сферу научной, образовательной и культурной политики. Каждая из этих сфер может влиять на библиотеку. И от того, насколько каждая из них, или даже все три сферы в целом, — ибо нередко их интересы неразделимы — нуждается (или нуждаются) именно в научных библиотеках, зависит то, в каком состоянии находятся научные библиотеки той или иной страны. Немецкая научная библиотека — это явление уникальное, и в силу этого заслуживающее особого внимания. Формировался этот облик таким в Германии на протяжении длительного времени. Научная библиотека стала при этом объектом особого внимания, поскольку считается основополагающим элементом научной, образовательной и культурной политики общества.

История научных библиотек Германии является темой достаточно большого круга работ, преимущественно на немецком языке. Так, эти вопросы рассмотрены в монографиях по истории немецких библиотек Ладислауса Бузаса [1] и Вольфганга Шмитца [2], а также в небольшом по объему, но содержательном обзоре Эрнста Меля и Курта Ханнемана [3].

В круг работ по истории библиотек Германии следует включить и «Справочник по исторически ценным книжным фондам в Германии», подготовленный под руководством профессора Бернхарда Фабиана [4].

Что касается крупных монографий по истории библиотек мира, то такие работы, подготовленные немецкими учеными, отличаются от монографий.

написанных учеными из других стран. В отличие, например, от книг немецких авторов, например, в «Истории библиотек Западного мира» американского автора Элмара Д. Джонсона [5] или «История библиотек» испанского ученого Иполито Эсколара [6], в центре внимания немецких историков библиотек находятся именно библиотеки Германии. При этом в их трудах обычно представлен большой фактический материал. Некоторые работы, например, книга «Основные черты истории библиотек» Йориса Форштинуса Йоошта Зигфрида [7] или учебники по истории библиотек Александра Грегулетца [8] и Вольфганга Мюле [9] позволяют получить только общее представление о развитии научных библиотек. В то же время имеются труды, даже небольшие по объему, как, например, книга Уве Йохума «Малая история библиотек» [10], которые дают достаточно полное представление об этих тенденциях.

Особо следует выделить работу, не имеющую аналогов ни по обилию фактографического материала, ни по отражению состояния библиотечного дела в разных городах и регионах Германии, а также Австрии. Это — «Справочник по библиотековедению», инициатором издания которого выступил Фритц Милькау. Третий том, посвященный истории библиотек, состоящий, в свою очередь, из двух огромных по объему частей, подготовлен под руководством Георга Лея [11].

Нельзя не отметить, что в Германии, подготовлен целый ряд сборников научных трудов, посвященных истории библиотек этой страны. Среди них особо следовало бы выделить сборники, выходящие в серии «Вольфенбюттельские труды по истории книжного дела». Сборники, подготовленные Петером Водосеком, Паулем Кегбайном, Паулем Раабе и другими ведущими библиотечными историками страны, отражают результаты деятельности Вольфенбюттельских кружков по истории библиотек и истории книжного дела. Эти кружки функционируют при Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле. Практически каждому из важнейших этапов истории библиотек страны посвящен специальный сборник научных трудов, например, «Книги и библиотеки в 17 веке в Германии» [12], «Городские инициативы и развитие библиотек после Просвещения» [13] или «Развитие библиотечного дела в Германии в 1945—1965 гг.» [14].

Были изданы и крупные работы по истории конкретных библиотек. Одна из них, а именно подготовленная под руководством Михаэля Кнохе книга по истории Библиотеки герцогини Анны Амалии в Веймаре, представленная в контексте истории культуры [15], интересна и с точки зрения методологии изучения истории. В целом можно сказать, что столь большого количества работ по истории библиотек нет ни в одной другой стране. Но, несмотря на это, немецкие историки полагают, что существует потребность в создании

новых обобщающих работ. По мнению П. Водосека, было бы крайне важно подготовить издание, аналогичное четырехтомной «Истории французских библиотек» [16], в котором столь же полно была бы раскрыта история немецких библиотек [17].

Что касается изучения истории научных библиотек Германии в России, то здесь особо следует выделить статьи и другие работы Л. Б. Хавкиной, написанные, соответственно, в первой половине XX в. [18]. Во второй половине XX в. эти вопросы не были предметом специального исследования, хотя рассматривались в ряде учебников и учебных пособий [19], в диссертациях, посвященных преимущественно проблемам библиотечной теории и практики ГДР [20]. Но самый большой интерес представляет труд А. Г. Кравченко — «Библиотечная работа в капиталистических странах (Франция, Германия, Швейцария, США, Англия): Опыт исторического исследования», подготовленный в конце 1940-х гг. Одна из частей этого труда посвящена Германии [21].

В совокупности большинство вышеназванных работ дает возможность получить представление о развитии научных библиотек разных видов во всех регионах Германии. Но при этом картина процесса их развития — изменений в сфере обслуживания, комплектования фондов, ведения каталогов и т. д. — будучи представленной с точки зрения научных интересов профессионального библиотечного сообщества, дает лишь некоторое представление о том, как складывались и развивались отношения научной библиотеки — института развития науки — с самой наукой, и как формировались основы научной, образовательной и культурной политики в Германии [22].

В данной работе феномен немецкой научной библиотеки анализируется с точки зрения интересов научных библиотек другой страны, а именно — российских научных библиотек, которые прошли принципиально иной путь развития. При этом внимание обращается на то, что на каких-то этапах эволюции российских библиотек, особенно в середине XIX в., немецкий опыт оказывал на них большое влияние. Принято во внимание и то, что именно научные библиотеки Германии и России имеют опыт функционирования в специфических условиях тоталитарного общества. Но основной интерес к историческому опыту Германии обусловлен тем, что в отличие от Германии, где научная библиотека оказалась центральным звеном формирования и реализации научной, образовательной и культурной политики еще в начале XIX в., в российском обществе эти отношения не сложились и к началу XXI в.

То, что особое внимание направлено на те или иные явления немецкой библиотечной истории, обусловлено в свою очередь тем, что события немецкой истории интерпретируются российским автором. Немецкий историк библиотечного дела смотрит на развитие научных библиотек своей страны

инными глазами. В силу этого в ряде фундаментальных работ по истории библиотек Германии практически не упоминается имя Иоганна Вольфганга фон Гёте. В данной же работе особое внимание уделяется именно его деятельности как политика, придававшего научным библиотекам особое большое значение.

В конце XX в. многие страны мира уже жили в условиях информационного общества, в условиях свершившейся компьютерной революции. Назрела необходимость пересмотра всех сложившихся представлений о библиотеке, о книге в ее традиционной форме, о формах и видах обслуживания пользователей. Но именно в Германии был поставлен и решен вопрос о том, что в новых условиях в процессе организации работы и обслуживания пользователей в современных научных библиотеках необходимо учитывать интересы гуманитарных наук, интересы читателя-гуманитария. Это не является случайностью, ибо в научных библиотеках Германии сложились традиции, согласно которым особо принимаются во внимание интересы гуманитарных наук, что также обусловлено процессами, проходившими в XIX в.

Вышесказанное означает, что автор, анализируя процесс развития немецкой научной библиотеки, исходит из реальных потребностей современного российского библиотечного и научного сообщества, и учитывает реальные представления о развитии этого процесса в Германии, сложившиеся в нашей стране. Это и повлияло на выбор темы книги и способствовало тому, что приоритетное внимание было направлено на определенные явления немецкой библиотечной истории, и на определенные идеи и библиотечные концепции немецких ученых.

На рубеже XX и XXI вв. в российском библиотековедении проявился ярко выраженный интерес к проблемам библиотечной политики государства, о чем свидетельствуют монографии Е. И. Кузьмина [23] и В. Р. Фирсова [24]. Автор надеется, что данная работа позволит российскому читателю получить представление о тех аспектах библиотечной политики, которые ранее в российском библиотековедении не рассматривались.

Переводы текстов с иностранных языков выполнены автором.

Создание данной книги стало возможным благодаря Министерству науки и культуры земли Баден-Вюртемберг, которое предоставило автору в 1993 г. стипендию для работы в качестве приглашенного профессора в Высшей библиотечной школе в Штутгарте, и стипендии Фонда Тиссена (Fritz Thyssen Stiftung), полученной автором в 1998 г.

Автор выражает огромную благодарность немецким друзьям и коллегам, которые помогли в создании этой работы. В первую очередь автор хотел бы сердечно поблагодарить профессора Петера Водосека (Штутгарт), доктора Михаэля Кнохе (Веймар) и профессора Бернхарда Фабиана (Мюнстер).

Большую признательность за помощь в работе автор хотел бы выразить доктору Гертруде Паниер (Берлин).

Большую благодарность автор хотел бы выразить друзьям и коллегам, которые помогали на разных стадиях подготовки этой книги. В первую очередь автор выражает благодарность старшему научному сотруднику научно-исследовательского отдела библиотековедения РНБ Л. Н. Гусевой за консультации и советы и научному сотруднику отдела автоматизации РНБ Н. А. Миронову за помощь в оформлении работы и в подготовке именного указателя.

1. НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ, БИБЛИОТЕКИ И ГОСУДАРСТВА

1. 1. АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Современная наука начала утверждаться в Европе в XVIII в., а во всем своем многообразии раскрылась в XIX в. Ее становлению и развитию способствовало множество факторов. Развитие ее было обусловлено изменениями социальных условий, произошедшими в то время в общественной жизни в целом ряде стран Европы, новыми потребностями государства и его новыми обязанностями. Становление и формирование современной науки было обусловлено и развитием естественнонаучных знаний, в том числе открытиями Кеплера и Галилея. Но в целом, как предельно точно охарактеризовал процесс формирования современной науки К. Ясперс, «вопрос о причине возникновения науки Нового времени может быть рассмотрен с самых разных точек зрения, но не постигнут во всей своей глубине. Подобно другим духовным творениям он остается тайной истории» [1].

В отличие от античной современная наука не представляет собой «навсегда» сложившуюся систему знаний, не может иметь завершения. Она нацелена на активное развитие, на самые дерзкие инициативы, неожиданные повороты и прорывы. В силу этого современная наука не обладает неким неизменным и устоявшимся единством и в плане ее структуры. Взаимоотношения отдельных наук меняются и становятся более сложными. При этом современной науке доступен «космос наук». В целом, она, по определению Ясперса, «не только универсальна, но стремится к такому единению наук, которое никогда не достижимо» [2].

Что касается библиотеки на службе науки, то она становится таким местом, где возникший «космос наук» обретает физическую реальность. Научная библиотека превращается в такой социальный институт, для которого, как для университета, характерно стремление к всеохватывающему знанию. Возможности же быстрого распространения знаний обеспечило книгопечатание [3].

Новый этап в развитии библиотеки в целом и в формировании библиотеки как социального института, связанного с наукой, начинается в Европе в эпоху Просвещения. Но ей предшествовали два очень важных этапа развития европейской цивилизации — Ренессанс XIV—XVI вв. и Реформация XVI в. Ренессанс, и в особенности итальянское Возрождение, способствовали усвоению наследия античности. Современная наука усвоила опыт

античной науки, и духовные истоки ее связаны с античным миром, ибо, как очень точно отметил немецкий философ Эдмунд Гусерль, «духовная Европа имеет место рождения». По его мнению, духовное место рождения Европы связано с одной из наций, и соответственно, с отдельными людьми и группами принадлежащими к конкретной нации: «Это древнегреческая нация VII и VI столетий до Р. Х. В ней сформулирована новая установка индивида по отношению к окружающему миру» [4].

Человек античного мира вступает в принципиально иную стадию своего развития — стадию развития рассудка, своего рационализма, своего мышления. В это время человек уже вместо того, чтобы просто воспринимать мысли, осенявшие его в божественном откровении, мыслит сам, в результате чего у него зарождаются формы собственных мыслей и логических связей. Возникает потребность в развитии науки, в восприятии ее и как совокупности знаний, и как процесса получения нового знания.

Античная наука, в отличие от ее предшественницы — науки «донаучного» периода ее жизни, связана со временем. Для нее принципиально иное значение приобретает и все то, что создано ранее, другими поколениями, и то, что создается в данный момент. Она связана с памятью времени, т. е. с временной памятью. Именно в античном мире появляется история, которая с тех пор может рассматриваться как наука. Ее «отцом» считается Геродот.

Греческая наука — это сложившаяся наука, которая представляет собой уже не элементы научного знания, которое создается профессионалами, а его завершенную систему. По отношению к греческой науке употребление понятия «ученый» правомерно, ибо человек, по отношению к которому это понятие применимо, создает это знание и распространяет его, используя и в процессе обучения. Развитие же науки было в значительной степени определено именно тем, что мир во времена Аристотеля перешел от устного обучения к обучению, основанному на практике чтения, на пользовании зафиксированными, «подлинными», или эталонными, текстами.

Древняя Греция была и местом рождения научной библиотеки, хотя античная научная библиотека, равно как и античная наука, принципиально отличаются от современной научной библиотеки и самой современной науки.

Античная библиотека — это библиотека, которая активно служила целям обучения, способствовала постижению накопленных знаний, системы готовых сведений. Для проведения исследований она выполняла роль инструмента, но не стремилась активно оказывать помощь в научной работе, проявлять готовность способствовать развитию науки, ибо сама наука в развитии — в современном смысле — не нуждалась, и на развитие не была нацелена. При этом под античной библиотекой следует понимать не только греческую библиотеку, но и библиотеку римскую, а также библиотеку европейского ран-

него средневековья — периода, когда научное знание стали сохранять в монастырских библиотеках. Некоторые из последних представляли собой острочки именно античной культуры.

Античная библиотека служила науке в соответствии с установившимися взаимоотношениями. Ее можно характеризовать как «память человечества» и, в определенной степени как «память науки». В ней хранились труды, в которых отражено сложившееся, устоявшееся, неизменное знание о мире. Задачей античной библиотеки было выполнение функции хранения подлинников (подлинных знаний, зафиксированных в книгах). При этом она должна была сохранять их для следующих поколений, и в то же самое время делать эти труды доступными обучающимся современникам.

Библиотека становится главным звеном системы распространения научного знания, обеспечивающим жизнеспособность системы образования. Главной функцией античной библиотеки становится функция скриптория, т. е. функция распространителя знаний.

Античной библиотеке было суждено пережить эпоху античности. Сохранив связь с наукой, она продолжает жить дальше, уже в период раннего европейского средневековья. При этом изменились масштабы ее деятельности и ее облик. Роль инструмента античной науки стала выполнять уже монастырская библиотека. Первые библиотеки, которые стали своего рода оазисами, в которых наследие античного мира суждено было сохраниться для следующих поколений, возникли в V–VI вв. в Западной Европе. Они продолжали выполнять важнейшую функцию античной библиотеки — функцию скриптория, хотя столь важную роль в сохранении наследия античности сыграли лишь некоторые библиотеки. Системы ценностей и ориентиры в развитии науки на протяжении многих веков оставались неизменными. Это касается и возникшего в XI—XVI вв. и распространившегося по всей Европе нового типа библиотеки — университетской библиотеки. Преподавание в первых средневековых университетах и, соответственно, научная деятельность в них строились на основе постулатов античной науки, хотя первые библиотеки средневековья не походили на античную библиотеку, и чаще всего они представляли собой весьма скромные по величине собрания. Это было характерно и для первых университетских библиотек средневековой Германии, получивших мощный импульс к развитию в эпоху Реформации.

1. 2. БИБЛИОТЕКА ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ

Главной единицей социальной жизни в эпоху Реформации стал город. При этом средневековый европейский город — явление неоднородное, при определении и оценке которого «важно учитывать, на какое пространство

способно распространиться его влияние» [5]. Влияние города не в последнюю очередь обусловило и характер развития науки и роль библиотеки в этом процессе. Самым ярким явлением в этом отношении стали ганзейские города севера Европы. Именно библиотека как составной элемент научной, образовательной и культурной жизни ганзейского города в эпоху Реформации определяла в значительной степени его феномен.

Развитие именно города как единицы общественной жизни, а не государства в целом, характерно для позднего по отношению ко многим странам Европы средневековья. Но на Севере Европы развитию города и, соответственно, городской жизни, был присущ совершенно иной оттенок. Это было обусловлено, с одной стороны, распространением в этом регионе идей Реформации, с другой, — развитием особых и очень тесных связей между городами Балтийского региона.

На пространстве вдоль берегов одного моря между городами, даже расположенными на территории разных государств, обычно складываются свои, не обусловленные принадлежностью к тому или иному государству связи, что и послужило в свое время толчком к реализации идеи создания Ганзейского союза, идеи межгородского, а в данном случае, межгосударственного объединения.

Межгосударственный характер взаимосвязей ганзейских городов проявился и в создании в Балтийском регионе университетов. В 1411 г. был основан Ростокский университет, в 1456 г. — университет Померании в Грейфсвальде, а в 1544 г. — университет в Кёнигсберге [6]. Эти и другие университеты Балтийского региона развивались в соответствии с системой научных ценностей античной науки.

Падение Константинополя в 1453 г. стало мощным импульсом к духовному развитию Европы. Как отмечает финский историк Матти Клинге, «... спасенные там рукописи и прибывавшие оттуда ученые стали восстанавливать знание греческого языка, знания о культуре Греции античного периода, сперва в Италии, затем по всей Европе. Идеи гуманизма периода Возрождения распространились через книгопечатание, а новый идеал человека и образования подчеркивал значение античной философии, морали, риторики и увлечения искусством» [7].

Особенно значимой в распространении научных знаний на севере Европы была роль университета в Ростке. В нем обучались, наряду с немецкими, датские, шведские, финские, эстляндские, лифляндские и курляндские студенты. Для развития Ростокского университета огромное значение имела деятельность Даниэля Крамера, одного из крупнейших ученых Северной Европы конца XVI в., который проработал в Ростке несколько лет — с 1588 по

1595 г. В лютеранском мире он был первым, кто читал в университете курс лекций по метафизике Аристотеля [8].

Развертывание университетской деятельности было бы невозможно без распространения книги, и это повлекло за собой возникновение центров книгопечатания, чему также способствовало развитие связей между городами Балтийского региона. Так, например, одним из крупных центров книгопечатания стала типография Бартоломеуса Готана в Любеке, где в 1481 г. была отпечатана тиражом в 1000 экземпляров Псалтырь. (Известно, что в конце XV в. русский царь Иван III приглашал Готана в Россию для организации книгопечатания. Уже были подготовлены переводы книг для издания на русском языке, в частности «История Трои» по Гомеру.) В круг крупнейших книгоиздательских центров вошли Росток, Данциг и Рига. Активизация университетской деятельности, обусловленная ускорением распространения книги, не могла не отразиться на библиотеке: она начинает активно проявлять себя и как центр образования и как инструмент развития науки.

В эпоху Реформации наука получила новые импульсы. Она по-прежнему оставалась в системе античных ценностей, влияние которых в эти годы даже усиливалось. Но в то же время расширялась сфера распространения знаний, а это уже свидетельствовало о том, что в ближайшем для того времени будущем неизбежен был качественный скачок развития науки. Изменения происходили и в библиотеках, которые продолжали выполнять функцию «хранилищ знаний», но все в большей степени вовлекались в процесс развития образования, который под воздействием реформ Мартина Лютера охватил XVI в. север Европы.

Лютеранский Север Европы становится в то время пространством, где, с одной стороны, множится количество учебных заведений, и в первую очередь университетов, при которых, соответственно, открываются и новые библиотеки. Здесь раньше, чем где-либо, просматривается тенденция к увеличению числа библиотек. Они постепенно развивались и их фонды, соответственно, увеличивались. С другой стороны, в этом регионе уже тогда появляется новый тип библиотеки. Наряду с университетскими все более заметными становились библиотеки, созданные по инициативе городских властей — их роль становилась все более ощутимой. Эти процессы были характерны для севера Германии и находившихся под сильным влиянием лютеранского Севера соседних территорий, но более всего для городов уже сложившегося к тому времени и активно действующего Ганзейского союза.

В отдельных городах Балтийского региона в то время набирал силу процесс духовного обновления, который повлиял и на развитие образования, и на развитие городской культуры. Он охватил немецкоязычные города, которые оказались вовлеченными в процесс реформ, одной из которых стала и биб-

лиотечная реформа. Библиотеки рассматривались Мартином Лютером как важный элемент развития немецких городов. Известно, что он, в частности, писал: «И наконец, всем тем, кто мог бы это сделать, нужно, пожалуй, подумать о том, что в немецких землях. . . следует. . . не останавливаясь перед затратами, открывать в больших городах библиотеки, которые устраивали бы всех» [9].

При этом понять библиотечные идеи Лютера можно только в контексте его взглядов на роль книги в формировании сознания христианского человека, на ее роль в развитии такого образования, которое, по его мнению, следовало вывести за стены монастыря и сделать светским. Книга, в понимании Лютера, должна служить религии, т. е., распространению прогрессивных религиозных идей: «Священный труд должен быть напечатан на двух языках, наряду с немецким — на латинском, греческом и еврейском, а может и еще на нескольких» [10].

Обращает внимание Лютер и на необходимость распространения книг, вышедших в свет на разных языках. Особый акцент был сделан им на необходимость распространения светской литературы [11]. Эти идеи имели огромное значение и для формирования фондов библиотек, понимания характера состава их фондов. Можно говорить и о том, что библиотека, наряду с выполнением религиозной функции через распространение соответствующей литературы, должна была быть сориентированной и на выполнение образовательных задач.

Принципиально важным считал Лютер и распространение литературы по истории Германии и других стран: «Нужно знать, что происходило и происходит в немецких землях, знать историю, которая нам неизвестна; нет книг, из которых живущие в других странах могут узнать о нас, немцах» [12].

По его мнению, именно книга, активно вовлеченная в образовательный процесс, влияет на формирование человека: «...Молодой человек должен учиться двадцать или более лет..., и если он в течение всей жизни остается бедным неученым человеком — чья это вина?» [13].

Распространение книги как процесс, через который общество решает образовательные задачи в отношении его граждан, было в понимании Лютера крайне важным, ибо городу нужны были образованные граждане [14].

Все вышесказанное позволяет предположить, что у Лютера сложилось определенное библиотечное мировоззрение, или даже можно сказать, что у него была своя библиотечная концепция [15]. При этом определенно следует сказать, что понятия «мировоззрение» или «концепция» можно употреблять по отношению к Лютеру с большой или с известной степенью условности. Лютер все же больше пишет о роли книги, о значении распространения знаний, нежели о самой библиотеке, но несомненно, что эти идеи имели боль-

шое значение для создания библиотек нового типа, которые принципиально отличались от традиционных монастырских библиотек.

Именно благодаря движению, направленному на осуществление реформ в области образования горожан, которое возглавил Лютер, сложился особый тип библиотеки — городская библиотека. Она была сориентирована на обслуживание образованной части населения города — юристов, духовенства, врачей, учителей [16].

Феномен городской библиотеки ганзейского города стал возможным именно благодаря эпохе Реформации. Там, где влияния Реформации не было, несмотря на существование определенных контактов с Ганзейским союзом, там не появились и городские библиотеки [17].

Как известно, городские библиотеки как библиотеки нового типа появляются в немецких городах в XIV в. Это были, прежде всего, библиотеки ратуш (Ratsbüchereien). Во многих случаях основой фондов этих библиотек становились личные библиотеки.

Так, среди городских библиотек ганзейских городов особого внимания заслуживает библиотека в Гамбурге, возникшая в середине XIV в. В формировании ее фондов большую роль сыграли создатели уникальных частных коллекций, например, городской врач Иоханн Роде, который передал в 1469 г. гамбургской ратуше 40 медицинских сочинений, среди которых были и сочинения греческих и арабских врачей [18].

Существовала тогда и смешанная форма библиотеки — ратушная библиотека с библиотекой гимназии, например, основанная в 1525 г. герцогом Альбрехтом в Кёнигсберге. Городская библиотека такого же вида появилась и в Эльбинге (Эльблонге) и в Торне (Торуни) [19].

Можно сделать вывод, что городские библиотеки эпохи Реформации — это совокупность различных по месту создания библиотек. Возникшие при ратушах, церквах, гимназиях, эти библиотеки выполняли и другие, специфические функции по отношению к учреждениям, на базе которых они создавались. Но их объединяло одно — они были нацелены на обслуживание граждан города, на выполнение образовательной, просветительной функции. И в этом качестве они играли роль распространителя научных знаний. Во времена Реформации они еще не стали, да и не могли стать полноценными инструментами развития науки — их роль была ограничена рамками тех задач, которые решала наука того времени.

В дальнейшем, в одних случаях, возникшие в эпоху Реформации городские библиотеки продолжали оставаться таковыми, хотя при этом менялись их функции и масштабы деятельности. Уникальной в этом отношении представляется Городская библиотека в Любеке. В других случаях, бывшие городские библиотеки, точнее их фонды, давали впоследствии жизнь биб-

лиотекам другого типа, например, научным библиотекам, деятельность которых была сориентирована на задачи обслуживания, прежде всего, ученых. Такова, например, судьба фондов городских библиотек Таллина и Риги — они стали основой современных академических библиотек. Но, начиная с эпохи Просвещения в сохранении наследия городов Балтийского региона значительную роль начинают играть библиотеки иного типа — национальные.

1. 3. «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Просвещение — это эпоха расставания европейских стран со своим феодальным прошлым. Человек, воспринявший идеалы эпохи Просвещения, начинает думать не только о себе, но и о других, о своем месте в обществе, ведет активный поиск самого лучшего устройства общества. Все шире распространяется идея равенства людей не только перед Богом, но и перед законом, перед другими людьми. Едва ли не самым характерным признаком эпохи Просвещения является исторический оптимизм: «Идея прогресса — завоевание этой эпохи. Предшествующие времена не задумывались над самооправданием. Античность знать ничего не хотела о своих предшественниках, христианство относило свое появление на счет высших предначертаний, даже Ренессанс, выступивший арбитром в диалоге двух предшествующих культур, считал своей задачей не движение вперед, а возвращение к первоистокам. Просвещение впервые осознало себя новой эпохой. Отсюда было уже рукой подать до историзма как типа мышления. И хотя не все просветители поднялись до исторического взгляда на вещи, его корни лежат в этой эпохе» [20].

Первыми начали расставаться с феодальным прошлым Голландия и Англия, затем Франция. Для Германии такое время расставания пришло позднее — в XVIII в.

Просвещение чаще всего рассматривают как эпоху, в которую начинается приобщение к образованию всех и каждого, а культура становится доступной народу. Просвещение рассматривается как панацея от всех социальных неурядиц. Развитие этого процесса идет через печатный текст. В понимании современников этой эпохи «просвещенным» может быть тот, кто читает. Критерием просвещенности по отношению к пишущему и читающему становится печатный текст. В силу этого библиотеки стали рассматривать как учреждения, которые играют особенно важную роль в распространении идей Просвещения. А поскольку его символом становится определенная книга — «Энциклопедия», современники начинают воспринимать библиотеку как своего рода материализованную идею энцикло-

педии — универсальной библиотеки в качестве энциклопедической библиотеки.

Между высказываемыми идеалами энциклопедической библиотеки и их реальным воплощением в это время в странах, для которых она стала реальностью, всегда существовала определенная дистанция [21]. Германия не была исключением. Более того, возможно, именно здесь эта дистанция оказалась особенно значительной. Но все же именно в Германии идеи энциклопедической библиотеки получили наиболее последовательное и глубокое развитие.

Новые отношения между библиотекой и наукой не пришли вместе с эпохой Просвещения [22]. Не возникла и не могла возникнуть научная библиотека как тип библиотеки, которая соответствовала бы идеалам этой эпохи. Но именно в эпоху Просвещения зарождается новая научная библиотека и ее родиной становится Германия.

Как до начала эпохи Просвещения, так и в первые ее десятилетия — в конце XVII-начале XVIII вв. в Германии имелось большое число библиотек, которые могли бы быть отнесены к научным — библиотеки, обладавшие значительными фондами, которыми можно было бы пользоваться в научной работе. Это библиотеки университетов и академий, придворные и городские библиотеки и др. Их фонды пополнялись, как правило, в соответствии со вкусами, интересами и возможностями их владельцев и (или) их библиотекарей. От этого зависела степень ценности фонда, его состояние, степень раскрытости и степень доступности читателям. Далеко не все уникальные собрания Германии того времени были хорошо каталогизированы, но все же именно здесь был накоплен огромный опыт составления каталогов, который особенно ценился в других странах Европы, куда нередко приглашали библиотекарей из Германии прежде всего с этой целью [23].

До эпохи Просвещения и в значительной мере в ее начале немецкая библиотека оставалась сориентированной на античную модель научной библиотеки. Это выражалось, в частности, в том, как руководители библиотек гордились более всего уникальными рукописными книгами, хотя на смену рукописной пришла книга печатная, и отпала потребность в выполнении библиотекой функции скриптория. Ориентация на античную модель выражалась и в том, что библиотека в своем служении науке, как правило. Не стремилась к широкому охвату мировой литературы. Она как бы оставалась сориентированной на внутренний «космос наук», имеющей определенные границы познания.

Эпоха Просвещения дала новые импульсы. Современники постепенно начинают воспринимать библиотеку как одно из важнейших учреждений общества, т. е. как социальный институт, от качества организации работы которого и от его активности зависит и уровень образованности общества,

его граждан. Лучшими библиотеками этого времени становятся те, которые начинают ориентироваться на идеалы энциклопедической библиотеки. Энциклопедичность выражается в стремлении руководителей библиотек и их библиотекарей изменить сложившийся подход к комплектованию фондов библиотек. Наиболее передовые библиотеки сориентированы с тех пор, с одной стороны, на комплектование литературой самых разных направлений, т. е. на всеобщий охват «космоса наук», а с другой — на комплектование литературой на разных языках, на выход за пределы государственных и языковых границ. Последнее обстоятельство имело для библиотек особое значение в связи с тем, что в эпоху Просвещения обучение велось на национальных языках. Латынь уже не была обязательным и тем более единственным общенаучным языком. Наиболее значимым, и, стало быть, наиболее распространенным языком науки становится тот язык, на котором тогда более активно издавали научные книги и который — как язык обучения в высших учебных заведениях — распространялся все шире. В эпоху Просвещения таким языком постепенно становится немецкий, что обусловлено, прежде всего, активностью немецких университетов, а также их популярностью и авторитетом. Этому способствовало и развитие книгоиздательской деятельности в Германии, и проведение книжных ярмарок в немецких городах.

В связи с тем, что наука в то время вышла за пределы внутреннего космоса античной науки в «космос наук», не имеющий границ познания, появилась потребность в энциклопедической, или универсальной библиотеке, что потребовало решения практических проблем библиотечной работы. Прежде всего, изменились представления о формировании фондов библиотеки, что повлияло на сферу комплектования. Основной задачей этой области библиотечной работы стал поиск наиболее рациональной формы получения информации о книгах, которые издаются в различных странах мира, и их приобретение. А увеличение объема их фондов требовало нового — профессионального — решения проблем их расстановки с целью обеспечения более оптимального пользования фондами библиотек и организации каталогов. Самое большое внимание постановке этих вопросов и поиску их решения уделялось в эти годы именно в Германии.

В XVII—XVIII вв., как, впрочем, и в предшествующие эпохе Просвещения годы, в Германии и в других странах мира профессиональная подготовка библиотекарей не велась. В Германии должность директора библиотеки, а иногда и библиотекаря придворной или университетской библиотеки, занимали активно действующие ученые, что было традицией того времени. С одной стороны, сама должность директора библиотеки была для ученого престижной и гарантировала хорошее материальное обеспечение. С другой стороны, ученый получал возможность работать со столь необходимыми для

него источниками. В силу этого, оказалось, что очень многие, едва ли не самые выдающиеся ученые на протяжении многих лет своей жизни были связаны с библиотечным делом. При этом они проявили себя именно как выдающиеся ученые, и их библиотечная деятельность не стала объектом специального изучения, хотя нередко выдающиеся ученые ярко раскрывались и в качестве библиотекарей, которые владели искусством составления каталогов [24]. Но особенно значительный вклад в библиотечное дело внес Г. В. Лейбниц, деятельность которого выходила далеко за рамки той работы, которую выполняли его коллеги — ученые, работавшие библиотекарями. Поэтому можно утверждать: позитивные перемены в работе наиболее значимых библиотек Германии конца XVII — начала XVIII вв. обусловлены распространением его концепции энциклопедической библиотеки [25].

Помимо 45-ти работ, в которых он непосредственно касается библиотечного дела, интересные мысли о назначении библиотек, об организации их работы и о многих других практических аспектах их функционирования он высказывает в книгах, статьях, письмах и трудах, посвященных иным темам.

Прежде всего, в целом ряде своих работ Лейбниц рассматривает книги и библиотеки как своего рода инструменты получения знаний. По его мнению, книги, собранные в библиотеке, должны иметь интеллектуальную и научную ценность и представлять собой репрезентативную коллекцию, энциклопедически охватывающую все познания.

Лейбниц рассматривал библиотеку как одно из звеньев той интегрированной системы знаний, в которую, по его мнению, входят архивы, издательства, типографии, а также школы и учреждения науки и культуры. Практически речь шла о рассмотрении библиотеки в контексте осуществления целенаправленной научной политики, содействующей развитию науки в целом и учитывающей значение каждого из учреждений, которое входит в «систему знаний».

Лейбниц также разработал идеальную для своего времени концепцию научной библиотеки, в которой были предложены решения всех наиболее важных вопросов ее функционирования.

Одним из ее элементов является план «Книжное ядро» («Nucleus Librarius»), представляющий собой ряд предложений по подготовке, с периодичностью один раз в полгода, списков новых изданий, содержащих их краткие описания, — работа, реализация которой могла бы принципиально изменить политику комплектования научных библиотек.

Вместо каталогов крупнейших ярмарок — Франкфуртской и Лейпцигской, в которых указывались только имя автора книги, как правило ничего не говорившее о ее содержании, по мнению Лейбница, следовало бы систематически готовить обзоры новых изданий, в которых были бы приведены, в

частности, сведения об авторе, — о его жизни и творчестве, краткая характеристика содержания его произведения, наиболее интересные из упомянутых в произведении факты. Он полагал, что наличие таких обзоров было бы выгодно для государства, ибо правительство могло бы владеть информацией об основных идеях, циркулирующих в обществе и в результате этого получить возможность в некоторой степени контролировать ситуацию в стране.

План не был реализован, но Лейбниц не переставал думать о воплощении идей, заложенных в этом плане. Так, позднее он предлагал создать Центральный комитет по вопросам книгоиздательства и книжной торговли или даже целый комплекс институтов, способствующих развитию науки. Свое видение подобной организации он изложил в одном из разделов плана реорганизации Академии наук.

Особое внимание обращал Лейбниц на недопустимость заваливания мира бумажным хламом, в то время как «почти все, что достойно быть напечатанным» уходило за пределы Германии из-за положения дел в издательской системе [26].

В соответствии с одним из пунктов этого плана предполагалось «связать воедино каталоги почти всех книг, чтобы можно было знать, какая литература содержится в действующих библиотеках». По сути, Лейбниц сформулировал идею создания сводного каталога библиотек страны.

Лейбниц считал, что необходимо создать особую библиотеку, в фондах которой содержались бы только «самые нужные для общества книги, представляющие научную ценность» [27]. А это означает, что Лейбниц, по сути, выдвинул идею создания центральной научной библиотеки универсального профиля, фонды которой пополняются на основе научно обоснованных принципов комплектования.

Большое внимание уделил Лейбниц и вопросам организации внутренней работы библиотеки. В письменном виде Лейбниц изложил мысли об организации библиотеки в 1700 г. в работе «*Idea Leibnitiana bibliothecae publicae secundum classes scientiarum ordinandae fusior et contractior*» [28]. В этой работе он особенно подробно рассмотрел вопросы расстановки фонда в библиотеке, а именно — о создании и применении классификации наук, которой можно пользоваться для систематической расстановки фонда. Такая классификация интересна тем, что она создана ученым, который соотносил эту схему и с потребностями науки, и с потребностями библиотеки, которая при продуманной организации фонда может принести максимальную пользу именно в деле служения науке [29].

Некоторые библиотечные идеи Лейбница все же были воплощены в жизнь, прежде всего в Придворной библиотеке в Вольфенбюттеле, которой он руководил в качестве директора [30]. В XVIII в. эта библиотека начала

превращаться в крупнейшую библиотеку Северной Европы, подобную той, какой была для Южной Европы Библиотека Ватикана. Вольфенбюттельская библиотека поражала современников своими фондами. Работавший в ней на протяжении многих лет в качестве библиотекаря великий немецкий драматург Готхольд Эфраим Лессинг имел все основания полагать: «В этом веке едва ли какая-либо другая библиотека Европы вносит более крупный и более важный вклад в различные области науки, нежели наша» [31].

Несомненно, положительным фактором в организации работы библиотеки стало применение для расстановки ее фонда классификации наук. Но все это еще не привело к тому, чтобы Вольфенбюттельская библиотека начала XVIII в., как крупнейшая, и во многих отношениях, лучшая, в том числе, и как научная, смогла играть роль активного научного учреждения, активно участвующего в научной жизни, и способствующего тем самым развитию науки. Не случайно анализ состава книг, которые выдавались в Придворной библиотеке Вольфенбюттеле, показал, что на первом месте среди выданных книг была развлекательная, легкая литература [32]

1. 4. ИДЕАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА НОВОГО ВРЕМЕНИ

В начале XVIII в. Германия была богата крупными библиотечными собраниями, которые сформировались, прежде всего, в резиденциях правителей как крупных, так и небольших государств, а под заметным влиянием некоторых из немецких библиотек стали развиваться и библиотеки других стран [33]. К этому времени в Германии сложилось немало интересных городских библиотек, особенно на севере страны. Имелся и ряд крупных университетских библиотек. Но библиотека Гёттингенского университета (далее — Гёттингенская библиотека) не была похожа ни на одну из библиотек того времени.

Автором уникальной концепции формирования и развития основанной в 1737 г. Гёттингенской библиотеки является первый куратор университета Герлах Адольф барон Мюнхаузен [34]. Он не ставил перед собой абстрактной задачи сделать ее лучшей научной библиотекой Европы XVIII в., но она стала таковой благодаря его деятельности, и благодаря его пониманию роли библиотеки как составной и важнейшей части университета. Его концепция строилась на убеждении в том, что успех или, напротив, неудача в работе университета определяется тем, как организована библиотека университета. Мюнхаузен в своем стремлении иметь хорошо организованную библиотеку, как полагал первый директор Библиотеки Кристиан Готтлоб Хейне, «сразу же думал о том, чтобы через создание библиотеки придать всему университету облик учреждения, имеющего столь своеобразный характер, благодаря кото-

рому этот университет будет отличаться от других» [35]. Иными словами, сам университет стал лучшим в Германии, и не только в Германии, благодаря тому, что он имел самую лучшую библиотеку [36].

Как университетский центр особого государства Германии — Ганноверского, Гёттинген развивался в пространстве немецкой науки и культуры, но имел иные, по сравнению с другими германскими государствами, возможности. Ганновер находился под сильным британским влиянием, поскольку британский монарх был в то же самое время и королем Ганновера.

Согласно первоначальным замыслам, Гёттингенский университет должен был превзойти лучший немецкий университет того времени — в Галле. На деле же оказалось, что ему было суждено играть иную, более значимую роль — роль ведущего университета Европы, главным инструментом развития которого впервые была библиотека. Там создавалась библиотека, которая изначально становилась свободна от влияния музейных представлений об организации ее работы. При этом она была сориентирована на обслуживание науки в целом. Она была сориентирована на все ее отрасли и направления, а не интересы отдельных ученых, проводивших в XVII в. свои исследования в одиночку. В целом имеются все основания считать Гёттингенскую библиотеку первой библиотекой, которая была полностью сориентирована на служение науке в качестве важнейшей составляющей научного учреждения, а также в качестве подразделения научного учреждения, деятельность которого подчинена задачам исследовательской работы. Такой она стала благодаря деятельности К. Г. Хейне (1729 1812), который был ее директором с 1764 по 1812 г.

Основной элемент концепции Гёттингенской библиотеки — непрерывное, планомерное и научно обоснованное приобретение отечественной и иностранной литературы. В уставе Библиотеки 1810 г., отмечалось то, что она должна была быть «оборудована для выполнения научного плана, не для хобби в виде занятий отдельными дисциплинами, не из любви к роскоши, не для внешнего лоска, но для воплощения, олицетворения и охвата важнейших научных трудов всех времен и народов по всем наукам в виде отечественной и иностранной литературы. . . Таким образом, как правило, нужно искать и отбирать только такие книги, в которых содержатся научные, технические, практические знания, способствовавшие прогрессу, в которых содержится хотя бы один шаг вперед; предпочтение следует также отдавать все же книгам, которые содержат источники систем, улучшений, расширений, исправлений, по сути и по форме, но не книгам, содержащим просто повторения и компиляции уже известного или тривиального» [37]. Это означает, что речь шла уже не об абстрактном всеобщем охвате всего потока мировой литературы, а об определенных, научно обоснованных принципах комплектова-

ния. Приоритетность в комплектовании отдается наиболее ярким, наиболее значимым в научном отношении изданиям.

Главным достоинством университетской библиотеки Мюнхаузен считал сам факт возможности пользоваться ею. Особое внимание уделялось информированию о новых поступлениях, которое велось рецензентами издававшегося Гёттингенским университетом журнала рецензий «Göttingische Gelehrte Anzeigen» («Гёттингенские ученые записки»). При этом из поля внимания рецензентов не выпадала ни одна область науки.

В Гёттингене библиотека рассматривалась как учреждение, которое через служение исследовательской деятельности, сама способствует развитию науки. Поэтому, помимо традиционной функции обслуживания исследователей, одной из функций этой библиотеки считалась подготовка к изданию журнала рецензий. В отличие от других научных журналов того времени, которые не могли охватить все направления науки и нередко даже перепечатывали рецензии из других изданий, здесь помещались оригинальные рецензии. Этот журнал был единственным изданием в мире, помогавшим ориентироваться в потоке мировой литературы, ибо в распоряжении создателей журнала был уникальный фонд библиотеки.

В Гёттингенской библиотеке огромное значение придавали искусству раскрытия ее фонда. В этом отношении показательно мнение, профессора медицины и хранителя библиотеки Георга Маттие, получившего известность как автор оригинального плана организации работы общедоступной (или публичной) библиотеки. Эта работа была опубликована в 1755 г. под названием «Проект, как привести в порядок публичную библиотеку с тем, чтобы она стала общественно полезной и самой удобной». По мнению Маттие, было «сверхнеобходимо определить порядок, для чего каждой книге нужно отвести определенное место, чтобы ее там всегда можно было найти» [38]. Согласно этому плану, было определено, что доступ к фонду будет возможен через алфавитный каталог, называемый Маттие «указателем имен», и через систематический каталог. Последний был организован таким образом, что каждый большой раздел начинался подразделом, который не просто представлял имеющуюся в Библиотеке литературу по конкретной теме, но и давал читателю возможность воспринимать собственное исследование в контексте труда предшественников как продолжение уже проводившейся до него работы. Современники не без зависти относились к своим коллегам в Гёттингене, считая порой их достижения лишь заслугой сотрудников самой Библиотеки [39].

Успешность политики целенаправленного комплектования фондов Библиотеки было, прежде всего, заслугой Филиппа Августа Шлютера, на протяжении длительного времени непосредственно отвечавшего за приобретение

новой литературы. Ставка была сделана на связи с голландскими книготорговцами, что было более чем оправданно, ибо именно Голландия была в те годы центром мировой книжной торговли. Имелся и особый инструмент, позволявший целенаправленно пополнять фонд библиотеки и анализировать эту деятельность: в соответствии с решением Сената университета, был заведен особый каталог новых книг, рекомендуемых для приобретения, в котором отмечались все полученные позднее издания.

Гёттингенская библиотека стала своего рода эталоном, на который ориентировались многие библиотеки Европы. Она оказала определенное воздействие и на Библиотеку Британского музея, а именно на ее директора-реформатора Антонио Паницци. Опыт Гёттингенской библиотеки оказывался особенно полезен там, где предпринимались попытки привести в соответствие требования к научной библиотеке в соответствии с требованиями науки того времени [40].

Стало очевидным, что для интенсивного развития науки необходимы особые «инструменты». Как полагает Георг Лей [41], быстрый взлет всех наук в дальнейшем, в эпоху классической немецкой науки, стал возможным благодаря библиотекам, которые проявили себя как столь важные для науки инструменты [42]. Более того, он утверждает: «В Германии библиотеки только тогда стали восприниматься как крайне необходимое звено организации научной работы» [43]. Эту роль не могли играть придворная, ставшая во многих случаях библиотечкой регионального значения — земельной. Эту роль более активно начинает играть университетская библиотека.

В XIX в., в отличие от предыдущего столетия — не наблюдается столь большого различия между уровнем развития других университетских библиотек. Все они входят в круг крупнейших немецких библиотек [44].

Под влиянием гёттингенской модели постепенно меняются как университетские библиотеки, так и сами университеты, постепенно меняются под влиянием гёттингенской модели. А все это, в свою очередь, означало, что наиважнейшим из всех подразделений университета стали рассматривать именно библиотеку. Постепенно уходили в прошлое характерные для эпохи барокко определения университетской библиотеки типа «цветник» (Flog), или «сокровище» (Schatz), или «украшение» (Zierde). Библиотека изменила свои ориентиры, прежде всего, в сфере обслуживания читателей — она стала общедоступной.

Но оказалось, что всех этих достижений было недостаточно даже для XIX века. В первой половине того столетия в науке проявляется тенденция к обязательному отражению в публикациях результатов, каких бы то ни было исследований, в том числе в энциклопедиях и справочниках, и все эти результаты, само собой, попадали в библиотеку, где и должны были храниться,

обеспечивая исчерпывающую полноту ее универсальных фондов. Во второй половине этого века ситуация в науке начала меняться. Возникла потребность в координации отдельных научных исследований и в их синтезе. Стало очевидно, что время любительских научных исследований, которые выполнялись энтузиастами по собственной инициативе, нередко просто ради удовольствия, но описания которых в том или ином виде все же публиковались, уже прошло. Не менее ясно стало и то, что работы такого рода засоряют научную библиографию. Решить эти вопросы могли только крупные научные центры, которые и стали с тех пор определять характер исследований в той или иной области — университеты. Изменения в науке, в характере проведения научных исследований не могли не повлиять на инструмент науки, каким стала библиотека.

1. 5. НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА: НЕМЕЦКИЙ ИМПУЛЬС ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГЕРМАНИИ

К концу XVIII-началу XIX вв. в Германии накопился опыт организации библиотечной работы, который стал объектом внимания не только немецких библиотекарей, но и их зарубежных коллег. Это был уже не просто опыт работы одной или нескольких научных библиотек, который, будучи воспринятым руководителем или библиотекарем той или иной библиотеки, мог быть в той или иной степени использованным и в иных социокультурных условиях. Это уже была сумма знаний и навыков, которые стали составной частью библиотечного дискурса немецкоязычных государств.

Носителями этого дискурса стали библиотекари многих научных библиотек. Некоторые же из них предпринимают попытки осмыслить эти знания и изложить их в систематизированном виде с целью более точной передачи их для последующего применения на практике. Эти инициативы были изложены в работах библиотекаря Придворной библиотеки в Мюнхене Мартина Шреттингера (1772—1851) и библиотекаря Придворной библиотеки в Дрездене Фридриха Адольфа Эберта (1791—1834). Первый из них подготовил работу под названием «Попытка полного учебника науки о библиотеке» [45]. Вслед за нею им была подготовлена книга «Справочник по науке о библиотеке» [46]. Второй опубликовал книгу «Образование библиотекаря» [47]. В целом, в нескольких работах Шреттингера и других авторов появляется принципиально новое для библиотечного мира понятие — «Bibliotheks-Wissenschaft», которым в дальнейшем стали активно пользоваться. На русский язык его стали переводить как «библиотековедение».

Само понятие «Bibliothek-Wissenschaft» в немецком языке является, по сути, синонимом термина, который появился позднее, а именно «Bibliothekswissenschaft». И все же, в первоначальном написании этого термина было выражено нечто большее, нежели то, что отражает вошедшее позднее в научный оборот понятие «Bibliothekswissenschaft», означающее дословно «наука о библиотеке». В первоначальном же варианте произошло соединение двух равных понятий — «библиотека» и «наука». Этим понятием окончательно констатировалось то, что сама концепция функционирования научной библиотеки должна создаваться на основе научных знаний, с учетом требований, которые предъявляет к библиотеке наука в лице ученых — пользователей библиотеки.

В понимании Шреттингера, библиотека должна была максимально облегчить процесс удовлетворения всех литературных потребностей благодаря быстрой доставке книг читателю и по возможности быстрому нахождению книги [48]. А это, в свою очередь, уже требовало от библиотекаря определенных знаний и навыков.

В первой половине XIX в. библиотековедение развивается под сильным влиянием естественных наук и представляет собой систему определенных положений. Библиотечная наука включала в себя два направления — учение об устройстве библиотеки (Einrichtungslehre) и учение об управлении (хранении) (Verwaltungslehre). Под первым понималось изучение расстановки фонда библиотеки и ее каталогов, Под вторым, соответственно, хранение фондов, их комплектование и проблемы обслуживания [49].

С появлением работ М. Шреттингера, Ф. А. Эберта и других немецких библиотекарей, которые стали основоположниками новой науки — науки о библиотеке, стало возможным широкое применение опыта немецких библиотек и за пределами Германии. Особое значение имела в этом отношении работа датчанина К. Мольбега, который, не будучи библиотекарем немецкой библиотеки (он работал в Королевской библиотеке в Копенгагене), создал один из первых наиболее фундаментальных трудов по библиотековедению, обобщив опыт работы научных библиотек, прежде всего, немецких. Но самым масштабным и по-своему, уникальным путем шло распространение этого опыта в России, и самым сильным было его влияние на работу библиотеки того типа, который в «чистом» виде в Германии не мог сложиться в силу специфики развития этой страны — на работу национальной библиотеки, а именно Императорской Публичной библиотеки в Петербурге.

Организация научных библиотек Германии была образцом для этой Библиотеки еще на этапе ее формирования. А. Н. Оленин был знаком, например, с работой Придворной библиотеки в Дрездене [50]. Несомненно, при устройстве новой библиотеки Петербурга он использовал знания, полученные в этой

библиотеке. Можно предположить, что официальное название Библиотеки — не просто Императорская, а Императорская Публичная, было также выбрано не без влияния немецких библиотек, в том числе и Дрезденской, которая нередко именовалась просто Публичной библиотекой [51]. Есть основания полагать, что Оленин использовал принцип расстановки отдельных фондов, которому следовали в этой библиотеке с 1770-х гг. Можно усмотреть и определенное влияние немецкого ученого, изучавшего античность, И. И. Винкельмана, столь почитавшегося Лениным. Это проявилось, в частности, в стремлении первого директора украшать помещения и фасад библиотеки гипсовыми статуями богов, богинь и великих мужей античной Греции. Некоторые из библиотечарей были связаны с Германией. Так, А. Х. Востоков, происходивший из среды лифляндских немцев (он был внебрачным сыном барона Христофора И. Остен-Сакена) впоследствии в 1839 г. получил звание почетного профессора Тюбингенского университета. Из так называемых «почетных библиотечарей» (такой статус был введен Лениным с целью расширения круга людей, работавших в Библиотеке), безвозмездно работавших для Библиотеки, можно назвать целый ряд выдающихся ученых того времени. Особо можно выделить ученого-востоковеда Христиана Д. Френа, родившегося в Ростове и там же получившего образование. Он, став почетным библиотечарем вскоре после переезда на работу в Петербург (в 1818 г.), активно участвовал в подготовке каталога письменных памятников Востока. Но в этот период проявления немецкого влияния были довольно скромными и абсолютно несопоставимыми с теми масштабами, какие приняло влияние немецкого библиотечного опыта на Библиотеку в конце 1840-х и в последующие годы.

Может показаться совершенно неожиданным тот факт, что Императорская Публичная библиотека по истечении очень короткого периода, с середины 1840-х гг. до конца 1850-х гг., стала числиться среди самых крупных научных и, прежде всего, среди национальных библиотек Европы. Ведь еще в начале 1840-х гг., когда А. Н. Оленину удалось сделать очень многое для создания полноценного фонда русской книги [52], текущее комплектование иностранной литературой было одной из самых уязвимых сторон деятельности Библиотеки [53]. Одним из наиболее ярко выраженных противоречий выразилось в следующем. В последние годы правления Оленина наблюдалась тенденция к привлечению для работы в Библиотеке большого числа ученых и литераторов. Это способствовало превращению Библиотеки в своего рода «меценатский приют литераторов», в результате чего некоторые сотрудники не занимались выполнением чисто библиотечных обязанностей. Но уже в 1860 г. директор Библиотеки М. А. Корф имел все основания утверждать, что Библиотека «из учениц постепенно обращается в наставницу» [54]. Каче-

ственные изменения, которые произошли в Библиотеке, были в значительной степени обусловлены тем, что в Петербурге в период правления Корфа был усвоен немецкий библиотечный опыт. Этот опыт стал неотъемлемой частью российского библиотечного дискурса: опыт устройства библиотеки, т. е. организации расстановки фондов и каталогов, опыт управления, т. е. обеспечения сохранности фондов, комплектования фондов и организации обслуживания читателей.

Сменивший в 1843 г. Оленина новый директор Д. П. Бутурлин, руководивший ею до конца своей жизни, т. е. до 1849 г., резко изменил приоритеты в организации и ведении работы Библиотеки. Прежде всего, Бутурлин ужесточил требования к персоналу. Библиотекари рассматривались им не как ученые, а как сотрудники, которые обязаны выполнять определенные служебные, библиотечные, обязанности, предписанные, соответственно, их должностными инструкциями [55]. Что же касается самих инструкций, то они были разработаны в основном для организации расстановки фондов и каталогизации, т. е. направлены на основные аспекты организации устройства библиотеки. При Бутурлине была предпринята попытка привлечь всех сотрудников к работе с фондами с целью описания всех хранящихся в них изданий. К середине 1840-х гг. наметились определенные положительные изменения в этом направлении, а также в составлении каталогов ряда отделений Библиотеки — Отделения рукописей, Отделения эстампов, Русского отделения, Отделения истории.

При Бутурлине начали привлекать на работу в Библиотеку библиотекари из Германии, а также ученых, которые имели хорошее представление об организации и ведении работы в лучших немецких библиотеках. Именно он принял на работу в качестве библиотекарей тех сотрудников, которые впоследствии стали ведущими специалистами. Некоторые из них руководили отделениями Библиотеки. Подданный герцогства Заксен-Кобург, бывший приват-доцент Лейпцигского университета Бернгард Дорн (1805—1881) проработал в Библиотеке с 1844 по 1869 г. Подданный Пруссии Рудольф Минцлов (1811—1883), доктор философии Кёнигсбергского университета, работал в Библиотеке с 1847 по 1883 г. При Бутурлине был принят на работу подданный Ганноверского королевства, выпускник Гёттингенского университета Карл Генрих Людвиг Беккер (1821-после 1883), подданный княжества Шварцбург-Зондергаузен Христофор Фридрих Вальтер (1809—1886), доктор философии Лейпцигского университета (проработал в Библиотеке с 1848 по 1885 гг.).

Начало 1850-х гг. — один из самых ярких и плодотворных периодов развития Библиотеки, который связан с именем нового директора — барона М. А. Корфа [56]. При Корфе, который сам происходил из курляндских немцев, немецкая библиотечная диаспора расширилась. Среди новых коллег

немецкого происхождения особенно выделялись выходцы из остзейских провинций России — Егор Беркгольц (1817—1885) и Виктор Амандус Ген (1813—1890). Первый из них родился в Лифляндии, учился в Дерптском университете, а затем в Берлине Второй родился и вырос в Дерпте, где преподавал в местном университете с 1846 по 1851 г. Хотя Беркгольц проработал в Библиотеке всего 5 лет — с 1856 по 1861 гг., он был очень заметной фигурой, поскольку, принимая активное участие в создании отделения «Россика» — он занимался составлением алфавитного и систематического каталогов фонда этого Отделения и заведовал им. Ген проработал дольше — с 1855 по 1873 г. Он возглавлял Отделение истории. Обоих сотрудников Корф ценил столь высоко, что называл их «жемчужинами библиотеки» [57].

И Беркгольц, и Ген были знакомы и с библиотеками Германии, но в данном случае особое значение имело то, что они были, вне сомнения, знакомы с одной из самых крупных библиотек остзейских провинций — университетской библиотекой в Дерпте (Юрьеве). Библиотека этого университета была одной из лучших научных библиотек, организованных по немецкой модели. Это было, вне сомнения, заслугой директора этой библиотеки Карла Симона Моргенштерна (1770—1852), занимавшего пост директора с 1802 по 1839 гг. [58].

Корф продолжил работу по поиску наиболее оптимального для того времени варианта устройства библиотеки. При нем окончательно сложилась и утвердилась структура отделений.

Сама идея такой структуры Библиотеки — ее организации по отделениям, каждое из которых, будучи библиотекой в библиотеке, не только имеет фонд, разделенный по видам документов, языкам, и отраслям знаний, но и обслуживает читателей, не была новой. Отраслевые отделения (*Fachabteilungen*) создавались в крупных немецких библиотеках еще в конце XVIII в.

Создание структуры отраслевых отделений дало возможность систематизировать литературу по отдельным наукам. При этом отраслевая структура библиотеки, в отличие от отраслевой системы классификации, применяемой для расстановки книг, была предназначена для решения практических задач обслуживания читателей данной, конкретной библиотеки. Так именно для этой цели была разработана одна из наиболее известных систем отраслевых отделений, применявшаяся с конца XVIII в. до 1927 г. в Придворной библиотеке Дрездена — система Иоганна Михаэля Франке (1717—1775). В ее основу был заложен историко-географический принцип [59]. По этой системе были созданы 24 отраслевых отделения. Имелись залы, в которых находилась литература лишь по какой-нибудь одной науке, например, по медицине (18-е отделение) или по искусству (24-е отделение), в других же были сосредоточены книжные фонды различных от-

раслей знаний. Так, в 6-м отделении была собрана литература по филологии, науке о государстве, а также по математике и естественным наукам, а в 23-м отделении по экономике, ремеслам, торговле, горному делу, военному делу, прикладной математике. В то же время в библиотеке имелось не одно отделение, специализировавшееся на теологии, юриспруденции и истории. Так, наряду с отделением истории Саксонии (8-е отделение) имелось отделение литературы по истории большой группы стран, преимущественно европейских — Англии, Венгрии, Голландии, Дании, Польши, России, Турции и Швеции (9-е отделение). Еще в одном (5-м), складывался фонд литературы по истории трех романских стран — Испании, Италии и Португалии, а также Швейцарии, а 7-е отделение было предназначено для литературы по истории Франции [60].

В отличие от других систем отраслевых отделений, применявшихся в немецких библиотеках, в том числе и системы Франке, система отраслевых отделений Императорской Публичной библиотеки была максимально приближена к интересам конкретных наук и отраслей знания, была научно обоснованной. Каждое из подразделений было сориентировано на раскрытие и сохранность фондов, обслуживание, комплектование в соответствии с потребностями читателей библиотеки. Универсальность библиотеки обеспечивалась через достижение полноты отдельных частей ее фонда [61].

Немецкие сотрудники библиотеки во многом оказались идеальными проводниками передовых для того времени идей по организации работы научной библиотеки. Это касалось библиотечарей, которые были приняты на работу при Бутурлине (Беккера, Вальтера, Дорна, Миншлова) и при Корфе. Дорн, в частности, прекрасно проявил себя как заведующий Восточным отделением Библиотеки. Миншлов успешно руководил Отделением философии и Отделением инкунабул, альдов и эльзевиров. Вальтер принес огромную пользу как библиотечарь Отделения полиграфии и правоведения. Из тех, кто был приглашен на работу в Библиотеку в годы правления Корфа, особенно яркой фигурой был уроженец Гольштинского герцогства, получивший образование в Гейдельбергском и других университетах Германии, Мориц Конрад Поссельт (1804—1875), доктор философии Кильского университета. Он прослужил в Библиотеке с 1851 по 1873 гг., возглавляя Отделение истории, а затем — Юридическое отделение. Каждый из них, будучи ответственным за деятельность того или иного отделения Библиотеки, служил конкретной науке или конкретным наукам, содействовал превращению Императорской Публичной библиотеки — научной библиотеки — в инструмент науки. В свою очередь, Отделения могли выполнять функцию инструментов науки — именно так можно было судить по тому, насколько хорошо была организована работа того или иного Отделения: по тому как обеспечивалась сохранность книг,

велось комплектование литературой по той или иной отрасли, а также по тому, как велись каталоги, или как обслуживали читателей. Каждый из указанных выше руководителей имел и свои научные или литературные интересы [62]. Но, как бы ни были сильны их интересы, во время работы в Библиотеке они стремились, прежде всего, к предельно четкому выполнению своих должностных обязанностей.

Все это относилось и к Карлу Беккеру, который сыграл особую роль в жизни Библиотеки. Будучи заведующим Отделениями медицины, физико-математических и естественных наук, он прекрасно проявил себя в служении этим наукам, но при этом от природы ему было дано большее. Будучи посланником Гёттингена в Петербурге, он обладал более широким научным кругозором, способностью подниматься над интересами тех наук, с которыми он был связан профессионально, и охватывать весь космос наук в целом. Из всех представителей немецкой диаспоры именно Беккер оказал на развитие Библиотеки наиболее сильное влияние [63].

Что касается Отделений, за которые Беккер отвечал непосредственно, он, по словам Корфа, вывел науки «из того жалкого положения, в котором они находились» в Библиотеке, а сами Отделения «успел привести в отличнейшее устройство, поставил . . . в уровень с современным состоянием науки на Западе» [64].

В отличие от своих коллег по немецкой диаспоре он, выполняя определенные обязанности в отношении конкретного Отделения библиотеки, рассматривал Отделения как часть единого организма Библиотеки. Не случайно именно Беккеру удалось приспособить применяемую в Библиотеке систему классификации Оленина «Опыт нового библиографического порядка» к новым требованиям, а именно к требованиям современной науки. По его словам «современное состояние науки и численность богатств Императорской Публичной библиотеки позволяет желать некоторых дополнений к этой системе и дополнений весьма значительных» [65].

Оставив в неприкосновенности основные деления системы Оленина, он их значительно дополнил, детализировал каждое из отделений и снабдил алфавитно-предметным указателем. Беккер прекрасно знал как старые, так и новые, наиболее интересные библиографические системы, применявшиеся в различных библиотеках. За образец он взял систему А. Шлейхмахера, которая представлялась ему наиболее удачной в силу ее градации (она содержала 12 575 отделений) и наличия тщательно составленного алфавитно-предметного указателя (он включал в себя 34 000 терминов).

Согласно решению, принятому на общем собрании сотрудников Библиотеки в сентябре 1857 г., работа Беккера была в целом одобрена. Было предложено, после внесения необходимых дополнений и поправок, издать

инструкцию и обеспечить ею каждого библиотекаря. Хотя эта работа завершена не была, а инструкция не опубликована, деятельность Беккера позволила значительно усовершенствовать таблицы классификации, применяемые в отделениях Библиотеки [66].

Наиболее полно библиотечные профессиональные воззрения Беккера и его предложения по улучшению работы Императорской Публичной библиотеки были высказаны им в обосновании проекта организации каталога приобретений и каталога периодических изданий, который был подготовлен им в 1857 г. Именно этот проект оказал влияние на дальнейшее развитие Библиотеки — даже те предложения, которые не были реализованы в полном объеме и те, которые были отвергнуты. Документ под названием «Проект усовершенствования каталога приобретений и каталога периодики», подготовленный на немецком языке, был передан на рассмотрение дирекции Библиотеки и ее сотрудникам. Обсуждению на заседании хозяйственного комитета Библиотеки, которое проходило 4 февраля 1858 г. под председательством заместителя директора В. Ф. Одоевского, предшествовала большая предварительная работа, выражавшаяся в подготовке Беккером дополнительных материалов на имя В. Ф. Одоевского [67].

В «проекте» Беккер рассматривал, на первый взгляд, очень конкретный, узкий аспект организации работы Библиотеки, в частности отстаивал необходимость выделения в библиотеке специального сотрудника для осуществления контроля за новыми приобретениями [68].

В действительности же, обращаясь к конкретным и действительно узким аспектам деятельности Библиотеки, Беккер выявлял наиболее уязвимое в тот момент место в ее работе, рассматривая затронутую проблему в широком контексте развития Библиотеки.

При составлении «проекта» Беккер опирался на представления об облике библиотекаря и о библиотечной работе, высказанные еще Ф. А. Эбертом: «Деятельность библиотекаря состоит в том, что он работает сегодня в большей степени на будущие поколения (подчеркнуто Беккером — Б. В.), по отношению к которым он должен быть ценным и разумным хранителем, . . . для которых он собирает из его (подчеркнуто Беккером — Б. В.) и предшествующего (подчеркнуто Беккером — Б. В.) времени то, что достойно быть собранным. . .» [69].

Он был глубоко убежден в том, что основное внимание необходимо уделять качеству комплектования Библиотеки. Ведь основной задачей реформ Корфа было решение вопроса о политике комплектования [70].

Речь шла, разумеется, не о критике самой системы комплектования. Напротив, те изменения, которые произошли к тому времени благодаря реформам М. А. Корфа и поддержке этих начинаний сотрудниками Библи-

отеки, принимались к этому моменту как само собой разумеющийся уровень работы Библиотеки. Обсуждался вопрос о совершенствовании механизма заказа изданий и их распределения внутри Библиотеки после получения.

По инициативе Корфа вносятся принципиальные изменения в политику комплектования Библиотеки в отношении современной иностранной литературы. Ему все же удалось преодолеть сопротивление императора Николая I (1796—1855), который считал, что обмен книгами нежелателен и в основном из-за того, что в таком случае русские книги нужно высылать за границу. В. Ф. Одоевский, который был помощником директора с 1846 по 1861 гг., особое внимание уделял комплектованию новейшей иностранной литературы, которой было недостаточно: по физике, химии, естествознанию, математике, геологии.

Значительно изменил Корф и уже учрежденный ранее статус почетного библиотекаря. Им были введены два новых не столько по названиям, сколько по содержанию варианта этого звания — почетный член и почетный корреспондент. Почетными членами становились лица, «приобретшие себе известность любовью к просвещению и Библиотеке», а почетными корреспондентами — известные библиотекари и книгопродавцы, «от коих можно ожидать полезного трудами их, сношениями или пожертвованиями, содействия Библиотеке». Библиотека тем самым выражала им свою благодарность за оказание денежной помощи и содействие в приобретении редких изданий. Это сыграло значительную роль в укреплении общественных и культурных связей Библиотеки. А главное — благодаря активной поддержке, оказываемой Библиотеке ее почетными членами и корреспондентами, в корне изменилось комплектование библиотеки, как современной книгой, так и изданиями прошлых лет, что особенно положительно повлияло на состав фондов иностранной литературы, в том числе и литературы из немецких государств. Почетные звания присваивались государственным и общественным деятелям, ученым, библиографам, книготорговцам — как российским гражданам, так и подданным других государств [71]. И именно граждане немецких государств сыграли в этом особую роль. В течение XIX в. в Императорской Публичной библиотеке сложились богатейшие коллекции книг на иностранных языках, в том числе и на немецком языке [72].

Предлагая к рассмотрению вопросы комплектования, Беккер стремился к тому, чтобы сделать систему комплектования более совершенной. Он полагал, что в Библиотеке сложился противоречивый порядок приобретения литературы. Во-первых, по его мнению, каждый библиотекарь предлагал заказывать то, что, по его мнению, следует приобрести Библиотеке. Во-вторых, он обратил внимание на то, что то же самое могли делать и читатели, предлагая пополнить фонды Библиотеки необходимыми, с их точки зрения, изданиями.

А в третьих, он пришел к выводу, что Библиотека получала предложения от книжных магазинов Петербурга, и в каждом из трех случаев могло быть заказано одно и то же издание, причем в нескольких экземплярах, что вело к появлению дублетов, в то время как многие интересные книги не приобретались вовсе. Причиной этого Беккер считал тот факт, что сотрудники отделений библиотеки практически не стремились избегать дублирования, более того — подобная организация комплектования даже способствовала появлению большого количества дублетов [73]. Выявил он и множество других противоречий. Так, например, во время болезни или отпуска библиотекаря в Библиотеке не работали с теми заявками, за сбор которых тот нес ответственность.

Не было никакого контроля и за заявками, поданными зарубежным букинистам. Вместо того чтобы требовать их выполнения в течение определенного периода, а именно, в течение года, выполнение заявок, как правило, затягивалось, в результате чего очередной дублет мог поступить в Библиотеку спустя длительное время, когда затребованная книга уже могла быть приобретена или получена по другому каналу. Осложнена была эта ситуация, полагал Беккер, и тем, что все контакты с зарубежными книгопродавцами контролировались самим директором, М. А. Корфом, а значит, по каждому поводу нужно было подавать прошение на его имя [74]. Библиотека не могла контролировать, таким образом, ни уровень цен, ни качество покупавшихся книг. И, наконец, уже поступившие в Библиотеку книги часто распределялись в отделениях сотрудниками, которые не имели никаких библиографических знаний и не знали состава фондов [75].

Что касается вопроса о ведении каталога поступлений, т. е. инвентарного каталога для всей Библиотеки в целом, то эта идея коллегами была поддержана. Было принято решение в течение года наладить эту работу. Также было решено, что служащий, на которого возложат обязанность вести каталог заказов и приобретений, будет консультировать и читателей [76].

В начале 1860-х гг. Библиотека даже начала издавать каталог приобретенных новых книг на иностранных языках [77]. Предложение же Беккера — отказаться от практики ведения каталогов по Отделениям и создать единый алфавитный и систематический каталог для всей Библиотеки [78] — не было поддержано. Против него высказались именно представители немецкой диаспоры — Дорн, Минцлов и Муральт, а также Беркгольц и Ген [79].

Расхождения во взглядах с коллегами по немецкой диаспоре имели место и в дальнейшем. Наиболее ярко они проявились в начале 1860-х гг. в отношении понимания роли библиотеки в современном обществе. К. Беккер и В. И. Собольщикова полагали, что библиотека может и должна участвовать в жизни общества более активно, и, следовательно, быть доступной широко-

му кругу читателей. Вальтер, Миншов, Поссельт и другие представители немецкой диаспоры настаивали на неизменности вневременной функций государственных библиотек как архивов человеческих знаний [80].

Хотя убедить коллег полностью отказаться от практики ведения каталогов по каждому Отделению Беккеру не удалось, он смог добиться существенных результатов в плане достижения единого подхода к ведению каталогов и описанию книг. Инициатива Беккера относительно разработки новых правил каталогизации способствовала проведению ревизии состояния организации фондов и каталогов отделений Библиотеки в 1863—1864 гг. В результате были выявлены значительные расхождения относительно сокращений в названиях книг при их описании, в аналитических описаниях статей из сборников, в описаниях многотомных изданий и т. д. [81].

Немецкая библиотечная диаспора, сложившаяся в национальной библиотеке России, принесла с собой знания и опыт организации и работы немецких научных библиотек. Для Императорской Публичной библиотеки все это стало импульсом к сближению учреждения, именуемого «Bibliothek», и того объекта, которому служит библиотека, именуемого «Wissenschaft», т. е. к сближению библиотеки и науки. Библиотека стала преобразоваться благодаря качественным изменениям, которые начали происходить на уровне конкретных подразделений Библиотеки — ее отделений. Модель немецкой научной библиотеки начала успешно функционировать на микроуровне, т. е. на уровне отделений. Затем возникла потребность в достижении взаимодействия между ними. И тогда особенно ощутимым оказался импульс «космоса наук», исходивший из Гёттингена, — импульс, который проник в Петербург благодаря Беккеру. Его знания и навыки проявились во всех начинаниях его новаторской деятельности в Императорской Публичной библиотеке.

В Петербурге модель немецкой научной библиотеки была реализована далеко не в полном объеме, поскольку в принципиально иных социокультурных условиях это было и невозможно. Но именно активное усвоение опыта немецких научных библиотек, ориентация на немецкую модель идеальной для того времени научной библиотеки сделали возможным превращение Императорской Публичной библиотеки — одной из самых молодых для того времени национальных библиотек Европы. Она превратилась в одну из лучших библиотек этого типа, в библиотеку, которая по качеству работы могла быть сопоставимой с лучшей национальной библиотекой своего времени — Библиотекой Британского музея.

Модель немецкой научной библиотеки оказалась востребованной не просто в другой стране и в иных социокультурных условиях, а в научной библиотеке особого вида, и даже в библиотеке такого типа, который в Германии в это время отсутствовал — в национальной библиотеке. Такая библиотека по

отношению к гражданам своей страны выполняет две основные функции: функцию «национальной памяти» (сбора и хранения документов отечественной письменности) и центральной универсальной научной библиотеки страны. Но при этом масштабы деятельности Императорской Публичной библиотеки в сфере комплектования не были ограничены пределами одного конкретного государства. И в рассматриваемый период и в дальнейшем Императорская Публичная библиотека проявила себя как научная библиотека, которая сориентирована на сбор и хранение письменности стран и народов мира, но в первую очередь стран и народов Европы.

2. НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В НЕМЕЦКИХ КОНЦЕПЦИЯХ НАУЧНОЙ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

2. 1. КОНЦЕПЦИЯ И. В. ГЁТЕ И РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В ГЕРЦОГСТВЕ ЗАКСЕН- ВЕЙМАР-ЭЙЗЕНАХ

2. 1. 1. ГЁТЕ КАК МИНИСТР

На протяжении более 30 лет Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749—1832) [1] исполнял функции министра небольшого тюрингского государства — герцогства Заксен-Веймар-Эйзенах, в обязанности которого входило управление учреждениями науки, образования и культуры, в том числе и библиотеками. Причем приступил он к этому тогда, когда он уже имел большой опыт руководителя высокого ранга, руководителя государственного масштаба. В 1776 г. он был принят на государственную службу в качестве члена тайного консилиума, т. е. государственного совета, который представлял собой высший совещательный орган государственной власти при герцоге. Гёте руководил работой целого ряда комиссий, но его деятельность сначала наиболее тесно была связана с Горнорудной комиссией или Управлением горными промыслами, комиссией по созданию стекольных заводов и шерстяной мануфактуры. Погрузившись в жизнь герцогства, Гёте изначально стремится изменить к лучшему его жизнь и жизнь его граждан. В 1776 г. он пишет: «Мой корабль на волне жизни — я полон решимости делать открытия, завоевывать, бороться, тонуть или взлетать на воздух со своим грузом» [2]. При этом важно принять во внимание то, что Гёте говорит именно об административной, а не о политической деятельности [3]. Позднее, в 1828 г. он предельно лаконично и точно выразил свое отношение к деятельности человека: «... Важно, что весит человек на весах человечества: все остальное суета сует. Звезды на мундире и карета, запряженная шестерней, производят впечатление разве что на темные массы» [4]. Гёте считает своим долгом полностью отдавать себя выполнению государственных поручений и нести за это персональную ответственность [5], как, например, в случае с доставкой в 1782 г. в Веймар личной библиотеки профессора Гёттингенского университета К. В. Бюттнера. Постепенно круг обязанностей Гёте сконцентрировался на учреждениях, связанных с наукой, культурой и образованием.

К этому моменту Гёте имел четко сформулированную концепцию развития науки, культуры и образования Веймарского государства. Впервые Гёте

изложил ее в документе, который можно считать программным — в докладе «О различных аспектах местной деятельности» [6]. В нем он излагает и свои представления о том, какую роль играют библиотеки в контексте научной, культурной и образовательной политики государства. Данный доклад был подготовлен им как документ, несомненно, имеющий государственное значение, но при этом он не представил его на заседании государственного совета и не пытался придать ему законодательную форму. Гёте казалось гораздо более существенным получить не директивную, а истинную естественную поддержку со стороны тех, от кого зависит реализация этих идей, ведь он также хотел сделать первых лиц государства своими единомышленниками. Именно так, по его мнению, можно было вызвать новые живые импульсы и воплотить в жизнь различные инициативы.

Доклад был представлен на заседании основанного Гёте «Общества пятницы» («Freitags-Gesellschaft») в 1795 г. [7].

В нем была дана всесторонняя характеристика всех основных направлений научной, культурной и образовательной жизни герцогства. При этом главный акцент был сделан на характеристике роли конкретных институтов и учреждений, развитие которых обеспечивает, по мнению Гёте, полноценную научную, культурную и образовательную жизнь общества, и в конечном итоге определяет развитие самого государства.

Доклад можно условно разделить на три части. В первой части охарактеризована, главным образом, роль учреждений культуры — института рисования, театра, капеллы (оркестра), а также деятельность по устройству садов и парков. Это не было случайностью, потому что Гёте убежденный в том, что немецкая нация имеет склонность скорее к науке, нежели к искусству [8], стремился добиться и нужного равновесия в интеллектуальном развитии граждан государства. Развитие науки, по его мнению, зависело, прежде всего, от того, насколько оно соотносится с развитием культуры.

Вторая часть доклада посвящена школам и другим общеобразовательным учреждениям. В отношении школ Гёте особое внимание обращал на необходимость изучения иностранных языков — как древних (иврит, греческий, латинский), так и современных (английский, итальянский, испанский, французский).

И, наконец, третья часть посвящена деятельности учреждений науки — университета, музея, естественного общества, обсерватории. Характеризуя университет, Гёте особое внимание уделяет тому, как идет изучение гуманитарных наук — теологии, философии, юриспруденции. В этом же ряду рассматриваются библиотеки, причем как учреждения, которые обеспечивают развитие науки. Конкретно Гёте затрагивает деятельность четырех библиотек: Веймарской герцогской библиотеки и трех, находившихся в Йене —

Академической (университетской) и двух тогда самостоятельных библиотек, основой которых были частные собрания Кристиана Готтлиба Будера и Кристиана Вильгельма Бюттнера. По отношению к библиотекам он в качестве главной выделяет задачу достижения осязаемого взаимодействия, дословно, «виртуального единства» («virtuale Vereinigung»). Разумеется, речь шла о виртуальном в том смысле, какой вкладывали в это слово его современники, т. е. о видимом, реально осязаемом взаимодействии библиотек, координации и кооперации их деятельности. При этом Гёте не конкретизирует отдельные этапы развития конкретных библиотек и библиотечного дела государства в целом на пути к достижению «виртуального единства», но главная цель им определена и четко сформулирована.

Университетская библиотека рассматривается в общем контексте функционирования библиотек государства. С другой стороны, она же является составной частью университета. От того, как она функционирует, зависит, будет ли успешной деятельность самого университета. Подробно этот вопрос здесь не рассматривается, но для Гёте, усвоившего опыт Гёттингена, необходимость соблюдать это условие очевидна. Поэтому проблемы развития и самого университета и его библиотеки рассматриваются в единстве.

Таким образом, в 1795 г., еще до того, как Гёте непосредственно приступил к исполнению обязанностей министра, он имел четко сформулированную программу действий в каждом направлении. Библиотечные учреждения занимали в этой программе очень важное место. Была сформулирована и поставлена конечная цель. По пути к ее достижению Гёте, как министр, проводит ряд реформ в области науки, образования и культуры, без которых были бы немислимы принципиальные позитивные изменения в развитии библиотек, а также он проводит реформы в самих библиотеках.

Эти реформы имели «скрытый», т. е. не афишируемый характер. О реформах не объявлялось, они не пропагандировались, а проводились. Это было характерно для всей деятельности Гёте, и библиотечная деятельность исключением не была. Они осуществлялись на протяжении длительного времени. Один этап сменялся другим, и между ними могло пройти немало времени. И это не было случайностью. Реформы Гёте начинал тогда, когда, по его мнению, для их проведения уже были подготовлены необходимые условия. Поэтому он не форсировал ни проведение реформ в целом, ни их отдельных этапов, и иногда реформы проводились в течение довольно длительного времени — на протяжении нескольких лет. Поэтому, анализируя в 1802 г. результаты своей библиотечной деятельности, Гёте писал: «Библиотечное дело мало-помалу развивается, хотя все еще достаточно медленно. Я всегда придерживаюсь моей тактики и теперь стараюсь продвигаться вперед от этапа к этапу» [9].

2. 1. 2. ВЛИЯНИЕ ГЁТТИНГЕНА

Библиотека была, таким образом, далеко не единственным учреждением, за функционирование которого стал отвечать Гёте, приступив к исполнению обязанностей государственного министра. Но если судить еще по первому плану развития подведомственных ему учреждений, становится ясно, что библиотека занимает в нем особое место. Этот план подтверждает, что Гёте имел прекрасное представление о том, какое место это учреждение должно занимать и какую роль играть в жизни общества, в жизни государства. Столь глубокий, практически профессиональный подход был не случайным, ибо к этому времени Гёте имел свой личный библиотечный опыт, в данном случае — читательский опыт работавшего в библиотеке Гёттингенского университета ученого.

С Гёттингенской библиотекой Гёте связывало многое. Пребывание в Гёттингене всегда было для Гёте плодотворным. В 1801 г. он писал оттуда Шиллеру, отзываясь о здешних заведениях как о «в высшей степени солидных»: «. . . Я и теперь ощущаю, как проясняется мой дух при созерцании здешнего бытия» [10]. Неоднократно он заказывал из этой библиотеки литературу по межбиблиотечному абонементу [11]. Связывали Гёте дружеские отношения и с директором библиотеки — К. Г. Хейне. В своем дневнике Гёте называет его «старым другом» [12] и пишет о том, что сидеть в аудиториях университета и внимать словам ученого было для него заветным желанием [13]. Особенно активно пользовался фондами Библиотеки Гёте как ее читатель в 1801 г., когда он наиболее интенсивно работал над своим учением о цвете. В связи с этим, он пишет о времени, которое он провел в библиотеке как о своего рода пиршестве: «Итак, я провел. . . время, настолько полезно, настолько и приятно. Должен заметить, что приближение к высочайшим проявлениям эрудиции было небезопасным, поскольку я пожелал просмотреть все поступившие в мое распоряжение диссертации, разложил перед собой все тома аналогичных академических трудов и, в итоге, нашел столько всего с разных сторон манящего, что я, и без того, легко подверженный способности пытаться дать всему определение и при моей предварительной подготовке по многим предметам, оказался втянутым и туда, и сюда. . . т. е. в разные сферы знания» [14].

После одного из посещений Гёттингенской библиотеки Гёте сделал в своем дневнике запись: «При поверхностном знакомстве с тихой и невидимой деятельностью библиотеки не замечают того, как огромный капитал, которым она располагает, неуловимо дает не подлежащие учету проценты дохода» [15].

И, по мнению Гёте, Гёттингенская библиотека была уникальной библиотекой, не похожей ни на одну из университетских библиотек, ни на какую-либо другую библиотеку своего времени.

В отличие от Гёттингена, в герцогстве Заксен-Веймар-Эйзенах речь шла не о создании новых библиотек, а об их реорганизации и постепенном, поэтапном реформировании, т. е. о принципиально иной организации всей системы библиотек в масштабах небольшого по территории и численности жителей государства.

Именно из Гёттингена Веймарское государство получило своего рода духовный импульс к созданию библиотеки — им стала частная библиотека профессора Гёттингенского университета Кристиана Вильгельма Бюттнера (1716—1801), лингвиста и естествоиспытателя. Увлечение библиофильством довело этого ученого до того, что к началу 1780-х гг. он из-за огромных долгов оказался в крайне сложном финансовом положении, в связи с чем принял решение продать свою библиотеку. В 1782 г. Гёте, узнав о том, что эта частная библиотека продается, предложил герцогу Карлу Августу ее приобрести, на что тот ответил согласием. Организация доставки в Веймар библиотеки Бюттнера стало для Гёте первым, касающимся библиотечного дела поручением, которое он выполнял как тайный советник Веймарского герцогства, т. е. как высокопоставленный чиновник государства [16].

Значение этого приобретения заключалось, прежде всего, в том, что это была не просто хорошая коллекция книг, а библиотека, созданная составленной на принципиально иной основе. Библиотека Бюттнера до того, как она была приобретена герцогом, наряду с другими крупными личными собраниями профессоров университета, как бы дополняла фонд самой университетской библиотеки. Именно совокупность всех книжных собраний делала возможным столь полное удовлетворение потребностей читателей Гёттингенской библиотеки. Организация самой библиотеки университета, и в первую очередь ее комплектования наиболее ценной литературой по самым разным направлениям науки, выходявшей в свет во всем мире, оказывали влияние на организацию личных библиотек профессоров университета и определяли качество их фондов. Библиотека Бюттнера не была исключением. Поэтому для веймарского герцога приобретение библиотеки гёттингенского профессора означало, что он, во-первых, получил прекрасно подобранное собрание литературы по интересовавшей Бюттнера проблематике — прежде всего, по естествознанию; во-вторых, у него появился образец для организации комплектования на качественно ином, более высоком уровне. Современники очень высоко ценили качество библиотеки Бюттнера, а сам он, став в 1783 г. официальным советником двора в Веймаре, получил от веймарского герцога пенсию, а также пожизненное право пользования собственной

библиотекой и продолжал заниматься пополнением фондов этого собрания. Библиотека в количестве 13 тыс. томов была размещена в Йене. Туда же переехал и сам Бюттнер.

Гёте хорошо представлял себе, каким ценным собранием является библиотека Бюттнера. Еще в начале 1798 г. он дает задание сотрудникам Замковой библиотеки в Йене, основой которой и стала коллекция Бюттнера, составить каталог этой библиотеки. 23 мая 1798 г. он уже высылает Фойгту первые два тома каталога бюттнеровской библиотеки и предлагает продолжить работу над ним. К середине июля 1798 г. уже было готово 5 томов каталога, а в октябре того же года была завершена работа по созданию 6-го, последнего тома. А после кончины Бюттнера в 1801 г. Гёте лично начинает заниматься дальнейшей судьбой этого уникального собрания.

2. 1. 3. БИБЛИОТЕКА ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СТОЛИЦЫ

В конце XVIII в. в Веймаре проживало всего 6 тыс. человек. Путешественники нередко отмечали, что не следует отдаляться от центральных улиц, ибо можно попасть в дыры и закоулки «заштатного медвежьего угла» [17]. Но, несмотря на это, Веймар, который был столицей всего лишь небольшого тюрингского герцогства Заксен-Веймар, уже имел свою особую историю культурной жизни [18].

Особенно ярко особые ее черты начали проявляться в Веймаре в XVIII в., когда править герцогством начала герцогиня Анна Амалия (1739—1807), дочь брауншвейгского герцога Карла и герцогини Филиппины. Как личность она сформировалась в Вольфенбюттеле в атмосфере поклонения литературе и искусству. Там, в резиденции брауншвейгского герцога, находилась одна из лучших библиотек Германии и крупнейшая по объему и ценности книжных фондов библиотека Северной Европы, богатства которой современники сравнивали с книжными сокровищами крупнейшей библиотеки Южной Европы — Ватиканской. Анна Амалия посещала эту библиотеку, уже, будучи правительницей Веймарского герцогства в 1771 г., и встречалась там с работавшим тогда в Вольфенбюттеле в должности библиотекаря Готхольдом Эфраимом Лессингом [19].

Сама Анна Амалия, которая в 1758 г. в возрасте 18-ти лет осталась вдовой и стала опекуном будущего герцога Карла Августа, сделала во времена своего регентства очень многое для культурного развития герцогства, и не в последнюю очередь благодаря тому, что окружила себя людьми, духовно одаренными. Впоследствии сам Гёте очень точно охарактеризовал ее: «Государыня до мозга костей, при этом исполненная чисто человеческих чувств и склонная к радостям жизни» [20].

Анна Амалия не только много читала, но и сочиняла музыку, рисовала. Она же пригласила в 1772 г. в Веймар — в качестве воспитателя для ее сына — одного из самых крупных писателей Германии того времени, профессора философии университета в Эрфурте Кристофа Мартина Виланда (1733—1813). В Германии того времени имелось крайне мало королевских, герцогских или иных дворов, которые были бы столь тесно, как веймарский, связаны и с университетом, и с новой «официальной» культурой [21]. И именно в эпоху регентства Анны Амалии началось интенсивное развитие города. К моменту приезда Гёте в герцогстве в целом уже сложилась благоприятная среда для развития науки, образования и культуры. Но было необходимо определить перспективы их развития, разработать соответствующие планы. Это смог дать Веймару Гёте.

За годы, которые Гёте провел в Веймаре, город сильно изменился внешне. Но гораздо важнее то, что за внешними переменами стала ощущаться особая атмосфера — от этого города начал исходить особый свет, свет духовности. За годы жизни и деятельности Гёте в Веймаре город преобразился настолько, что уже через несколько десятилетий приезжавшие туда путешественники ни слова не говорили о провинциализме или приметах «медвежьего угла». Так, известная французская писательница Анна Жермена де Сталь (1766—1817), путешествовавшая по Германии в 1803—1804 и в 1807 гг., писала о Веймаре: «Теперь у Германии впервые появилась эстетическая столица». Эта столица влияла, по ее глубокому убеждению, на окружающий ее мир, а не только на Германию, и, как она отмечала, «влияет не иначе, как через свет, который от нее исходит» [22]. Она же подчеркивала: «Веймар называют немецкими Афинами, и в действительности, это единственное место, в котором интерес к прекрасным искусствам служит национальным и связывающим братским узам между различными территориями» [23].

Но основные, связанные с именем Гёте изменения, произошедшие в Веймаре за годы его жизни и деятельности в этом городе, все же затронули не внешний облик столицы герцогства, хотя именно Гёте одухотворил этот город — как его центр, так и его окрестности [24]. Самые главные изменения имели место в интеллектуальной жизни Веймара, ибо не без влияния Гёте была создана «духовная инфраструктура» города, а в ее рамках — новые центры науки, культуры и образования.

В период 1829—1832 гг. Гёте с повышенным вниманием следит за процессом развития «Свободной школы рисования», которая в этот период становится высшей школой архитектуры и строительства. Позднее, в конце XIX — начале XX вв., именно эта школа стала всемирно известной под названием, которое в переводе с немецкого означает «Строительный дом». В языки

других стран мира оно вошло в транслитерации на языке оригинала — Баухауз или Государственный Баухауз (Staatliches Bauhaus) [25].

Очень многое сделал Гёте и для создания художественного музея. Особенно активно работа по его размещению в здании Большого охотничьего дома велась с 1822 г. К 1825 г. была готова инвентарная опись экспонатов будущего музея. Именно благодаря Гёте впоследствии сформировалась столь богатая своими коллекциями картинная галерея, которая в XX в. была размещена в здании Замка [26]. Он же дал сильный импульс и для развития в Веймаре школы живописи [27].

Еще больше внимания уделяет Гёте преобразованию уже сложившихся ко времени его приезда в Веймар учреждений науки, культуры и образования. Главными объектами его внимания становятся театр [28] и библиотека. Не случайно в 1823 г. он сказал: «Где еще на таком маленьком клочке земли найдете вы столько доброго! К тому же у нас еще имеется тщательно составленная библиотека и театр, который ни в чем не уступит лучшим театрам других немецких городов» [29].

Что касается Веймарской библиотеки, то на фоне других придворных библиотек Германии она выглядела очень выигрышно и до приезда Гёте. В отличие от библиотек, которые находились в ведении известных ученых и писателей, нередко рассматривавших свою библиотечную должность просто как звание, как форму оплаты их труда монархами и не стремившихся создавать условия для полноценного доступа реальных и потенциальных читателей к их фондам, Веймарская библиотека была сориентирована именно на читателя.

Период наиболее интенсивного развития основанной в 1691 г. Веймарской библиотеки приходится на эпоху правления Анны Амалии. Именно она предоставила Герцогской библиотеке здание «Зеленого замка» с прекрасным овальным залом, который был переоборудован для библиотеки в 1761—1766 гг. В 1787 г. Шиллер писал: «Здесь библиотека значительна и находится в образцовом порядке. Тут есть и систематический каталог, по которому можно найти книгу на полке за несколько минут» [30]. Однако столь образцовой выглядела библиотека лишь в сравнении с другими придворными библиотеками Германии того времени. Гёте, ознакомившись в 1797 г. с состоянием дел Веймарской библиотеки, приходит к выводу, что состояние ее дел весьма далеко от образцового. Этот вывод был сделан им на основании сведений, которые он затребовал от библиотекарей [31].

Поскольку Гёте уже имел к тому времени большой опыт управленческой деятельности, он безошибочно определил круг сведений, собрать которые необходимо для того, чтобы составить мнение о реальном состоянии данного учреждения. В том, как он подошел к анализу состояния дел, проявился ти-

пичный для Гёте как для чиновника, руководителя и, наконец, для министра, аналитический подход, т. е. умение собирать информацию управленческого характера и анализировать ее. Затем, на основе проведенного анализа он принимал решения, необходимые для совершенствования работы того или иного учреждения, для дальнейшего его развития. При этом нельзя не заметить, что уже в том, как были сформулированы самые первые вопросы, касающиеся организации работы Библиотеки, можно было ощутить по-настоящему профессиональный подход к библиотечной деятельности. Не в последнюю очередь это стало возможным благодаря тому, что Гёте, как бывший читатель Гёттингенской библиотеки, обладал большим читательским опытом.

Прежде всего, он попытался выяснить, каково на тот момент было реальное состояние фонда Библиотеки, а именно: сколько не переплетенных книг, следовательно, непригодных к тому, чтобы ими пользоваться, находится в Библиотеке, и сколько их утеряно местными и иногородними читателями. Ему важно было узнать, имеются ли акты, отражающие книжные поступления.

В действительности оказалось, что книжный фонд находится в весьма неудовлетворительном состоянии. Показатели количества утерянных книг и тех, которыми невозможно пользоваться — необработанных и не переплетенных — оказались весьма высокими. Неутешительными были и сведения о книгах, находившихся у читателей на руках. Но самое главное — отсутствовали даже точные данные о количестве всех книг, имеющихся в Библиотеке, известно было лишь то, что ее фонд насчитывал около 60-ти тыс. книг [32]. После того, как было установлено количество непригодных к пользованию книг, а также число дублетов, стало возможным определить реальный состав фонда Библиотеки. Число дублетов составляло, например, 1 тыс. томов.

Второй круг сведений должен был дать представление о состоянии библиотечных каталогов, т. е. о том, насколько полно отражен в них (например, в алфавитном) фонд Библиотеки и насколько он доступен читателям. Гёте интересовало и то, как ведутся каталоги в Библиотеке. В целом, состояние каталогов оказалось более чем неплохим. Иоганн Кристиан Бартоломей (1708—1778) в период между 1753 и 1776 гг. создал поистине образцовый систематический каталог в 60-ти томах [33].

Вопросы, вошедшие в третью группу, затрагивали состояние обслуживания читателей. Гёте интересовали данные по обслуживанию читателей — сколько книг выдано в данный момент, в какие дни, и в какое время открыта Библиотека. Выяснилось, что выдача литературы практически не контролировалась, хотя формально считалось, что такой контроль осуществлялся с 1792 г. [34]. Не были четко определены и часы обслуживания читателей.

Особый, четвертый, круг вопросов имел отношение к организации работы Библиотеки. Прежде всего, Гёте интересовало, распределена ли текущая работа среди персонала, и если да, то как. Он смог убедиться в том, что ее распределение было достаточно четким. Особое внимание он уделил финансовому положению Библиотеки — выяснил, как расходовались средства, выделенные ей на текущий финансовый год, и есть ли у нее долги.

В самом начале 1798 г. Гёте подготовил документ, в котором он изложил требования к организации работы Библиотеки. Основной акцент был сделан на обеспечение контроля за сохранностью фондов и за тем, как им пользуются. К 24 января этого года им была написана специальная инструкция, обязывавшая вести регистрацию всех новых поступлений и всех книговыдач.

Приняты были меры и для очистки фонда Библиотеки от лишних дублетов, которые были распроданы на аукционах. На вырученные средства приобретались новые издания.

Особо важной была признана необходимость ведения учета новых поступлений и книговыдачи. Принципиальные изменения произошли в организации обслуживания читателей. Было введено постоянное расписание, определявшее часы обслуживания посетителей. 26 февраля того же года Библиотека вводит новые правила пользования ее фондами. В них четко определены часы, в которые она открыта для читателей, определен порядок выдачи книг — на каждую книгу было решено выписывать квитанцию. Был установлен и срок пользования книгами — один квартал года [35]. При этом читателя предупреждали, что имена должников будут публиковать в газетах. Время от времени читателям напоминали о необходимости соблюдать правила пользования Библиотекой. С этой целью Гёте отдал распоряжения, как, например, от 21 марта 1810 г., 13 октября 1813 г. и 7 января 1817 г., согласно которым досконально проверялось, как выполняют читатели правила пользования, а затем анализировались отдельные случаи их невыполнения. Внимание читателей обращалось и на то, что они обязаны обеспечивать сохранность выданных книг. При возврате книг читателями в Библиотеку особое внимание обращалось на их состояние [36]. Обязательность регистрации выдачи книг распространялась на всех читателей без исключения, в том числе, и на членов герцогской семьи, которые привыкли пользоваться Библиотекой как своей личной. Эти правила обязаны были выполнять и читатели из тех кругов, которые считали себя привилегированными и не желали подчиниться новым порядкам, например, французские аристократы, бежавшие из своей страны после Великой французской революции и поселившиеся в Веймаре по приглашению Карла Августа. Протесты с их стороны были особенно сильными, но подчиниться пришлось. Самого же Гёте не раз обвиняли в предвзятом отношении к тем или иным людям именно из-за того, что он требовал неукос-

нительного выполнения правил выдачи книг. Например. В таком предвзятом отношении к Гердеру его обвинила жена ученого. Сам Гёте стремился неукоснительно соблюдать правила пользования Библиотекой, о чем свидетельствуют книги записи книговыдач. За 54 года Гёте получил через ее абонемент 2276 томов.

Все вышесказанное означало, что первостепенное внимание Гёте уделял вопросам обеспечения сохранности фондов и организации полноценного обслуживания читателей Библиотеки.

Наиболее ощутимые изменения затронули внутреннюю организацию ее работы. Они были обусловлены необходимостью введения различных форм контроля за работой персонала Библиотеки. В том, как те или иные требования были сформулированы, также проявился большой опыт Гёте как руководителя. Руководить Библиотекой, по его мнению, не значит ежедневно находиться в этом учреждении и осуществлять личный контроль за его деятельностью. Гораздо более важным представлялось Гёте получение объективной информации о состоянии дел за тот или иной период. Как и при первоначальном анализе состояния дел в Библиотеке, Гёте предполагал регулярно просматривать нужные сведения, анализировать их и принимать решения относительно корректировки работы в том или ином направлении.

Одним из источников информации стали рабочие дневники. Согласно распоряжению от 18 апреля 1798 г. обязанностью каждого сотрудника стало ведение дневника, в котором тому предписывалось конкретно указывать, что было сделано за прошедший день. Ответственным за выполнение этой работы Гёте назначил Кристиана Августа Вульпиуса (1761—1827), брата своей жены Кристианы, который стал главным помощником Гёте в библиотечных делах и был им до конца своей жизни. Позднее, в 1817 г. еще одним серьезным помощником Гёте стал руководитель библиотеки Фридрих Теодор Крейтер (1790—1856). Рабочие дневники они оба рассматривали как средство самодисциплины служащих [37].

Кроме ежедневных записей, Гёте требовал предоставлять ему месячные, квартальные и годовые отчеты, в которые должны были входить сведения об увеличении фондов, читателях, состоянии каталогов, персонале библиотеки. Если этих сведений было недостаточно, Гёте требовал добавлений и конкретизации. В целом, можно сказать, что с самого начала своего руководства Веймарской библиотекой Гёте применял хорошо известные ему формы и методы управления, и в первую очередь, активно пользовался статистическими данными и другой информацией. Это давало ему достаточно полное представление о состоянии дел в данном учреждении, и на основании этого он мог принимать необходимые решения и добиваться четкой и ритмичной его работы. Но как метод управления, сбор и анализ такой информации стал

лишь первым шагом к реализации более значительного плана, путем выполнения которого предполагалось решить задачу большей сложности — обеспечения развития Веймарской библиотеки как составной части инфраструктуры Веймара в качестве немецкой и европейской культурной столицы.

О том, как развивалась Библиотека, свидетельствуют цифры, отражающие рост объема книжного фонда. С 1797 по 1832 г. он возрос более, чем в два раза, и составил к 1832 г. 140 тыс. книг. На промежуточных этапах динамика пополнения фонда выглядела следующим образом: 1803 г.—68 тыс.; 1812 г.—89 тыс.; 1814 г.—98 тыс.; 1820 г.—120 тыс. [38].

Разумеется, показатели объема фонда не позволяют судить о том, каким был подход к его комплектованию, и, соответственно, о его качестве фонда. Качество фонда в период правления Библиотекой Гёте стало предметом особого внимания: работу по анализу состава фонда, выявлению и, соответственно, восполнению лакунов фондов Библиотеки стали проводить систематически [39].

Гёте настаивал на необходимости иметь «четкие представления о том, какие работы по данной отрасли знания отсутствуют» [40]. Он исходил из того, что ориентироваться следует не на исчерпывающее, а выборочное комплектование, ибо, с одной стороны, фонды как Герцогской библиотеки в Веймаре, так и Академической библиотеки в Йене мизерны, а с другой стороны, по его словам, активность писателей чудовишна [41], т. е. поток литературы огромен. В этом отношении Гёте ориентировался, в основном, на подход, принятый в Гёттингенской библиотеке, т. е. он призывал критически подходить к новым изданиям — отбирать самое ценное. Но при этом Гёте, если была такая возможность, пользовался и нетрадиционными формами пополнения библиотечных фондов. Так, в 1827 г. он вступил в частное Общество чтения французской литературы. Члены этого общества приобретали на свои средства наиболее ценные французские издания по проблемам эстетики, литературы и политики. Гёте добился того, чтобы эти книги, после прочтения их всеми членами этого общества, могли быть приобретены Веймарской библиотекой, но за 50% их первоначальной стоимости [42].

Профиль комплектования Веймарской библиотеки, сложившийся в годы правления Анны Амалии, был сориентирован на популяризацию знаний, что вполне соответствовало характеру эпохи Просвещения. В конечном итоге, таковы были интересы Двора и интересы наиболее образованной части общества. Особенно активно фонды Библиотеки пополнялись энциклопедиями, всевозможными справочниками, календарями, альманахами, журналами, описаниями путешествий и, конечно, романами. В целом, имелись все основания называть ее «Библиотекой Просвещения» [43]. В первую очередь, Библиотека пополнялась немецкой литературой. Что касается литерату-

ры других стран, то интерес проявлялся, прежде всего, к французским изданиям, чему особенно активно способствовал сам герцог Карл Август. Он лично поддерживал контакты с французским книготорговцем Шарлем Пуженом. В Лондоне интересы Веймарской библиотеки представлял Иоган Кристиан Хюттнер. Из Милана Библиотека получала книги через Газтано Каттанео. В конце XVIII-начале XIX вв. она обогатилась за счет получения большого количества частных библиотек. Среди них были значительные по объему собрания самого Карла Августа — Военная библиотека (4 тыс. томов) и Собрание карт (6 тыс. единиц); личная библиотека Анны Амалии (5 тыс. томов), которая представляла собой уникальное собрание мировой литературы на французском языке; библиотека ученого Карла Людвига Фернова (около 1 тыс. книг) — богатейшее собрание итальянской литературы и многие другие. В целом, Герцогская библиотека уже тогда развивалась как библиотека преимущественно гуманитарного профиля.

Как научная, Веймарская библиотека сложилась еще до того, как Гёте начал руководить ею. Однако в ее развитии многое кажется весьма противоречивым. С одной стороны, велось активное комплектование современной литературой, но при этом недооценивался аспект обеспечения сохранности того уникального фонда, который начал складываться в библиотеке. С другой стороны, Библиотека обслуживала читателей, но именно процесс организации и ведения обслуживания оказался наименее продуманным и особенно уязвимым. Наконец, стремления рассмотреть перспективы ее развития исходя из взаимодействия двух связанных друг с другом аспектов работы библиотеки — обеспечения сохранности фондов и доступа к ним — даже и не возникало. В данном случае, для Гёте этот вопрос стал центральным. Именно это и позволило в дальнейшем рассматривать Веймарскую библиотеку как научный институт [44].

В постановке и решении этого вопроса Гёте не мог использовать гёттингенский опыт, поскольку та библиотека была сориентирована на обслуживание «своего» читателя, в то время как Веймарская библиотека была общедоступной, предназначенной для обслуживания всех читателей, которые проявляли интерес к ее фондам. В этом случае центральной стала именно проблема обеспечения сохранности фондов библиотеки без ущерба для обслуживания читателей. Это было для Веймара особой проблемой, ибо он по-своему потенциалу мог и должен был играть роль одной из ведущих германских и европейских культурных столиц.

Веймар эпохи Гёте определил и приоритеты комплектования библиотеки, вызвал особый интерес к античности, к Италии и французскому Просвещению. Но все же главным объектом внимания Библиотеки стала эпоха Веймарского классицизма, наследие тех выдающихся личностей, которые сыгнали

столь значимую роль как в развитии Веймара, так и в его утверждении в качестве культурного центра Германии и Европы. Это было возможным благодаря получению герцогством обязательного экземпляра, роль которого здесь играл экземпляр, предоставляемый цензорами [45]. Не случайно особое внимание уделялось получению целостных частных библиотек выдающихся веймарских личностей. Особо значимым для Веймарской библиотеки стало выполнение ею «функции памяти» [46]. Благодаря этому материализовалось стремление Гёте увидеть эту библиотеку центром духовной жизни Веймара, институтом, который, как он считал, сохранит память о современной ему эпохе — эпохе начала становления этого города как немецкой культурной столицы и как одной из европейских культурных столиц [47].

Поэтому, став полноценной научной библиотекой, она все же в кое в чем остается верной своему музейному прошлому — даже после того, как художественный кабинет (Kunstkammer) перестал быть составной частью Библиотеки, а его сокровища были предназначены для создания основы художественного музея. Библиотека по-прежнему напоминала музей, особенно ее знаменитый Рококо-зал, который начинает выполнять функцию «галереи героев» [48]. Сама галерея представляла собой созданный по античному образцу пантеон представителей двора и деятелей культуры того времени в виде коллекции скульптур, преимущественно, мраморных бюстов. Здесь, в этом зале соединились литературные тексты и портреты их создателей и их покровителей. Рококо-зал был предназначен с тех пор, как для читателя, так и для зрителя, посетителя музея.

Лишь на первый взгляд может показаться, что Веймарская библиотека не рассталась с музейным прошлым научной библиотеки эпохи Барокко. Своего рода культурная функция «догёттингенской» научной библиотеки как функция пропаганды знаний не только через чисто библиотечные формы и методы работы, но и через музейные, была обязательной, но все же дополнительной по отношению к главным функциям — фондообразования и обслуживания. Библиотека была сориентирована на идеалы науки уже в силу того, что комплектование в эпоху барокко не имело четких границ. Не случайно в большинстве своем придворные библиотеки Германии были вынуждены в это время балансировать между библиотекой, нацеленной на образование, и музеем книги [49].

Позднее в XIX в. придворные библиотеки постепенно изменили и свой статус, и свои названия. В большинстве своем они постепенно расстались с такими определениями как придворная, герцогская и даже королевская библиотека и, как правило, получили название «земельная библиотека» (Landesbibliothek), а в отдельных случаях — «государственная библиотека» (Staatsbibliothek). Новое название отражало объективный процесс расставания

ния с монархическим прошлым, а закрепление в названии государственного статуса библиотеки означало в условиях Германии не только определенную форму собственности, но и определенные масштабы обслуживания читателей, степень доступности фондов библиотеки широкому кругу читателей. Тогда же, в XIX в., придворные библиотеки оказались востребованными вновь — они стали выполнять определенные функции в отношении тех регионов, на территории которых они когда-то возникли. В тех случаях, когда на территории той или иной земли земельная, т. е. бывшая придворная, библиотека отсутствовала, выполнение аналогичной функции брала на себя университетская библиотека. В качестве примера можно привести университетские библиотеки в Бреслау и в Кёнигсберге, которые начали выполнять такую функцию — в первом случае с 1811 г., а во втором с 1827 г.

Важнейшей из функций земельной библиотеки стала архивная. Библиотеки становились архивами всей печатной продукции, произведенной на территории земли. В силу этого, земельная библиотека в качестве научной библиотеки земельная библиотека стала идеальным местом для проведения исследований по истории данной земли.

Для Германии это имело особое значение в силу того, что эта страна исторически представляла собой множество государств, в этой стране, в отличие от других стран Европы, не могла быть создана национальная библиотека. В XIX в. потребность в такой библиотеке ощущалась в разных планах, о чем более подробно будет сказано ниже. Но при этом, характеризуя деятельность земельной библиотеки в изменившихся условиях, нельзя не отметить того обстоятельства, что земельные библиотеки, взятые в целом, выполняли те же функции, какие выполняли по отношению к своим государствам национальные библиотеки в других странах. Тем самым деятельность земельных библиотек в целом компенсировала в определенной степени отсутствие единой общегерманской национальной библиотеки.

В конце XIX в. земельная библиотека становится таким центром, который начинает объединять библиотеки, находившиеся на территории той или иной земли, т. е. она становится центром взаимодействия библиотек на региональном уровне. В отдельных случаях просматривается и другая, уже новая ее роль — роль центра межрегионального сотрудничества немецких библиотек.

В целом, бывшие придворные библиотеки не выпадали совсем из процесса активного участия в научной жизни. Будучи оторванными от активно действующих научных центров, они все же продолжали привлекать к себе читателя. Для немецких ученых этого времени привычным становится новое понятие — «библиотечное путешествие» (*Bibliotheksreise*) [50]. Под ним понимали такую поездку, когда ученый, активно занимающийся научной работой, не ждет, чтобы его обеспечили необходимой для его исследования

литературой в какой-либо одной библиотеке, а путешествует по стране и даже по миру и работает с фондами разных библиотек. Прежде всего, это касалось ученых-гуманитариев, и в значительной степени, специалистов в области естественных наук. Но в силу того, что придворные библиотеки возникли при резиденциях монархов, то, соответственно, ни в начале их формирования, ни в ходе дальнейшего развития никто по-настоящему не задумывался о том, как они могут быть востребованы впоследствии. В действительности придворные библиотеки как библиотеки с богатыми и хорошо подобранными книжными фондами отступали на второй план в силу того, что их фонды чаще всего не соответствовали объективным потребностям читателей.

Университеты и другие учебные заведения возникали, в основном в городах, не являвшихся столицами германских государств. Соответственно, они нуждались в собственных библиотеках, расположенных на территории самого университета или поблизости от него. Для придворных же библиотек увеличение числа читателей означало, что они в качестве неизбежной меры защиты своих уникальных фондов вынуждены были вводить различные ограничения. Препятствовало же их развитию в качестве научных библиотек, прежде всего, их местонахождение — в большинстве своем они находились не в тех городах, которые к тому времени стали научными центрами.

Новые задачи Веймарской придворной библиотеки были определены в конце XVIII — начале XIX вв., что в отличие от большинства придворных библиотек здесь было сделано значительно раньше [51].

2. 1. 4. ПЕРВЫЙ ЭТАП УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ В ЙЕНЕ

Гёте считал, что университеты должны создаваться в небольших городах, ибо «дух культуры и науки может расцвести только будучи отлученным от действительности» [52]. Йена как раз и относится к таким городам.

В начале XIX в. особенно значимую роль в жизни Германии играли три университета. Наряду с университетом в Йене, это были университет в Галле, который был старейшим из этих трех, и университет в Гёттингене. Все они имели очень высокую репутацию за пределами страны и были своего рода альтернативой государственной системе высшего образования с ее неукоснительными предписаниями и жесткой системой контроля [53]. Считалось, например, что университет в Галле отличался свободой педагогической активности, Гёттингенский имел репутацию университета, в котором особенно ценилась свобода политической мысли, а Йенский был центром философских поисков.

Более трех десятилетий жизнь Гёте была тесно связана с Йеной и ее университетом. Там им была проведена одна из самых масштабных и самых зна-

чительных реформ Веймарского герцогства. Официально курирование университета стало входить в круг должностных обязанностей Гёте с 1815 г. [54]. Но начал он работу по подготовке университетской реформы значительно раньше, а именно — в самом начале XIX в. Реформирование университета он считал не столько своим долгом, официальным поручением, сколько делом государственной важности, которое он рассматривал в самом широком контексте научной, образовательной и культурной политики Веймарского герцогства. Составной частью университетской реформы стало реформирование университетской библиотеки. С другой же стороны, ее реформирование имело самое прямое отношение к дальнейшей работе по совершенствованию библиотечного дела в государстве. При этом и в отношении общеуниверситетской реформы, и в отношении реформирования библиотечного дела этот процесс не афишировался. В данном случае Гёте, как, впрочем, и в отношении выполнения им всех его государственных обязанностей, не придавал значения каким-либо традиционным атрибутам официальных и тем более официозных кампаний, которые сопровождаются заявлениями, декларациями и другими чисто внешними проявлениями государственной активности. И само слово «реформа» вообще вряд ли произносилось и ее инициатором, и теми, кто помогал ему в проведении этих реформ. Это слово могло появиться значительно позднее, когда представители других поколений смогли оценить масштабность проделанной в том или ином направлении работы. Современники же Гёте воспринимали эту работу как «текущие события».

На первом этапе реорганизации университета были проведены:

- реформирование организации студенческой жизни;
- реформирование политики в отношении формирования университетского профессорско-преподавательского состава;
- подготовительная работа по созданию полноценной инфраструктуры, обеспечивающей развитие университета.

Хотя университет в Йене был главным и единственным высшим учебным заведением герцогства Заксен-Веймар-Эйзенах, фактически он представлял собой единый тюрингский университет, ибо наряду с Веймарским герцогством его финансировали другие государства Тюрингии — герцогства Заксен-Гота, Заксен-Мейнинген и Заксен-Кобург.

К концу XVIII в. Йенский университет стал одним из самых популярных и любимых студентами университетов Германии. За городом закрепилось название «Афины на Заале». О Йене очень хорошо отзывались современники. При этом в высказываниях о развитии этого университетского центра отмечали и роль Гёте. Так, норвежский ученый Генрих Штеффенс, приехав в Йену в 1797 г., писал, что «новое время пришло в движение здесь во всех направлениях благодаря, с одной стороны, Гёте, а с другой — философии» [55].

Тем не менее, жизнь этого университета была далека от идеала, что особенно хорошо осознавал именно Гёте. Развитие университета тормозилось по многим причинам. Одной из них были характерные нормы поведения студентов, которые согласно уже сложившимся представлениям о студенческой жизни, считались в среде студентов университетов Германии вполне допустимыми и едва ли не совершенно естественными, о чем Гёте хорошо знал по личному опыту, поскольку в свое время он был студентом Лейпцигского университета. Йена не была исключением, но Гёте не мог считать нормальными сложившиеся «правила» взаимоотношений старших студентов с младшими, распространение пьянства в студенческой среде и, особенно, дуэли и потасовки между орденами, членами которых были студенты. Не без оснований опасался Гёте и влияния французских революционных идей на мировоззрение студентов, ибо сам Гёте был противником насильственных революционных действий во всех сферах жизни общества: «Разумеется, я не могу называть себя другом революционной черни, которая под вывеской общественного долга пускается на грабежи, убийства, поджоги, и под вывеской общественного блага преследует лишь низкие эгоистические цели. Этим людям я не друг, так же, как не друг какому-нибудь Людовику Пятнадцатому. Я ненавижу всякий насильственный переворот, ибо он разрушает столько же хорошего, сколько и создает» [56].

Когда в начале 1790-х гг. студенты Йенского университета стали требовать предоставления права участвовать в обсуждении дел университета и влиять на принятие решений, касающихся жизни университета, они выступили с инициативой привлечь Гёте к разработке новых правил организации студенческой жизни.

5 января 1792 г. Гёте вынес решение, согласно которому признавалось право студентов на более активное участие в управлении университетом. Но одновременно с этим он стремился не только не допустить ослабления реального контроля государства за деятельностью университета, но и усилить его. Был наложен запрет на деятельность студенческих орденов. Поначалу это вызвало протест значительной части студентов, и летом того же года 500 студентов перешли на учебу в университет соседнего города Эрфурта, входившего в Майнцское курфюрство, что обернулось для Йенского университета большими финансовыми потерями. Но Гёте сумел уладить этот конфликт и вернуть студентов в Йену.

Гёте считал, что Йена не должна утратить репутацию свободного университетского центра, открытого для философских поисков, альтернативного по отношению к тем университетам, которые развивались в соответствии с абсолютистскими идеалами. Не должно идти ни в коем случае речь о подчинении университета государству, от этого университет в Йене уже был свободен. В

письме герцогу Карлу Августу он писал: «Если немецкие университеты будут служить с покорностью столь желанному для молодежи развитию ее духа и сил, можно будет сказать: ваша молодежь возвратит их» [57].

С одной стороны, имело место стремление найти особый, хотя и по-прежнему альтернативный «государственному», путь дальнейшего развития университета, но при этом сохранить прежнюю свободу его деятельности, устранив в то же время те опасные тенденции, которые стали ощутимыми на рубеже XVIII—XIX вв. и которые постепенно разрушали университетский организм. С другой стороны, этот поиск имел более глубокое значение — как первый шаг на пути создания новой модели университета с сохранением лучшего из уже имеющегося. Новая модель должна была предполагать более полное раскрытие потенциальных возможностей университета, развитие его деятельности и в других направлениях. Наряду с тем, что университет отдавал предпочтение философским наукам, ему предстояло стать и центром изучения естественных наук. В целом же, университет должен был, сохраняя свою духовную независимость от государства, стать важной составляющей научной, образовательной и культурной жизни государства. Внедрялась нежесткая регламентированная модель государственной политики в области науки, образования и культуры. Напротив, государство в лице его лидера, кем тогда был Гёте, воспринимало идеалы свободного духовного развития, благодаря которым была возможна жизнь университета этого государства. Поэтому в отношении Веймарского герцогства следует говорить не об обычной государственной политике в области науки, образования и культуры, а об особой обусловленной потребностями общества политике поддержания государства. Такая политика не внедряется сверху, ибо любые реформы, по убеждению Гёте, можно проводить только тогда, когда общество готово к ним, заинтересовано в них и способно их поддержать — только тогда реформы приносят пользу. Роль же государства виделась Гёте в том, чтобы создать условия для внутреннего развития всей научной, образовательной и культурной жизни общества путем финансового и материального обеспечения. Духовная же жизнь государства как социального организма в идеале должна свободно развиваться и самоуправляться, опираясь на импульсы духовной жизни.

Достижение свободы духовной жизни университета Гёте считал вероятным при условии привлечения таких ученых, которые могут определять его жизнь, и, соответственно, направлять его развитие. Поэтому другим важнейшим принципом политики Гёте — уже в отношении конкретного университета — было привлечение представителей разных научных школ. Не менее существенной считал он и необходимость иметь среди преподавателей университета представителей разных поколений ученых [58].

Ученые откликнулись на приглашения Гёте охотно, потому что Йенский университет завоевал репутацию привлекательного места преподавания. Фридрих Шиллер, преподававший там на протяжении ряда лет историю, называл этот университет «свободной и безопасной республикой» [59]. К тому же, он очень высоко оценивал предоставляемые ученым в Йене возможности для реализации их творческих замыслов, что он отмечал в письме к Кристофине Рейнвальд (1790 г.): «Для академической жизни Йена является самым лучшим местом» [60]. Шиллер жил в этом герцогстве, а точнее — в Веймаре, с июля 1787 г. В Йену он переселился в мае 1789 г. Вскоре, уже во время летнего семестра, он читает там всеобщую историю. Назначению Шиллера на должность профессора истории способствовал сам Гёте. Впоследствии, когда Шиллеру неоднократно предлагали должность в университете Тюбингена, он от нее отказывался. В 1795 г. он писал Готлобу Фойгту: «Никакое место в Германии не может значить для меня так много, как Йена и ее окрестности, поскольку я убежден в том, что нигде нельзя так наслаждаться подлинной и разумной свободой и найти в столь небольшом пространстве так много замечательных людей» [61].

Из ученых-гуманитариев, современников Гёте, которые преподавали и вели исследовательскую работу в Йенском университете, можно назвать всемирно известных: естествоиспытателей Кристофа Вильгельма Хуфеланда, историка Генриха Лудена, философов Георга Фридриха Гегеля, Иоганна Готлиба Фихте, Фридриха Вильгельма Йозефа фон Шеллинга, филологов Генриха Эберхарда Паулюса, Кристиана Готфрида Шютца, Генриха Карла Эйхштедта. Особенно привлекательна Йена была для литераторов: здесь жили и работали такие яркие личности, как братья Август Вильгельм и Фридрих Шлегели, Новалис и Людвиг Тик.

Хотя Гёте всячески поощрял дальнейшее развитие университета как центра философии и изучения гуманитарных наук, он уделял не меньше внимания наукам естественным. Он стремится расширить круг изучаемых в университете дисциплин и дать студентам возможность изучать естественные науки, а преподавателям — активнее заниматься исследовательской работой в этой сфере наук. Еще в 1789 г. он обращался к герцогу Карлу Августу с просьбой оплатить расходы, связанные с приглашением на работу в университет профессоров в области химии и медицины (тогда Гёте очень хотел пригласить на работу профессора-химика Иоганна Августа Геттлинга из Гёттингена и это ему удалось). В том же году в университете была создана кафедра химии, первым профессором которой и стал Геттлинг. Были приглашены и другие крупные ученые — профессора в области математики, естественных наук и медицины — Август Иоганн Батч, Иоганн Вольфганг Деберейнер, Юстус Кристиан Лодер, Лоренц Окен, Иоганн Генрих Фойгт, Людвиг Фридрих

Фрорип, Кристоф Вильгельм Хуфеланд и другие. Так, например, крупнейший ученый Германии того времени — Шеллинг — преподавал в Йене с 1801 по 1807 гг. Он также приехал туда по приглашению Гёте, внимание которого привлекли как необычайная эрудиция Шеллинга, так и мировоззрение этого ученого, его взгляды на природу и дух как на две части единого целого. В одном из своих писем Шеллингу Гёте пишет о том, что он сам, занимаясь естественнонаучными исследованиями и блуждая в духовных пространствах науки, нашел свой путь благодаря учению Шеллинга [62]. В свою очередь, Шеллинг проявлял большой интерес к исследованиям Гёте, в том числе и к его учению о цвете.

Особое значение для Йенского университета имела профессорская деятельность Фихте, который преподавал здесь с 1798 по 1803 гг. В Йену его пригласил сам Гёте, хотя ему, как осторожному и мудрому политику, идеи этого ученого близки не были, поскольку Фихте призывал к масштабным и, по сути, к революционным общественным реформам, необходимость которых он, в частности, отстаивал в своей работе «Опыт освещения суждений о Французской революции». В Фихте Гёте привлекало другое — стремление читать лекции так, чтобы их содержание было воспринято и побуждало студентов мыслить самостоятельно. Гёте с огромным интересом следил за развитием идей философа, особенно за столь интересовавшими его взглядами Фихте на развитие науки [63].

После отъезда Фихте положение университета стало критическим [64]. Переехали в Берлин братья Шлегели. В Галле переехали анатом Ф. З. Фойгт, а затем литератор Шютц и медик Фрорип. В Вюрцбург, наряду с Шеллингом, уехал философ Хуфеланд. Покидают Йену и два ученых, сыгравших значительную роль в развитии университетской библиотеки — Иоганн Самюэль Эш и Фридрих Мери. Причины столь массового ухода профессоров имели финансовый характер, ибо жалованье в других университетах Германии было выше. С другой стороны, как считал Шиллер, на эти события можно было смотреть и иначе: «То, что другие университеты для того, чтобы представлять собой что-то и что-то хорошее иметь и у себя, должны грабить, делает честь Йене и Веймару» [65].

Ситуация тем временем складывалась столь драматично, что Гёте не исключал и возможности полного закрытия университета [66]. Но при этом Гёте был убежден в том, что нельзя опускать руки, о чем он писал К. Г. Фойгту: «Раз уж мы теряли людей, то мы должны как-то держаться» [67]. В письме герцогу Карлу Августу от 1 сентября 1803 г. Гёте пишет о необходимости использовать все возможности во имя сохранения университета [68]. О самом Гёте Шиллер в связи с его заботами пишет: «Он прямо-таки похож на монаха и полностью погрузился в себя» [69]. Гёте приглашает на работу в

Йену таких крупных ученых как ботаник Франц Йозеф Шелвер, археолог Карл Людвиг Фернов, медик Якоб Филидис Акерман и Кристиан Эрнст Фишер.

Инициативы Гёте по спасению и развитию университета были вызваны стремлением сохранить высокий уровень профессорско-преподавательского состава, для чего было необходимо обеспечить преподавателям приличное, не хуже, чем в других университетах Германии, материальное положение. Но это, по его убеждению, является лишь одним из главных условий. Еще более важно, по его мнению, — наличие благоприятных условий для развития целого ряда учреждений и институтов, обеспечивающих жизнеспособность университета и определяющих его лицо.

Свой план реформирования университета Гёте излагает в письме Иоганну Августу Рейнгардту от 6 сентября 1803 г. Речь идет как о создании принципиально новых институтов, так и о реорганизации уже существующих.

Объектом его первоочередного внимания становится Йенское минералогическое общество, которым руководил профессор Иоганн Георг Ленц. Гёте преобразовал это общество из частного в герцогское, то есть государственное, ибо он был убежден в том, что ему нужна государственная поддержка. Предметом особой заботы стала уникальная минералогическая коллекция, которая была собственностью общества. Эта коллекция была собрана Иоганном Эрнстом Вальхом, а после смерти ее создателя и владельца размещена в герцогском замке в Йене, где был создан «Вальховский естественный кабинет». На ее основе был создан Йенский музей. Кроме минералогического, в него вошли зоологическое и анатомическое собрания. Позднее на их основе были созданы крупные университетские институты. Сам музей получил государственный статус.

Выступает Гёте и с инициативой создания медицинских учреждений. При университете он создает клинику для душевнобольных. Начинается и большая работа по преобразованию ботанического сада. Его площадь значительно расширяется. Особое внимание уделяется институтам гуманитарного профиля. Гёте предлагает создать филологический семинар и семинар пасторов и учителей. Рассматривается и вопрос о приведении в порядок бывшей Бюттнеровской библиотеки.

В начале XIX в. дальнейшая работа по реформированию библиотечного дела в Веймарском герцогстве была направлена на Замковую библиотеку в Йене, получившую такое название, поскольку она хранилась в замке, расположенном в центре города. Основой ее собрания была библиотека профессора Кристиана Вильгельма Бютнера. После его кончины, последовавшей в 1801 г., возникла необходимость оценить состояние дел в данной библиотеке. Эту работу Гёте осуществляет самостоятельно, без участия своего колле-

ги — министра Кристиана Готтлоба фон Фойгта, который, тем не менее, разделял заинтересованность Гёте в этой библиотеке.

Гёте приступил к этой работе в январе 1802 г. К его изумлению, состояние библиотеки, которое на момент приобретения ее веймарским герцогом было очень хорошим, оказалось весьма плачевным, и довел ее до этого сам бывший владелец, которому было разрешено работать с ее фондом и заботиться о дальнейшем пополнении.

Еще в начале 1798 г. Гёте распорядился составить каталог этой библиотеки. 23 мая того же года он уже высылает два тома каталога Фойгту и просит продолжить работу по его составлению [70]. К середине июля 1798 г. были готовы уже 5 томов, а в октябре того же года был составлен и последний том каталога этой библиотеки [71].

В действительности, после составления каталога в квартире Бюттнера было обнаружено около 6000—8000 книг, о существовании которых никто даже и не подозревал. Это были книжные завалы — нагромождения, в которых невозможно было найти какую-либо книгу. Гёте характеризует увиденное в его квартире как «книжное свинство» [72]. По мнению Гёте, до приведения этого книжного фонда в порядок составлять его каталог было практически невозможно [73]. Многочисленные не переплетенные книги Гёте отправляет в Веймар, где их переплетает библиотекарь Кристиан Август Вульпиус, после чего эти книги были присоединены к основной части Замковой библиотеки в Йене.

Вульпиус работал и в Йене, причем с большим интересом, можно сказать, с энтузиазмом. Каталог библиотеки он даже называл «своим детищем». В 1813 г. он писал: «Я прибыл теперь в йенскую Замковую библиотеку. . .» [74]. В создании каталога большую роль сыграл неопределимый помощник Фойгта — библиотечный писарь Иоганн Генрих Давид Фэрбер (1775—1814). После его преждевременной смерти, последовавшей в возрасте 39 лет, эту работу продолжил его брат Иоганн Михаэль Кристоф Фэрбер (1778—1844). Благодаря труду Вульпиуса и его помощника в Йене появилась образцовая библиотека.

Для систематизации фонда Замковой библиотеки, Вульпиус взял за основу схему систематического каталога Веймарской библиотеки. Запланировано было и создание систематического (реального) каталога, хотя полностью решить эту задачу в первые годы работы по приведению библиотеки в порядок возможным не представлялось. Под руководством Вульпиуса создается и алфавитный каталог Замковой библиотеки, первоначальный объем которого был 15 томов, но впоследствии достиг 19-ти. Для публики Замковая библиотека была открыта 2 июня 1808 г. С этого момента стало возможным и полу-

чение библиотечных книг через абонемент. Сам Гёте, начиная с 1810 г., неоднократно заказывал книги из этой библиотеки [75].

Во время работы по упорядочению фонда Замковой библиотеки Гёте высказывает идею создания единого сводного каталога обеих библиотек — Герцогской в Веймаре и Замковой в Йене. Это представлялось возможным в силу совместимости каталогов обеих библиотек, ибо они были организованы по единым принципам. При этом Гёте высказывает более смелую идею — создать каталог библиотек герцогства, включая каталог университетской библиотеки. 25 мая 1803 г. он представил письменный план, в котором излагает свое видение внешнего облика томов этого каталога, формы записи и необходимых помет. Рядом с описанием той или иной книги он предлагал указывать ее местонахождение путем соответствующей отметки в виде одной из трех букв: W — Веймарская библиотека, B — Бюттнеровская (Замковая) библиотека, J — Йенская библиотека, т. е. библиотека университета в Йене [76].

Действительно, реализация идеи создания сводного каталога дала бы читателям обоих городов не только возможность пользоваться фондами трех библиотек через межбиблиотечный абонемент, но и устранила бы дублирование в комплектовании, способствовало достижению подлинного регионального взаимодействия между библиотеками на основе кооперации [77].

Но в отношении университетской библиотеки реализация этого плана, предложенного в начале XIX в., была возможна только в том случае, если бы университетская библиотека соответствовала тем требованиям, которые Гёте предъявлял к первым двум библиотекам предполагаемой системы кооперации — Герцогской в Веймаре и Замковой в Йене.

2. 1. 5. ВТОРОЙ ЭТАП УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ В ЙЕНЕ

В представлении Гёте идеальным был — как и его библиотека — Гёттингенский университет. Но как уже отмечалось выше, он был создан на «чистом месте». Йенский университет, к моменту создания Гёттингенского, уже сложился как один из лучших образовательных и научных центров Германии того времени, хотя это и не означало, что он был в идеальном состоянии. Здесь, таким образом, речь шла не о создании университета, соответствующего представлениям об идеальном университете, и предназначенного для удовлетворения потребностей своего времени, а о реформировании университета уже сложившегося. Вопрос же о реорганизации библиотеки возник тогда, когда она оказалась по-настоящему востребованной самим университетом. Это могло произойти только тогда, когда был завершен первый этап реформирования университета.

Но в последующие годы интенсивное проведение университетской реформы оказалось невозможным по ряду причин, но, прежде всего, из-за начавшихся в 1806 г. в окрестностях Йены военных действий, развернувшихся в связи с началом военной кампании Наполеона. Следствием этого стало ухудшение финансового положения государства. Финансовые трудности снова вынуждают профессоров искать более благоприятные условия для работы. В 1808 г. университет покидает Гегель — его отъезд связан с возникшей в 1806 году угрозой его закрытия, которая становилась все более реальной уже в связи с планами Наполеона, который считал, что в Германии слишком много университетов. Позднее же, в 1810 г., во время конгресса в Эрфурте Наполеон твердо гарантировал всяческое содействие университету.

Контуры будущей, более масштабной реформы университета постепенно прорисовываются в течение 1809—1815 гг., когда Гёте и Фойгт начинают более активно участвовать в жизни учреждений науки, образования и культуры. С 1809 г. координируется деятельность отдельных учреждений научного и образовательного профиля. В 1812 г. Гёте и Фойгт берут на себя руководство новой обсерваторией.

В соответствии с решением Венского конгресса 1814—1815 гг., герцогство Заксен-Веймар-Эйзенах стало великим герцогством, расширилась территория государства, а сам герцог получил титул «королевского Высочества». В 1815 г. была проведена государственная реформа, предпринятая великим герцогом Карлом Августом. Он модернизировал систему управления государством, преобразовал Тайный совет в Великогерцогский совет министров, председателем которого стал Фойгт. На основе коллегии Тайного совета были созданы министерства, каждое из которых имело четко определенный круг обязанностей. По отношению к Гёте эта реформа означала получение им должности государственного министра и, соответственно, определение четкого круга обязанностей, связанных с руководством учреждениями науки, образования и культуры. При этом вопросами школы и церкви занималось министерство, которым руководил Эрнст Кристиан Август фон Герсдорф. С 1815 г. эти учреждения находятся в подчинении Гёте. В соответствии с его пожеланиями было создано особое ведомство — «Верховный надзор над заведениями, непосредственно поощряющими науки и искусства в Веймаре и Йене». К концу 1817 г. в его составе было 11 учреждений. В их число входили веймарские учреждения культуры, в том числе театр (до 1818 г.). Что касается Йены, то это были преимущественно учреждения естественнонаучного профиля: кабинеты — минералогический, зоологический, анатомический и физико-химический; ботанический сад, обсерватория. За медицину отвечало особое учреждение — Верховный надзор (Oberaufsicht), при котором были созданы ветеринарная школа и клиника. Университет фор-

мально в их число не входил и подчинялся Фойгту, но фактически именно Гёте продолжал заниматься совершенствованием университетской жизни.

Университет по-прежнему интересовал Гёте как единый организм, включающий в себя различные научные учреждения. В свою очередь, университет является важнейшей составляющей системы учреждений науки, образования и культуры. И реформирование одной из самых важных составных частей университета — университетской библиотеки, стало главной целью университетской реформы. Университетская библиотека в результате реформы становится центром, который обслуживает все направления деятельности университета и это центр сориентирован на запросы всех наук.

Библиотека университета в Йене, существующая там с 1548 г., — одна из старейших университетских библиотек Германии. На протяжении многих лет она одновременно являлась и библиотекой университета (или академической библиотекой (*Bibliotheca academica*)) и библиотекой курфюрста. Возникла же она в 1512 г. как библиотека саксонского курфюрста (*Bibliotheca electoralis*) в Виттенберге, фондами которой с 1536 г. пользовались профессора и студенты знаменитого Виттенбергского университета. При наличии двойного статуса Йенская библиотека, тем не менее, не располагала средствами, необходимыми для ее полноценного комплектования. В XVII—XVIII вв. она пополнялась, в основном, за счет даров и покупки личных собраний профессоров Йенского университета.

К началу библиотечной реформы фонд Библиотеки насчитывал около 100 тыс. томов. Частью его была Будеровская библиотека — книжное собрание йенского профессора-юриста и историка Кристиана Готлиба Будера (1693—1763), который сам работал в университетской библиотеке в 1722—1738 гг. Фактически, эта часть Библиотеки была самостоятельным собранием, насчитывавшим 12 тыс. томов. В отличие от других составляющих Библиотеки, оно было хорошо организовано, и читатели могли им пользоваться без каких-либо затруднений. Стала частью университетской библиотеки и ранее самостоятельная герцогская Замокская библиотека, насчитывавшая 13 тыс. томов.

В целом Библиотека не представляла собой единого организма. В действительности, это были девять, почти никак не связанных друг с другом, отдельных собраний разного объема и разной научной ценности. Например, особенно обособленной выглядела библиотека Латинского общества. Фонд был рассредоточен по разным зданиям, единого каталога не было. Поэтому Гёте, характеризуя состояние Библиотеки, писал в 1817 г.: «Где и как можно найти книгу, было. . . тайной. . .» [78]. Комиссия, занимавшаяся изучением состояния дел в Библиотеке, приходит в то же время к выводу: «Ни одно из

собраний не имеет полного, подобающим образом составленного каталога; главный каталог всех книг, имеющихся в библиотеке, отсутствует. . .» [79].

Столь далеким от идеального состояние Библиотеки было не в последнюю очередь из-за ее финансирования. Прежде всего, по этой причине в библиотеке не хватало персонала, поэтому она была открыта для читателей лишь два раза в неделю по два часа. А Бударовская библиотека была еще менее доступной — ее открывали для посещения не каждую неделю, а только на второй неделе каждого месяца. При этом библиотекарь Георг Готтлиб Гюльденафель (1776—1828), впоследствии проявивший себя как самый деятельный сотрудник Библиотеки, должен был работать в ней, согласно официальной инструкции, только один час в день [80].

В начале XIX в. уход ведущих университетских профессоров отразился и на положении Библиотеки. После ухода Эша с поста главного библиотекаря эта должность оставалась вакантной на протяжении нескольких месяцев. Попытка назначить на эту должность Вульпиуса — руководителя Веймарской библиотеки, оказалась неудачной из-за позиции герцогства Заксен-Гота. Профессора Иоганн Кристиан Майер и Вильгельм Готтлиб Теннеман, которым предлагали занять этот пост, предпочли более высокооплачиваемые университетские должности, первый — в Киле, а второй — в Марбурге. Наконец, в 1804 г. вакансию главного библиотекаря занимает Генрих Карл Абрахам Эйшtedт и работает в этой должности до 1817 г. Как руководитель Библиотеки он добился от книготорговцев предоставления 25%-ной скидки на приобретение новых изданий [81]. Но в то же время Эйшtedт был в значительной степени загружен выполнением и других обязанностей. Например, он сыграл важную роль в сохранении и повышении престижа университета как редактор основанного в 1804 г. по инициативе Гёте нового литературного журнала «Йенише альгемайне литератур-цайтунг» («Jenaische Allgemeine Literaturzeitung»). Через этот журнал Гёте распространял свои идеи, свои представления о развитии литературы. В силу этого Эйшtedт был не в состоянии активно заниматься делами Библиотеки.

Библиотека испытывала большие трудности в организации работы в связи с крайне сложной ситуацией с помещениями — она была размещена в непригодных, и даже непригодных для библиотеки, залах Паулинского монастыря (монастыря Св. Павла). Стало быть, она нуждалась в иных площадях.

Таким образом, необходимо было решить проблемы финансирования Библиотеки, ее размещения, а также обеспечения персоналом. Необходимо также было создать полноценные каталоги библиотеки.

Библиотечная реформа продолжалась 7 лет — с 1817 по 1824 гг. Гёте приступил к реформированию библиотеки с невероятной активностью. Сотруд-

ники работали без выходных дней. Записи в рабочих дневниках сотрудников свидетельствуют о том, что рабочий день в эти годы начинался рано утром, а заканчивался поздно вечером.

Прежде всего, была изменена система финансирования. Ранее библиотеку финансировали, как самостоятельное учреждение, но в ходе реформы было решено, что за ее финансирование будет нести ответственность университет, что имело принципиальное значение, поскольку теперь ее развитие зависело от университета.

Руководителем Библиотеки становится доктор Г. Г. Гюльденапфель. В качестве второго (младшего) библиотекаря он работал здесь, имея в университете должность внеочередного профессора филологии, с 1811. Несколькими годами раньше, с 1801 по 1803 г., он участвовал в работе по составлению каталога университетской библиотеки. В 1817 г. он стал гонорарным профессором университета, но преподавательская деятельность, в отличие от библиотечной, его не привлекала.

Сочетание преподавательских и библиотечных обязанностей было для университетов и их библиотек того времени не только нормой, но практически, и правилом. Вопрос о полной сосредоточенности на работе в библиотеке не мог ставиться уже в силу того, что основная часть зарплаты выплачивалась директору библиотеки как профессору университета. Гёте решил этот вопрос, официально освободив Гюльденапфеля в 1818 г. от преподавательской деятельности [82]. Гюльденапфель выполнял обязанности руководителя вплоть до своей смерти в 1826 г. Решение Гёте было не просто отступлением от правил. Фактически это был первый шаг на пути к библиотечной профессионализации. Гюльденапфель стал первым профессиональным руководителем не только Йенской библиотеки, а вообще немецкой библиотеки. Гёте так охарактеризовал его в 1818 г.: «Профессор Гюльденапфель, до настоящего времени включительно йенский библиотекарь, так пострадал сам от предшествующего состояния, что с радостью предложил руку для осуществления изменений и с благоразумием также направил определенно ипохондрическую заботливость на новые перемены» [83]. Сам же Гюльденапфель свое представление о задачах библиотеки сформулировал следующим образом: «Библиотека является универсальным институтом академии, предназначенным для пользования, для каждого — преподавателя и учащегося, вне зависимости от предмета; для того, чтобы она представала в новом блеске, академии следует заботиться о своем основном украшении и одновременно удовлетворять ее необходимые потребности» [84].

Штат Библиотеки был небольшим — руководитель и несколько библиотекарей, которые, однако, в силу отсутствия полной ставки работали всего по два часа в день. С приходом Гюльденапфеля ситуация изменилась. У него

появились два молодых, энергичных и талантливых сотрудника, которые полностью работали только в Библиотеке.

С 1820 г. здесь в качестве библиотечного писаря начинает работать Иоганн Давид Готлоб Комптер (1795—1839). Особенно ценили Гёте и коллеги его прекрасный почерк, благодаря которому он успешно занимался каталогизацией и делал копии [85]. Гёте выделял этого сотрудника за его любовь к делу [86].

С 1818 г. в должности библиотекаря-ассистента начинает работать доктор филологии Кристиан Эрнст Фридрих Веллер (1789—1854). Поначалу он работает только 2 часа в день. С 1820 г., после того как удалось изыскать средства на полную ставку, он становится штатным сотрудником Библиотеки. Гёте писал о нем: «Д-р Веллер, молодой, сильный человек, взял на себя заботу о часто не слишком приятных строительных делах, в том числе и приспособление помещений для пользования ими в новых целях, так же и подготовку стеллажей и другого деревянного оборудования для длительного пользования, и взялся присматривать за ними» [87].

Гёте к этому времени имел четкие представления о требованиях к библиотекарю как к профессионалу, которые он предъявлял и к сотрудникам университетской библиотеки в Йене. Он был убежден в том, что «активный ученый — плохой библиотекарь, как прилежный художник — плохой инспектор картинной галереи» [88]. Для него библиотекарь и ученый были двумя принципиально разными профессиями. Библиотекарь выполнял свою, особую миссию посредника между знаниями и теми, кто в них нуждался. Не случайно Гёте даже сказал, что библиотекарь должен понимать все языки мира [89]. Это означало, по его мнению, не активное их знание, а умение работать с книгами вне зависимости от языка, на котором они изданы, умение помочь читателю разобраться с текстом.

Гёте выдвигал требования не только к организации библиотечного обслуживания. В Йене он ввел и своего рода систему наблюдения за работой сотрудников библиотеки — они должны были вести рабочие дневники. Некоторые исследователи библиотечной деятельности Гёте довольно негативно относились к этой форме наблюдения, они даже объявляли ее бюрократической и формалистской, что характерно было, например, для Пауля фон Бояновского [90] и Карла Буллинга [91]. Столь категоричная оценка связана с тем, что исследователи, да и некоторые современники Гёте, рассматривали эту форму наблюдения исключительно как форму контроля за работой сотрудников, и при этом упускали из виду другие ее стороны. Они акцентировали внимание на том, как выполнялось распоряжение Гёте, и не пытались понять, почему он принял такое решение. Основными причинами можно было бы считать две. Как в Веймаре, так и в Йене Гёте не имел воз-

возможности ежедневно бывать в библиотеке и лично наблюдать за ходом работы. Поэтому ему нужна была достоверная и полная информация о состоянии дел в подведомственном ему учреждении. Тем самым, в Йене, как и в Веймаре, он как администратор использовал приемы сбора и анализа управленческой информации, выдвигая свои требования к подведомственным учреждениям. Но при этом Гёте рассматривал дневники и как средство самодисциплины служащих. Он полагал, что людям самим будет приятно наблюдать за тем, что они делают. Он считал, что для них станет привычкой задерживать свое внимание на мелочах [92]. В отношении библиотекарей, Гёте, вменив им в обязанность ведение дневников, несомненно, выполнял педагогическую функцию: «Я хочу, чтобы новый служащий библиотеки вел также ежедневно дневник. Это послужит молодому человеку разнообразной тренировкой и будет полезно для библиотечного дела, так и разовьет письменные способности служащего» [93].

Сотрудники библиотеки ежедневно фиксировали как посещения, происходившие за день события, так и погоду [94]. Изменения в погоде особенно отчетливо зафиксированы в дневниках Комптера. Он отмечает усиление ветра, наблюдает за передвижением облаков, фиксирует признаки похолодания, например, заморозки, приметы потепления. Метеорологические наблюдения вел и сам Гёте, ибо они были составной частью его естественнонаучных исследований. И он был заинтересован в том, чтобы такие наблюдения велись в разных пунктах герцогства, например, в окрестностях Веймара — в парке Бельведер, в крепости Вартбург под Эйзенахом и в самом Эйзенахе, в Ильменау и т. д. Имелась и соответствующая инструкция Гёте. Эту работу поддерживал лично и сам великий герцог [95]. Не ставя все это под сомнение, важнее назвать другую цель ведения подобных наблюдений, ибо библиотеку едва ли можно рассматривать как удобное место для метеорологических исследований. Гёте, вероятно, пытался приблизить к миру природы библиотекаря — человека, лишенного возможности ежедневно контактировать с этим миром. Гёте побуждал тем самым работающего в абсолютно закрытом помещении библиотекаря ежедневно активно и осознанно переживать изменения в природе, способствуя тем самым гармонизации его души, его внутреннего состояния. Он знал о том, что человек, активно наблюдающий за изменениями, происходящими в природе, сильнее ощущает внутреннюю связь со временем года, с каждым днем жизни природы [96].

Для Гёте не было тайной то, что сотрудники Библиотеки работали в крайне неблагоприятных условиях. Например, главный читальный зал университетской библиотеки находился на первом этаже здания, который столь глубоко уходил в землю, что стены зала были постоянно сырими. Влажность, в

свою очередь, негативно влияла на состояние книг. Работа в сырых и холодных помещениях в годы, предшествовавшие библиотечной реформе, крайне ухудшила состояние здоровья сотрудника Замковой библиотеки Иоганна Генриха Давида Фэрбера (1775—1814) [97]. Его очень ценил Гёте и считал его смерть большой утратой [98]. Такие условия работы привели, в конечном итоге, к преждевременной смерти в возрасте 43 лет и Комптера [99]. По состоянию здоровья пришлось покинуть в 1820 г. свою библиотечную должность писцу университетской библиотеки Эрнсту Августу Бауму (1781—1856), о котором Гёте отзывался как об очень полезном сотруднике [100].

В зимние месяцы, как отмечает направленный по заданию Гёте в Йену Вульпиус, в Замковой библиотеке замерзали пальцы, очень сильно болели голова и ноги. Часто, вернувшись из Йены, он писал в своем дневнике, что заболел. Неудивительно, что следствием работы там у него стали сильные ревматические боли [101]. Летом 1818 г. из замка начали вывозить книги. Их упаковкой, вместе с писцом Замковой библиотеки Фэрбером занимался сам Вульпиус. В основном здании книги принимали Гюльденапфель и Баум.

Гёте, для которого наличие света и воздуха в рабочем помещении было первой необходимостью [102], стремился в ходе осуществления реформы в университетской библиотеке изменить и ситуацию с помещениями. Наконец, и в Йене он смог реализовать то, что в Веймарской библиотеке он уже реализовал и охарактеризовал в письме Фойгту от 30 марта 1798 г. как их (его и Фойгта) главный принцип — «выигрывать пространство, насколько это возможно» [103]. Для расширения площади университетской библиотеки в 1817 г. были освоены пустующие помещения медицинского факультета, находившиеся в непосредственной близости к помещениям библиотеки [104].

Несмотря на то, что Гёте, как государственный министр, был одним из первых лиц герцогства, он не сумел убедить профессоров медицинского факультета в целесообразности передать пустующие и неиспользуемые ими помещения Библиотеке. Но он не стал, хотя и был законопослушным подданным, как обычно, постепенно добиваться намеченного через осуществление законных действий. Ради Библиотеки, ради создания условий для ее полноценного развития, сохранения фонда, более благоприятных условий работы для сотрудников, он сделал то, что, в принципе, было ему совсем не свойственно — он прибегнул к самовольному захвату этих помещений. Сначала Гёте выяснил, насколько прочна стена, отделявшая Библиотеку от медицинского факультета. Затем сотрудники под его руководством ночью пробили отверстие в этой стене и перенесли книги в пустующее помещение. Наутро профессора медицинского факультета были поставлены перед фактом. А

несколько позднее, в 1819 г. под руководством Гёте было проведено осуждение помещений библиотеки.

Очень часто многое из того, что предпринимали Гёте и его помощники, было не понято и не принято. Так, Гёте был очень огорчен тем, что сами профессора университета не были заинтересованы в качественном пополнении фонда Библиотеки, что проявилось, например, на аукционе по продаже библиотеки покойного профессора медицины Кристиана Готфрида Грунера [105]. В связи с этим, Гёте в конце 1818 г. пишет великому герцогу Карлу Августу: «Прежде всего, пользуясь возможностью, я хотел бы упомянуть Ваше Превосходительство, что как университет в целом, так и его факультеты и отдельные составляющие, свидетельствуют о плохих намерениях, которые я могу, пожалуй, наблюдать, и все же время от времени я подбадриваю подчиненных. . . Те, кто неспособны сами сделать что-то позитивное, сетуют на то, что что-то толковое осуществляется без них; однако те, кто обладает грубейшим эгоизмом, известен нам давно» [106].

Главным инструментом соединения отдельных частей библиотеки в Йене становятся ее каталоги [107].

Будучи убежденным в том, что «систематический каталог — фундамент библиотеки» [108], Гёте пытается оценить реальное состояние существующего каталога. Он приходит к выводу, что система классификации, которой пользовались для его создания, могла быть применима лишь в отдельных случаях. К разработке некоторых разделов каталога привлекались профессора университета, например, профессор медицины, директор ботанического сада Фридрих Зигмунд Фойгт (1781—1850). Этой традиции придерживались в Библиотеке и в дальнейшем. Особенно большую роль в разработке классификации для систематического каталога Библиотеки сыграл профессор-ориенталист Иоганн Готфрид Людвиг Козегартен (1792—1860). Но, по мнению Гёте, он «полностью разрабатывал его [каталог — Б. В.] в домашних условиях» [109], и потому каталог и методика составления его классификации оказались столь уязвимыми. Классификация не соответствовала состоянию современной для того времени науки.

Новая классификация была создана Гюльденапфелем, который переработал старую при активном участии Вульпиуса. Она состояла из 32-х разделов, которые, в свою очередь, делились на подразделы [110].

Благодаря соединению разрозненных частей фонда библиотеки с помощью каталога фондами смогли пользоваться не только профессор и студенты университета, но и представители других слоев населения — чиновники, офицеры, ремесленники и другие жители Йены [111]. В 1820 г. Веллер писал в своем рабочем дневнике: «С тех пор, как в окно вставлено разноцветное стекло, наша библиотека посещается ежедневно и ежечасно людьми раз-

ных классов, обоего пола, а по воскресеньям как паломники являются крестьяне» [112].

Гёте неоднократно подчеркивал особую значимость библиотеки как общественного института, а одно его высказывание цитируется исследователями его библиотечной деятельности особенно часто: «Библиотека по своей природе предназначена для всеобщего пользования» [113]. Библиотека была для него тем учреждением, которое должно играть в жизни общества активную роль. Роль пассивного книгохранилища, когда, например, сокровища фольклорного наследия «записаны, напечатаны и стоят на библиотечных полках в соответствии с участью всех немецких поэтов» [114], его не устраивала. Конечно, по его мнению, очень хорошо, что библиотека вносит свой вклад в развитие общества, а в данном случае — всей немецкой нации [115].

В конце 1820-х гг. Гёте отмечал, что в Германии имеется более двадцати университетов, множество собраний произведений искусства и естественнонаучных редкостей, театров, технических и промышленных училищ и других учреждений, способствующих развитию культуры. Особо в этом ряду могут быть выделены названные им публичные библиотеки [116]. Для понимания библиотечного мировоззрения Гёте эта мысль особенно важна именно потому, что ему крайне близка была сама идея децентрализации в области науки, образования и культуры [117].

В великом герцогстве Заксен-Веймар-Эйзенах сложилась идеальная, если сравнивать с Германией в целом, модель децентрализации в области науки, образования и культуры. Окончательно сложилась эта модель тогда, когда была завершена реформа университетской библиотеки в Йене, когда в 1823 г. Гюльденапфель не без гордости смог написать о том, что геркулесова работа успешно продвигается, а герцог эту работу по-настоящему поддерживает [118]. С того времени необходимо было только поддерживать жизнь учреждений науки, образования и культуры на соответствующем уровне. Огромная работа по их реформированию была выполнена.

Свою благодарность сотрудникам университета за помощь в его научной работе Гёте выразил в письме от 6 декабря 1825 г. [119]. В 1831 г. Библиотека получила в подарок портрет Гёте — огромное полотно кисти дюссельдорфского художника Генриха Кольбе, на котором он изображен на фоне Неаполитанского залива. Этот портрет украшает библиотеку и в настоящее время.

Проведенная Гёте реформа университетской библиотеки показала, что он, как государственный деятель, давно стремился к ее проведению. Приступил же он к ее проведению тогда, когда с его заинтересованностью в их проведении и с его готовностью к ним совпали объективные условия.

В результате проведения библиотечной реформы в Йене Гёте смог добиться того, чего ранее в профессиональной библиотечной сфере не было

— именно в Йене впервые в Германии появился библиотечный руководитель-профессионал, поскольку обязанности руководителя библиотеки были отделены от обязательных ранее для такого лица профессорских обязанностей.

Библиотечная реформа в Йене показала, что была сориентирована на человека, работающего в библиотеке, на создание максимально благоприятных для того времени условий для его работы в данном учреждении. Но, тем не менее, если рассматривать эту реформу только с точки зрения библиотечного дела, то будет трудно, и даже невозможно, понять, в чем ее уникальность. А она заключается в том, что в Йене реформа библиотеки, проведенная Гёте, стала составной частью университетской реформы. Библиотека рассматривалась как одно из научных учреждений, точнее, как основное учреждение, обеспечивающее полноценное развитие университета как учебного и научного центра. Она рассматривалась в одном ряду с такими институтами как естественнонаучный музей, ботанический сад, медицинская клиника, т. е. прежде всего, в одном ряду с институтами естественнонаучного профиля — институтами, которые, по своей сути, являются лабораториями для проведения научных исследований в области естественных наук. При этом ученые, занимавшиеся проведением этих исследований, так же нуждались в полноценной библиотеке — институте, в котором хранятся уже описанные результаты научных исследований ученых — как современников, так и предшественников предшествующих поколений.

По отношению к гуманитарным наукам вопрос о создании особых вспомогательных институтов не ставился. Здесь, по мнению Гёте, важно было улучшить саму структуру университета в плане создания тех подразделений, которые могли бы обучать студентов, специализирующихся на гуманитарных науках. Поэтому он предлагает создать специализированные семинары по подготовке филологов, пасторов и учителей. Для профессоров и студентов гуманитарного профиля при этом нужен был свой научный институт, на базе которого они могли бы не только получать необходимые знания, но и самостоятельно вести исследовательскую работу. Таким институтом для гуманитариев была библиотека университета, ибо именно она была лабораторией для исследователей в области гуманитарных наук.

Библиотека становилась тем институтом, который объединяет все направления работы университета как высшего учебного заведения, сориентированного в своем классическом, первоначальном виде на науки разного профиля — и гуманитарные, и естественнонаучные.

Вопрос о создании полноценной библиотеки возник тогда, когда сам университет сложился как единый организм, когда его уже можно было считать полноценным учебным и научным центром.

Только после того как была создана благоприятная атмосфера для учебной и научной деятельности — в дальнейшем нужно было только постоянно ее поддерживать — можно было приступать к решению другой, не менее важной и сложной задачи — к созданию полноценной инфраструктуры университета как научного центра, а затем к ее совершенствованию. Эта задача решалась в два этапа. На первом этапе закладывались основы будущей научной инфраструктуры, благодаря которой университет смог представлять собой своего рода единый организм, все составные части которого обеспечивают дальнейшее его развитие как учебного и научного центра. Когда эта инфраструктура в своем первоначальном варианте сложилась и прижилась, возник вопрос о ее дальнейшем развитии при поддержке различных составляющих этого университетского организма, различных его институтов.

На втором этапе во всей остроте встал вопрос о полноценной библиотеке как об особом научном институте, служащем всему университету, объединяющему все его подразделения. Только после первого этапа реформирования университета окончательно стала ясной степень универсальности данного учебного заведения, определились особенности его специализации. Только после этого был поставлен вопрос о реформе самой библиотеки. Данная библиотека в своем развитии могла и должна была быть нацелена на обслуживание уже сложившихся направлений деятельности университета, должен был быть определен профиль комплектования библиотеки.

Благодаря созданию полноценной научной библиотеки, созданию научного института, который обеспечивает жизнеспособность университета, университет может играть особенно значительную роль в жизни общества. В свою очередь, и научная библиотека университета с тех пор играет в жизни общества более важную роль, причем не только как составная часть университета. Ее деятельностью сразу после проведения реформы охватываются самые широкие слои населения, она начинает обслуживать не только жителей Йены, но и обитателей других городов и населенных пунктов герцогства. А это означает, что, с одной стороны, библиотека играет важнейшую роль в реализации политики в области науки и, соответственно, также и в области образования и культуры.

Будучи, прежде всего, библиотекой научной, университетская библиотека становится и общедоступной или публичной библиотекой.

Процесс развития библиотеки в обоих планах — и как научной, и как общедоступной — имеет в случае с университетской библиотекой в Йене не стихийный характер.

В Веймарском герцогстве — впервые в истории библиотек — научная библиотека начинает развиваться в соответствии с многоаспектно продуманной политикой государства в области науки, образования и культуры в

соответствии с концепцией развития этих областей жизни общества, изложенной Гёте в 1795 г. на заседании Общества пятницы.

В контексте опыта развития библиотек Веймарского герцогства эпохи Гёте можно лучше понять природу ряда проблем современных научных библиотек.

Научная библиотека может быть как специализированной, так и универсальной. В каждом конкретном случае универсальность будет разной, ибо она определяется неизбежной в каждом конкретном случае специализацией библиотеки и тем, насколько библиотека в соответствии с инфраструктурой университета сориентирована на гуманитарные и насколько на негуманитарные (преимущественно, естественные) науки.

Научные же библиотеки, которые не вовлечены в сложную инфраструктуру крупного научного организма, такого как университет или академия наук, чаще всего, имеют более ярко выраженный гуманитарный характер. Такие библиотеки развиваются преимущественно как научно-гуманитарные или исследовательские библиотеки. К ним, как правило, могут быть отнесены и национальные, и центральные региональные.

2. 2. ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ В. ГУМБОЛЬДТА НА НАУЧНУЮ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ ПРУССИИ

Один из самых ярких периодов развития немецкой науки охватывает несколько десятилетий XIX в. — от Венского конгресса 1815 г. до начала XX в. И хотя этот период заканчивается с началом первой мировой войны, есть основания считать временной границей его завершения начало второй мировой войны. В эти годы сложились объективные предпосылки для активизации научных исследований, подготовки ученых, формирования научных центров. Немецкая наука приближается к тому, чтобы стать мировым лидером. Немецкий язык становится международным языком науки. Под немецким влиянием многие государства стали стремиться развивать науку в своих странах.

Все государства Германии становились на путь общественных реформ, нацеленных на повышение общего образовательного уровня населения, но в первую очередь это было характерно для Пруссии. По этому поводу достаточно категорично и с предельной прямотой высказался в 1842 г. Карл Беньямин Прейскер (1786—1871), один из главных реформаторов в области образования в Пруссии: «Существуют два средства держать народ в узде: кнут (или штык) и народное образование» [120].

В этот период шло бурное развитие техники, индустрии, торговли, железнодорожного сообщения и почтовой связи. Возникла потребность в

ускоренном развитии широкой системы народных школ, т. е., развитии начального (элементарного) народного образования широких слоев населения, и в подготовке квалифицированных профессионалов на следующей стадии обучения.

Масштабные реформы в области образования связаны, прежде всего, с именем выдающегося немецкого ученого Вильгельма фон Гумбольдта [121]. Сфера деятельности Гумбольдта охватывала всю систему образования — от сельских школ до университета и академии. Ближайшим помощником и настоящим союзником Гумбольдта стал поддерживавший все его начинания Георг Генрих Людвиг Николовиус, который был в некоторой степени родственником Гёте, т. к. его супругой была племянница Гёте, дочь его сестры Мария Анна Луиза Николовиус.

В то время в Пруссии сложились благоприятные условия для проведения демократических реформ, инициатором которых был министр Генрих Фридрих Карл Штейн — политический деятель, которого впоследствии пригласил на государственную службу в Россию император Александр I. Целью реформ Штейна была либерализация Прусского государства и демократизация общественной жизни. Для реализации этих реформ, прежде всего, было необходимо создать принципиально новую модель начальной школы.

Но главным предметом внимания и заботы В. фон Гумбольдта были университеты. Он считал, что государство существует для того, чтобы способствовать развитию своих граждан, раскрытию их потенциала. По его мнению, и теория государства не должна быть абстрактной — она может быть лишь составной частью теории человека и в первую очередь способствовать развитию личности через ее образование. Наиболее глубоко он рассматривал этот вопрос в своей фундаментальной работе «Мысли относительно попытки определить границы воздействия государства» («Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen»), известной под названием «Зеленая книга».

Идеи, высказанные Вильгельмом фон Гумбольдтом в отношении проведения в области образования крупных реформ национального масштаба, возникли у него в результате длительных поисков ответов на вопросы, которые волновали его как ученого. Несомненно, большое влияние оказала на Гумбольдта послереволюционная Франция — страна, в зеркале которой он видел, как отражались в истинном виде проблемы Германии [122]. Франция столь заинтересовала Гумбольдта именно потому, что его, несомненно, привлекали возможности единого государства, в котором науке оказывают большую поддержку и стимулируют ее развитие. И именно во время своего пребывания во Франции, которую он хорошо знал, но отнюдь не идеализировал, Гумбольдт пришел к мысли о необходимости проведения в Германии опре-

деленных реформ в области образования, необходимости раскрыть тот мощный духовный потенциал, которым обладает его родная страна.

На первый взгляд, идеи Гумбольдта о развитии науки, образования и культуры, во многом не соответствовали взглядам его старшего друга

Гёте, с которым он поддерживал самые добрые отношения на протяжении многих лет своей жизни, гордился тем, что Германия, в отличие от Франции, обладает не одним научным, образовательным и культурным центром, каким и в его восприятии был Париж, а множеством таких центров, хотя и не столь крупными. Он стремился сосредоточить все внимание именно на обеспечении жизнеспособности конкретной территории Германии, а именно — герцогства Заксен-Веймар-Эйзенах. Более масштабной задачи — охватить своей деятельностью всю Германию — он перед собой не ставил.

Сами университеты, по убеждению Гёте, должны были развиваться в небольших городах, поскольку он считал что «дух культуры и науки может расцвести только будучи отлученным от действительности» [123].

Гёте не без интереса наблюдал за инициативами своего друга. В письме Марии Анне Луизе Николовиус он, например, писал о том, что его порадовала и встреча со старым другом, и сама прусская столица, которая менялась к лучшему, развиваясь под влиянием таких выдающихся людей как В. фон Гумбольдт.

После длительного пребывания в Париже В. фон Гумбольдт стремился приступить к делу, но его сковывали масштабы небольшого государства. Он, как общественный и будущий государственный деятель, уже не мог не мыслить иными категориями. Ему была необходима иная, более масштабная, арена деятельности, что и привело его по возвращении из Франции в 1801 г. в Берлин. Однако к решению о том, что он будет работать в Пруссии, Гумбольдт пришел не сразу. Небольшое веймарское государство все же влекло его в плане возможности остаться там и заниматься научной работой. Не последнюю роль играло при этом желание больше общаться со столь духовно близкими ему личностями как Гёте и Шиллер. Но в отличие от Гёте, Гумбольдт стремился повлиять на жизнь если не всей Германии, то, по крайней мере, большую ее части — Пруссии, питая надежду на то, что она окажет положительное воздействие на всю Германию [124].

На самом деле едва ли следует искать какое-либо противоречие в том, что два выдающихся ученых, которые были при этом и государственными деятелями, ориентировались на разные идеалы развития общества в Германии. То, что реализовал Гёте в масштабах небольшого по размерам государства, безусловно, не могло стать реформами, проводимыми в общегерманских масштабах, но в герцогстве Заксен-Веймар-Эйзенах сложилась своего рода идеальная модель политики государства в области науки, образования и культу-

ры государства, которая не могла не влиять прямо или опосредованно на другие государства Германии. И тем более, этот опыт никак не противоречил масштабным реформам, которые проводились впоследствии, но уже в более широких масштабах.

Между Гёте и Гумбольдтом просматривается определенная духовная связь не только как между учеными, но и как между государственными деятелями, деятельность которых была нацелена на осуществление реформ в области науки, образования и культуры. Импульсом к их проведению стали Веймарские реформы. И хотя эти реформы были реформами регионального характера, они не утратили своего значения и тогда, когда проводились реформы общенационального характера. Одно дополняло другое — с одной стороны, прусские реформы, а затем и целенаправленная политика в области науки, образования и культуры велись уже в масштабах единого общегерманского государства, возникшего в начале 1870-х гг. и при активном участии прусского государственного деятеля Отто фон Бисмарка. С другой стороны, для Германии совсем не потерял своего значения тот факт, что там многочисленные центры науки, образования и культуры сложились и развивались именно на региональном уровне, что в те времена выгодно отличало Германию от соседней Франции.

Реформы Гумбольдта были нацелены на решение трех основных задач. Во-первых, в результате их проведения центральные учреждения должны были быть преобразованы таким образом, чтобы они смогли играть ведущую роль в развитии науки. Это означало, что должна была быть создана новая — централизованная система образования, которая, в свою очередь, должна была стать органом государственного контроля в сфере образования. Во-вторых, принципиально иным должно было стать восприятие самой цели общего образования: такой целью должно было стать стремление превратить дитя человека в человека. Это означало, что появилась ориентация на гуманистическое образование. В основу представления о всеобщем образовании для всех членов общества была заложена идея гуманистической гимназии (*humanistische Gymnasium*). Под всеобщим образованием подразумевалось всеобщее право на получение образования. В-третьих, система образования должна была состоять из трех ступеней: элементарное образование (*Elementarunterricht*), школьное и университетское.

Концепция углубленного гуманистического школьного образования строилась на отказе от религиозных основ воспитания и образования и опиралась на эстетические и этические идеалы античной Греции и идеалы гуманизма немецкой классики, складывавшиеся во времена Винкельмана и Лессинга, Гёте и Шиллера.

Образование предполагало не получение содержательных знаний, а формирование принципиально иного понимания научного исследования, под которым подразумевалась деятельность на пути к формированию характера человека и к достижению мудрости.

Для науки XIX в. были характерны такие отличительные черты, как: ориентация на университеты и связанные с ними академии наук, а также другие учреждения; взаимодействие между учебой и исследованием; специализация научных дисциплин, осуществлявшаяся через их разделение; стремление к скорейшему представлению даже самых незначительных результатов исследований в виде публикаций в журналах и, более того, в форме монографий. Особо следует выделить такую черту, как тенденция к отказу от проведения исследований, не имеющих ярко выраженного практического значения, не приносящих пользы для техники и экономики.

По мнению Вильгельма фон Гумбольдта, гимназия должна была «делать привлекательным понимание, знание и духовное творчество не только через внешние обстоятельства, но и через внутреннюю точность, гармонию и красоту» [125].

Результативность гимназического образования была обусловлена, прежде всего, методами преподавания классических и немецкого языков, а также математики, ибо эти предметы развивали склонность к абстрактному мышлению и укрепляли память. Большое значение придавалось изучению гуманитарных наук, а также тому, как учащиеся усваивали естественнонаучные теории и постигали математическую мысль. Но при этом в процессе обучения постепенно все более приоритетными становились чистые и прикладные естественные науки, а также философия.

Для гуманитарных наук наиболее благоприятные условия сложились в первой половине XIX в. Георг Лей называет эти годы «героической эпохой прежде всего по отношению ко всем гуманитарным наукам» [126].

Успешность деятельности немецкого университета как такового не случайно связывают именно с высоким уровнем гимназической подготовки, и в первую очередь с установившимся в гимназии формалистическим характером обучения мышлению. Как отметил в 1987 г. в своем докладе, сделанном в Боннском университете, Йозеф Симон, наука по Гумбольдту, означает гораздо больше, чем просто область знаний [127].

В связи с этим, гимназия рассматривалась как учебное заведение, выполняющее функцию подготовки учащихся к обучению в университете, которые, получив высшее образование, могли в дальнейшем приступить к исследовательской деятельности. Центральная же роль в развитии науки отводится университетам. А сам университет становится ареной для высказывания различных мнений [128].

В XIX в. складывается принципиально новое представление об университете. Университет рассматривается не только как место передачи знаний, но и как учреждение, где эти знания появляются.

В принципе, несмотря на то, что взаимосвязи между обучением и исследованием были достаточно тесными и в XVII—XVIII вв., большинство университетских профессоров рассматривали обучение студентов как процесс передачи ими знаний, без ориентации их на проведение самостоятельной исследовательской работы. В силу этого и возникла потребность в проведении университетских реформ.

По мнению Вильгельма фон Гумбольдта, наука — это не только уже имеющиеся познания, но и то, что еще вообще не открыто или не познано. Поэтому столь важным для него и для передовых его современников являлось понимание науки как единства обучения и исследовательской работы. По сути, это означало, что процесс поиска идет в организационных рамках и занят в этом процессе и учитель и ученик. И проходить этот процесс может в рамках учреждений, поддерживаемых государством, например, в академиях наук, но основную роль следует отводить университетам.

Согласно представлениям Гумбольдта и его единомышленников — так называемых новых гуманистов, государство обязано было обеспечить и необходимую степень свободы исследовательской деятельности.

Новые гуманисты — как и их предшественники — рассматривали научное исследование как деятельность, ведущую к постижению мудрости, способствующую духовному единению, нравственному совершенству и формирующую характер. Но все это, в свою очередь, воспринималось как реально возможное благодаря тому, что сам ученый приступал к этой деятельности, овладев навыками мышления в гимназии, ибо как уже отмечалось ранее, именно гуманистическая гимназия должна была дать правильное направление формированию мыслительных способностей.

В целом, развитие науки в XIX в. проходило под знаком идеализации ее возможностей в плане воздействия на индивидуума и на общество. Но по сравнению с наукой эпохи Просвещения, которая и принесла эти идеалы, принципиально иными были в XIX в. масштабы ее развития. К тому же, масштабы научной деятельности обусловлены с тех пор принципиально иным фактором, суть которого заключается, прежде всего, в том, что на смену разрозненным, проводившимся преимущественно по частным инициативам, научным исследованиям, приходит научная деятельность в университетах, финансируемых государством. Речь идет уже о научной политике, осуществляемой государством. Первое место в отношении реализации новой научной политики на практике заняла Пруссия.

В начале XIX в. особенно важную роль играли три немецких университета, находившиеся в небольших нестоличных городах: Галльский, Гёттингенский и Йенский. В первой половине этого столетия все более заметной становится роль университета, действующего в столице Пруссии — Берлине.

Берлинский университет отличался от вышеназванных университетов, само собой разумеется, уже тем, что он был открыт в огромном столичном городе большого и по территории и по численности населения государства. Но этот университет отличался и тем, что он должен был играть в жизни государства совсем новую роль — будучи центром образования, он должен был направлять свою деятельность на обеспечение жизнеспособности этого государства.

На политической карте Германии XIX в. Пруссия выделяется особенно. Огромная, в сравнении с другими немецкими государствами, территория Пруссии расширялась, включая в себя все новые и новые научные и культурные центры.

Однако политика территориального расширения не сопровождалась стремлением оказывать содействие развитию науки и культуры на новых территориях. Более того, начало XIX в. характеризуется уменьшением количества университетов. Так из 39 университетов, которые имелись в старых и новых провинциях, было упразднено 18. Библиотеки бывших университетов были вынуждены изменить профиль. Так, фонды бывших университетских библиотек в Майнце и Трире послужили основой для создания городских библиотек. Библиотека в Эрфурте получила статус государственной библиотеки. А библиотека бывшего университета в Виттенберге была поделена между университетской библиотекой в Галле и библиотекой семинара пасторов. Фонды библиотеки бывшего университета в Дуйсбурге были направлены в библиотеку университета в Бонне. Некоторые библиотеки продолжали работать в тех же городах, где и работали раньше, но они становились составной частью других, перефилированных учебных заведений, как, например, университета в Мюнстере, который был преобразован в Теолого-философскую академию.

Из старых университетов сохранились только три — в Кёнигсберге, Галле и Бреслау, правда, открылись два новые — в Берлине (1810) и Бонне (1818).

После присоединения к Пруссии в 1815 г. Померании, а позднее — в 1866 г. Ганновера и Шлезвиг-Гольштейна, прусскими стали университеты в Грейсвальде, Марбурге, Гёттингене и Киле. В последующие годы их число постепенно увеличивается. В 1902 г., например, был восстановлен университет в Мюнстере, который, как отмечалось выше, был преобразован в Теолого-философскую Академию. Появляется университет, основанный на част-

ные средства и, соответственно, не финансируемый государством — открытый в 1914 г. во Франкфурте-на-Майне. В целом, перед второй мировой войной половина университетов всей Германии находилась на территории Пруссии.

Увеличение общего числа университетов отражает качественные изменения в отношении государства к университетам и к образованию в целом, особенно характерно это было для Пруссии. На смену сильному контролю со стороны государства над убеждениями его граждан приходит свобода преподавания в университетах, которая повлекла за собой и свободу исследовательской деятельности. Благодаря этому появилась возможность реализовать на практике один из основных постулатов В. фон Гумбольдта о значении университета — по его мнению, университет был невозможен без свободы исследовательской деятельности и свободы преподавания. А это потребовало в свою очередь изменения роли университетской библиотеки, и в первую очередь в вестующем университете Пруссии — Берлинском.

В начале XIX в. библиотека Берлинского университета была, вне всякого сомнения, одной из лучших в Пруссии и Германии в целом. Будучи составной частью университета, она была связана самым тесным образом с Королевской библиотекой, и управление ею вплоть до 1873 г. было компетенцией главного библиотекаря именно Королевской библиотеки.

Последняя оказала большое влияние на развитие и других университетских библиотек, особенно при разработке их уставов. В их основу были положены Правила Королевской библиотеки от 1813 г. Так, например, Уставы библиотек университетов в Бреслау (1815), Бонне (1819), Кёнигсберга (1823) и Галле (1831) были составлены на основе берлинских Правил, причем во всех случаях обращение к ним было добровольным. Составителей уставов привлекала четкость этого документа, прусская четкость стиля управления. Следует отметить также и то, что, в свою очередь, Правила, отражающие типично прусское отношение к унификации системы управления, базировались на опыте работы Гёттингенской библиотеки. Наиболее привлекательной чертой этих Правил было стремление к четкой организации систематической расстановки фондов и к ведению систематического каталога. Что касается университетской библиотеки Берлина, то ее Устав также был подготовлен на основе Правил Королевской библиотеки, что было сделано в 1831 г.

Наиболее отчетливо нововведения в работе библиотек проявились в сфере обслуживания читателей. Библиотеки оказались вынужденными учитывать и то, что расширялся круг обслуживаемых ими читателей, и то, что возрастал спрос на литературу, имеющуюся в фондах библиотеки. Если раньше в отношении обслуживания читателей университетская библиотека ориенти-

ровалась на профессоров университета, то теперь в круг ее активных читателей вошли студенты и докторанты.

Необходимость учитывать тенденцию к увеличению количества посещений повлекла за собой определенные организационные решения, целью которых было создание более благоприятных условий для работы читателей в библиотеке, что выражалось, например, в продлении часов ее работы.

Увеличение числа читателей и как следствие этого — объема работы библиотеки, требовало и пересмотра вопросов, касающихся ведения каталогов. Так, например, Отто Хартвиг пришел к решению о необходимости введения алфавитного каталога для публики, что, по его мнению, позволило бы уменьшить нагрузку на главный (генеральный) алфавитный каталог и обеспечить его сохранность. Соответственно, первый такой каталог появился в возглавляемой им университетской библиотеке Галле в конце XIX в. Хартвиг стал и инициатором опубликования системы классификации систематического (реального) каталога библиотеки. Это позволило другим библиотекам не только воспользоваться опытом работы библиотеки в Галле, но и начать работу по поиску наиболее оптимальных решений вопросов ведения систематического каталога.

Наблюдались и случаи отказа от введения каких-либо новшеств в этой сфере. Так, руководитель Гёттингенской библиотеки Рихард Петшман отверг необходимость вести не только каталоги для публики, но и карточные, а также готовить сводные каталоги.

В связи с тем, что в библиотеках не было единого подхода к ведению каталогов, возникали неудобства, затруднявшие читателям обращение к фондам различных библиотек. Но самое главное — каталоги в том виде, в каком они сформировались к этому времени в разных библиотеках, не соответствовали потребностям нового времени.

Это противоречие было устранено благодаря активной деятельности Карла Дзяцко [129], который во время работы в Бреслау разработал инструкцию по описанию печатных изданий. Именно она в будущем была заложена в основу так называемой «Прусской инструкции», применение которой дало возможность решить проблему унификации каталогов в стране.

Однако именно состояние каталогов было одним из самых уязвимых мест в работе всех немецких библиотек, но, прежде всего, прусских. Это проявилось особенно отчетливо при попытке реализации плана создания так называемого «центра немецкой эрудиции», с помощью которого предполагалось решить проблемы, связанные с отсутствием в Германии национальной библиотеки, о чем речь пойдет ниже.

Тем не менее, в период с 1815 по 1885 гг. наиболее уязвимой областью деятельности немецких библиотек было комплектование. Хотя в отдельных

библиотеках закупки книг велись, и некоторые части их коллекций отличались определенной полнотой, в целом для библиотек Германии, не было характерно последовательное комплектование отечественной и зарубежной литературой, в результате чего в их фондах образовывались значительные лакуны [130].

Принципиально новым подходом к комплектованию стало введение так называемой системы референтов (Referentssystem или Referatssystem), или системы отраслевых референтов. Впервые к ней обратились в Королевской библиотеке в Берлине — в соответствии с новыми правилами (Reglement), введенными в 1813 г., которые были разработаны Фридрихом Шлейермахером. Суть этой системы заключалась в том, что для работы с определенной отраслью знаний выделялся специалист, который отвечал за комплектование литературы по тому или иному предмету. В круг его обязанностей входили: работа с соответствующими разделами систематического каталога, установление и поддержание контактов с читателями, специализирующимися в определенной области знаний, которые в этом случае выступали и в роли экспертов.

В течение XIX в. это нововведение в университетских библиотеках Германии почти не применялось. Более того, отмечались случаи, когда эта система, будучи уже введенной, впоследствии отменялась, как, например, в Гёттингене — после того как в 1903 г. на смену Карлу Дзяцко на пост руководителя библиотеки пришел Рихард Петшман.

Однако после 1906 г. именно эта система распространилась по всей Германии, что произошло благодаря активной деятельности Адольфа фон Харнака [131].

Увеличение потока новой научной литературы потребовало отказа от ориентации на охват литературы по всем наукам и научным дисциплинам. Бюджет библиотек не позволял к тому же безгранично увеличивать количество покупок.

Идею о необходимости разработки четкого профиля комплектования каждой библиотеки (Sammelschwerpunkte) одним из первых — в 1887 г. — высказал Роберт фон Моль, главный библиотекарь университетской библиотеки Тюбингена, профессор в области науки о государстве. По его мнению, следовало определить наиболее приоритетные для той или иной библиотеки темы, и тогда уже библиотека могла обеспечивать максимальную полноту фонда литературы по теме [132]. Соответственно, библиотека отказывается от комплектования литературы по другой теме.

Однако это предложение было реализовано в несколько неожиданной форме. Дрезденский библиотекарь, ученый-германист Эрнст Фёрстерман поддержал тюбингенского коллегу, но предложил реализовать его идею через

создание самостоятельных специализированных библиотек различных подразделений университета — институтов, семинаров, клиник. Это предложение поддержал руководитель прусского Министерства культов, в компетенции которого были и библиотеки, Фридрих Альтхофф, благодаря чему это нововведение широко распространилось по всей Германии [133]. Но в ходе реализации этого плана постепенно вырисовывалась новая, отрицательно влиявшая на развитие научных библиотек страны тенденция: между центральными библиотеками университетов и институтскими библиотеками постоянно стали возникать конфликты, и в конечном итоге это привело к негативным результатам их работы [134].

Большое внимание уделялось устройству помещения для абонементов, созданию читальных залов, в том числе специализированных залов для чтения журналов, а также оборудованию необходимых подсобных рабочих помещений. В связи с этим стала очевидной необходимость поиска новых архитектурных решений помещений библиотек. Стало очевидным, что старые архитектурные решения зданий библиотек совершенно не соответствуют новым задачам их работы.

Интенсивное увеличение объема фондов университетских библиотек требовало, прежде всего, решения такой проблемы, как поиск наиболее оптимальных решений по размещению фондов с точки зрения распределения нагрузки в тех помещениях, где они хранились. Наиболее удачным стало архитектурное решение в университетской библиотеке Галле в конце XIX в., где по инициативе О. Хартвига впервые было построено книгохранилище в виде стального каркаса, и строительство хранилища в виде железобетонной конструкции, реализованное в 1914—1916 гг. в университетской библиотеке Гёттингена по инициативе ее директора Р. Петшмана.

В то же время на пути к развитию университетской библиотеки в соответствии с потребностями современной для того времени науки возникло объективное препятствие, которого нельзя было не заметить — несоответствие библиотечного персонала этих библиотек потребностям нового времени.

На определенном этапе развития науки и научной библиотеки, как уже было сказано, в библиотеку пришел работать ученый и стал библиотекарем. Сам пользователь лучше всех представлял себе, какие новшества должны быть введены в практику библиотечной работы для того, чтобы создать более благоприятные условия для работы читателей, для исследовательской деятельности. Иными словами, именно ученый, заинтересованный в развитии науки, способствует развитию научной библиотеки. Именно библиотекарь-ученый является связующим звеном науки и библиотеки. В отношении университетских библиотек связь науки и библиотеки выражалась в том, что сложилась система, при которой главный библиотекарь в то же самое время

являлся и профессором университета (Professoroberbibliothekar). Но постепенно, по мере развития науки, именно это сочетание двух профессий в одном лице становится наиболее противоречивым. То, что человек, являющийся полноценным профессором университета не может быть при этом полноценным библиотекарем, стало к концу XIX в. особенно очевидным.

Впервые подобное противоречие было устранено в университетской библиотеке в Йене в годы ее реформирования под руководством Гёте, но тогда подобная ситуация (библиотекарь — он же ученый) не влекла за собой столь серьезных последствий. Прошло еще несколько десятилетий, прежде чем это противоречие стало довольно ощутимым, и вопрос о необходимости его разрешения поставил О. Хартвиг, директор Университетской библиотеки в Галле. Он был убежден в том, что в библиотеку должен прийти библиотекарь-профессионал, что квалификация библиотекаря требует постоянного развития, чему, по его мнению, должна была способствовать профессиональная пресса. Поэтому он основал журнал «Zentralblatt für Bibliothekswesen» и стал руководить работой по его изданию. Он же основал и первое профессиональное объединение немецких библиотекарей — «Союз немецких библиотекарей» («Verein Deutscher Bibliothekare»).

Преемник К. Дзяцко на посту руководителя Гёттингенской библиотеки — Р. Петшман (в период 1903—1921 гг.), который официально числился профессором египтологии и библиотековедения, однако не стал прямым последователем своего предшественника. Он отменил лекции по библиотековедению, а кафедра библиотековедения после ухода Дзяцко вообще была переведена в Берлин.

Но наиболее значимой в решении проблемы подготовки профессионального библиотекаря была роль Берлинского университета. Здесь на базе университетской библиотеки начала функционировать высшая библиотечная школа. До конца первой мировой войны она оставалась единственным учебным заведением, где готовили профессиональных библиотекарей.

В конце XIX в. в объединенной О. В. Бисмарком Германии просматривается тенденция к поиску решения реформирования библиотечного дела и во всей стране. В традиционной для Германии политике децентрализации в области науки, образования и культуры были не только преимущества, но и существенные недостатки. Обладая расположенными во всех регионах крупными библиотеками, которые играли важную роль в развитии отдельных регионов (земель) Германии, эта страна — в отличие от Великобритании, Франции и других стран Европы — не имела национальной библиотеки. Такая библиотека не сложилась здесь в силу особенностей исторического развития страны. В Германии не было библиотеки, в которой собиралась бы с исчерпывающей полнотой вся литература, выходящая в Германии и в мире

на немецком языке. Лишь в 1913 г. эта проблема была решена путем создания Немецкой библиотеки в Лейпциге — Deutsche Bucherei. Но не было в стране — и это самое главное — библиотеки, которая могла бы играть роль центральной научной библиотеки универсального профиля. Отсутствие такой библиотеки и стало главным стимулом для поиска варианта общегерманской библиотечной реформы. В результате дискуссии был отклонен вариант создания полноценной национальной библиотеки по образцу крупнейших библиотек Европы. Прусское Министерство культов в лице Альтхоффа представило концепцию, согласно которой предполагалось вместо национальной библиотеки создать в Королевской библиотеке в Берлине копии каталогов всех крупнейших научных библиотек Пруссии. В результате этого в период между 1931 и 1936 гг. были подготовлены и изданы только первые 14 томов [135]. Но то, что главные проблемы и противоречия оказались нерешенными, а после первой мировой войны к ним добавились еще и новые проблемы, связанные с нехваткой средств на приобретение современной литературы, побудило к поиску новых решений централизованного характера. С 1924 г. на всей территории Германии начинает функционировать межбиблиотечный абонемент, в работе которого участвуют и научные библиотеки. При Прусской государственной библиотеке в Берлине был создан государственный обменный пункт, на который была возложена функция ведения централизованного обмена дублетными экземплярами [136].

В последней четверти XIX в. университетская библиотека окончательно отказывается от принципа универсальности комплектования. Эпоха развития Гёттингенской модели подошла к концу. Ее завершение связано с университетской реформой, суть которой заключалась в том, что институты и другие подразделения получили административную, финансовую и пространственную (в отношении занимаемых помещений) независимость от самого университета. При них создаются самостоятельные специализированные библиотеки. Как бы ни оценивали впоследствии правомерность такого решения, оно, несомненно, отражало объективно развивавшуюся тенденцию к дифференциации наук, к большей специализации. Будучи инструментом науки, научная библиотека откликнулась на объективно происходившие изменения именно таким образом.

Позднее, после первой мировой войны, т. е. в условиях Веймарской республики, в стране на государственном уровне ведется поиск решений по оказанию поддержки научным библиотекам в области комплектования новой иностранной литературой. Самым ярким из нововведений стало создание в 1920 г. Общества экстренной помощи немецкой науке (Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft), в рамках которого был создан библиотечный комитет. Первоначально его возглавлял Фритц Милькау [137]. Этот комитет распоря-

жался денежными средствами, централизованно выделявшимися для приобретения новой литературы — для заполнения лакун в журнальных фондах и для приобретения наиболее важных монографий. В первую очередь, эти средства предоставлялись Прусской и Баварской государственным библиотекам. Деятельность этого общества впоследствии оценивалась весьма критически [138], но нельзя не отметить, что это был первый шаг на пути решения проблемы оказания помощи научным библиотекам в деле комплектования новой иностранной литературой за счет средств государства. Помощь со стороны государства предполагала специализацию научных библиотек именно в области комплектования с тем, чтобы обеспечить в масштабах страны максимально полный охват основного потока иностранной научной литературы и, соответственно, гарантировать своим гражданам возможность доступа к такому фонду на территории своей страны. Решение подобного рода впервые появилось именно в Германии и аналогов не имело.

2. 3. ТОТАЛИТАРНЫЙ ОПЫТ

2. 3. 1. НА СЛУЖБЕ У «АРИЙСКОЙ НАУКИ»: ТРЕТИЙ РЕЙХ

В 1933 г. к власти в Германии пришли национал-социалисты. Научные библиотеки продолжали работать, но при этом изменились условия их работы.

В октябре 1933 г. традиционное право университетских советов самим выбирать деканов и ректоров было упразднено. В начале 1934 г. была разрушена федеральная структура культуры Германии. 1 мая 1934 г. было создано Министерство науки, образования и народной культуры (Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung) во главе с бывшим министром культуры Пруссии Б. Рустом. Ему подчинялись все учебные заведения всех земель Германии.

Работа всех преподавателей контролировалась Национал-социалистской ассоциацией университетских преподавателей. Отказ от вступления в нее означал невозможность заниматься профессиональной деятельностью. В Берлине университетские преподаватели, отказавшиеся от вступления в национал-социалистскую партию, были лишены права пользоваться библиотеками еще в конце 1933 г. [139].

С приходом нацистов к власти руководителями библиотек и библиотечных объединений становятся члены национал-социалистской партии. 6 мая 1933 г. учреждается Объединение национал-социалистских библиотечкарей (Vereinigung nationalsozialistischer Bibliothekare) [140]. Баварскую государст-

венную библиотеку возглавляет национал-социалист Рудольф Буттнер, а университетскую библиотеку в Мюнстере Иоахим Кирхнер.

Изменения в сфере функционирования научных библиотек нацистской Германии были обусловлены, прежде всего, централизацией руководства, осуществлявшейся новой властью. Так, в 1936 г. Консультационный совет по делам библиотек, основанный в 1907 г., выполнявший координационные функции и в отношении научных библиотек, стал государственным. Он был подчинен Министерству науки, образования и народной культуры образования Рейха [141].

С 1937 г. все заявки по межбиблиотечному абонементу должны были проходить только через Центр международного книгообмена (Zentrale für den Internationalen Leihverkehr) при Берлинской библиотеке. Тогда же здесь начало функционировать и Справочное бюро немецких библиотек (Auskunftsbüro der deutschen Bibliotheken).

Общество экстренной помощи немецкой науке было в 1934 г. передано в ведение Прусской государственной библиотеки, где оно начало действовать как Служба комплектования немецких библиотек (Beschaffungsamt der deutschen Bibliotheken). При этом с 1936 г. Йозеф Геббельс запрещает импорт зарубежных публикаций, а с 1937 г. это допускается, но только по согласованию с Тайной полицией — Гестапо (Gestapo). Жесткие правила контроля распространялись и на книгообмен, а также на дары и на издания, привозимые из зарубежных командировок [142].

В отношении научных библиотек нацистская ялтика определялась отношением Национал-социалистской партии к науке. Нацистская идеология предполагала отказ от объективной бесценностной науки, поскольку основными элементами миропорядка были не отдельные личности, а расы, и абсолютная истина должна, соответственно, определяться благом народа или «арийской расы». Постоянно нападал на рационализм науки и А. Гитлер, заявивший, в частности, в одной из своих речей 1938 г. о том, что «мудрецы — это враги действия», в то время как Германии «нужны инстинкт и воля» [143]. Концепция интернациональности науки была объявлена недействительной. Один из наиболее активных деятелей нацистского движения И. Штарк утверждал в связи с этим: «Нет, наука не интернациональна, она так же национальна, как и искусство» [144]. Соответственно, все, что в науке было создано не немцами, объявлялось непригодным для Германии, не заслуживающим внимания, не то, что для изучения. И. Кирхнер, выступая на библиотечном съезде в Дармштадте в 1933 г., отстаивая при этом необходимость реформирования библиотечного образования, предложил ориентировать комплектование научных библиотек «на отражение народных взглядов» при

максимальном сокращении иностранной литературы и акценте на ценных немецких по духу произведениях» [145].

В соответствии с принятым 23 мая 1933 г. «Имперским законом о восстановлении служебной бюрократии» от 23 мая 1933 г. так называемые расовые чистки персонала на предмет арийского происхождения начались и в библиотеках.

Чисткам подверглись и фонды низовых народных библиотек. Из них изымались наряду с работами «марксистского содержания», социал-демократические изданиями и профсоюзная литература, а также отдельные художественные произведения, в том числе романы Эриха Марии Ремарка, Мартина Андерсена-Нексе, Джека Лондона. Изъятые из основных фондов издания были представлены в одном экземпляре в специальных фондах запрещенной литературы, которые создавались в крупнейших научных библиотеках для пользования ими исключительно в научных целях [146].

В профессиональной библиотечной литературе давались указания о том, как следует отражать в каталогах запрещенную и не рекомендуемую широкому кругу читателей литературу, например, марксистскую и пацифистскую [147]. Но при этом единообразия в отражении этой литературы в каталоге не было. В одних случаях, например, в университетской библиотеке Мюнхена, на самих книгах делалась пометка с буквой «R», то есть «Remota», что означало наличие книги на полке и неотражение в каталоге. В других библиотеках создавали особый каталог «нежелательной литературы». Если какой-либо документ, не рекомендуемый для чтения, все же выдавался, исключалась его выдача за пределы библиотеки, чтобы исключить возможность изготовления фотокопии [148].

Тенденция к ограничению библиотечного обслуживания граждан еврейского происхождения, или даже к отказу в таковом, типичная для самых разных сфер жизни Германии, начала проявляться в библиотеках после 9 ноября 1938 г. — после «хрустальной ночи» (Reichskristallnacht). Хотя прямых запретов не было, у входа в библиотеки, например, в Саксонии, вывешивалось объявление «Евреям вход воспрещен». А читатель-иностранец для того, чтобы получить читательский билет, должен был подтвердить свое арийское происхождение [149].

В результате всех этих изменений самая совершенная в мире система научных библиотек перестала быть каналом обмена научной информацией [150].

Характер взаимоотношений научных библиотек и тоталитарного государства в условиях нацистской Германии отличался от аналогичных взаимоотношений в условиях СССР [151] — иными были и контроль со стороны го-

сударства [152], и приоритеты библиотечного обслуживания [153] и само отношение государства к науке [154].

В советской России масштабы влияния тоталитарного государства на библиотечное дело в целом, и на научные библиотеки в частности, превосходили масштабы влияния нацистского государства в Германии [155]. Но в своей основе тоталитарный механизм был тот же, ибо тоталитаризм — это, прежде всего мощный аппарат государственного насилия, которому подвергаются все организации и учреждения» [156].

В Третьем рейхе научная библиотека так же, как и в СССР, стала объектом мощного давления со стороны государства в силу того, что объект таил скрытую опасность для тоталитарного государства. В силу этого на развитие научной библиотеки в условиях тоталитарного государства влияют следующие процессы:

— превращение научных библиотек в государственные и установление контроля со стороны государства над выполнением основополагающей функции библиотеки — формирования фондов;

— изменение характера второй основополагающей функции научной библиотеки — функции обслуживания.

Эти процессы, в свою очередь, являются следствием принципиально иного отношения тоталитарного государства, как к самой науке, так и к научной и образовательной политике. В целом можно сделать вывод, что наука и, соответственно, научная и образовательная политика Третьего рейха была жестко подчинена определенной идеологии [157].

2. 3. 2. «СОВЕТИЗАЦИЯ», «САМОСОВЕТИЗАЦИЯ», СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ: ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Германская Демократическая Республика была образована 7 октября 1949 г. в Восточной Германии, на территории советской оккупационной зоны. Советская историческая наука рассматривала этот факт как вынужденную реакцию СССР на односторонние действия бывших союзников по антигитлеровской коалиции, провозгласивших в сентябре того же года Федеративную Республику Германия [158].

В действительности же, советское руководство, потеряв надежду расширить сферу своего влияния на всю Германию, стремилось сохранить свое господство над подконтрольной ему территорией. На территории Восточной Германии создавалось государство реального социализма, тоталитарное государство совсем иного типа. И, естественно, в ходе строительства «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян» граждане ГДР должны бы-

ли «по своей инициативе» использовать советский опыт социалистического строительства. Это касалось и так называемого опыта социалистического библиотечного строительства, и опыта развития социалистической науки.

Ситуация, сложившаяся с научными библиотеками ГДР, была в сравнении с научными библиотеками в СССР принципиально иной: при всей серьезности деформаций в развитии научных библиотек ГДР, возникших в результате давления со стороны тоталитарного государства, степень реальной деформированности была совершенно иной.

Новая чистка фондов — теперь в соответствии с рекомендациями или по прямому указанию советских властей началась с 1945 г. в советской оккупационной зоне Германии. Там работала группа советских специалистов, принимавших участие в восстановлении библиотек и налаживании их функционирования. Они выполняли определенные задания советского руководства, в том числе занимались политическим воспитанием и перевоспитанием граждан Восточной Германии через библиотеки [159].

Советские методы чистки библиотечных фондов активно применялись в ГДР с 1945 г. С одной стороны, фонды библиотек необходимо было денацифицировать, т. е. освободить от нацистской литературы. Подобная работа велась и союзниками по антигитлеровской коалиции в библиотеках других трех зон Германии — американской, британской и французской. Но с другой стороны, в советской зоне эта задача трактовалась иначе, и библиотеки одновременно и освобождались от политически вредной литературы, и пополнялись литературой прогрессивной. Критерии степени политической вредности и прогрессивности определялись советскими специалистами [160]. Ставилась перед библиотечными работниками Восточной Германии и такие задачи как привлечение в библиотеки новых категорий читателей, и сближение общедоступных и научных библиотек [161].

Начиналась «советизация» науки, которая проводилась и в других так называемых странах народной демократии. Но в ГДР она имела существенную специфику. В процессе «советизации» науки здесь имели место случаи преследования инакомыслящих, например, известного ученого Эрнста Блоха, который в 1953 г. протестовал против политики сталинизма. Блох был реальным кандидатом на пост президента ГДР и мог им стать. Чтобы не допустить этого, сначала был запущен сильный механизм изолированной «научной» критики, затем последовал запрет на публикацию его работ.

Кроме этого, в ГДР на протяжении всей истории страны наряду с «советизацией» науки просматривались и результаты еще одного процесса, который позднее, уже в 1990-е гг. получил название «самосоветизация» [162].

Примером «самосоветизации», которая в ГДР проявилась в наибольшей степени, стала идеологизация востоковедения. Эта наука была вынуждена

служить политическим интересам ГДР в отношении стран Ближнего Востока. Это выражалось, в частности, в ориентации на конъюнктурную поддержку промарксистских режимов в ряже арабских государств и соответствующую интерпретацию истории этих стран, в то время как в СССР востоковедение сохраняло многие из лучших своих традиций.

В 1951 г. была упразднена прежняя система управления сферой образования, действовавшая на уровне земель через соответствующие земельные Министерства народного образования [163]. А в 1952 г. было отменено административно-территориальное деление по землям. Началась работа по созданию централизованной библиотечной сети, выстраиваемой как по отраслевому, так и по территориальному признаку, то есть по советскому образцу. Создавалась сеть академических библиотек, аналогичная советской, а также вводилась система методического руководства библиотечным делом.

Ведущие профессиональные библиотечные журналы ГДР — «Der Bibliothekar» и «Zentralblatt für Bibliothekswesen» уделяли советскому библиотечному опыту особенно большое внимание в начале 1950-х гг. [164]. В отдельных случаях советский опыт распространяли на все научные библиотеки страны, как это было, например, с введением Библиотечно-библиографической классификации (ББК) для систематических каталогов библиотек страны. Советские решения были использованы и при организации спецхранов и введении ограничений в пользовании фондами [165].

Библиотечные работники ГДР оказались здесь впереди коллег из других социалистических стран, которые, за исключением Болгарии, не спешили с подобными решениями. «Опережали» они в некотором отношении и коллег из некоторых союзных республик СССР [166]. А в целом ряде случаев библиотечные работники шли по пути «самосоветизации». Так, продажа старых, наиболее ценных изданий по советскому образцу [167] постепенно перестала быть единичной акцией и превратилась в 1980-е гг., когда ГДР экономические трудности начала ощущать наиболее сильно, в постоянную плановую работу. Она велась через организацию, которая называлась «Центральный антиквариат ГДР» (Zentralantiquariat der DDR). [168].

Социальный заказ по «советизации» научных библиотек выполнялся успешно. Но в действительности уже в самом начале этого процесса ситуация не слишком радовала советских идеологов. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие публикаций о ГДР в советской профессиональной библиотечной печати, вплоть до хрущевской оттепели. Ведь в ней должны были активно освещаться только примеры «творческого использования советского библиотечного опыта в странах народной демократии» [169].

В годы же «оттепели» стало очевидным, что в области библиотечного дела ГДР обладает уникальным опытом, совершенно отличным от советско-

го. В конце 1950-х гг., т. е. после 1956 г., в СССР появилось семь публикаций о библиотечном деле этой страны. А уже в 1960-е гг. среди публикаций советских авторов о библиотечном деле социалистических стран публикации о библиотечном деле ГДР занимали первое место, а в целом о зарубежном деле — второе — после работ о библиотечном деле в США [170].

Опыт ГДР имел для российских библиотечных работников особое значение. Через углубленное изучение этого опыта шло постижение не только библиотечного опыта ГДР, но и освоение исторического наследия немецкой библиотечной теории и практики. Прерванная, в значительной степени в 1930-е гг., а затем в первые годы холодной войны, связь времен в диалоге российских библиотекарей с немцами была восстановлена через библиотечное дело ГДР. В нем, несмотря на «расколотое небо» [171], сохранялось, в определенной степени, внутреннее единство с классическими традициями немецкой научной библиотеки. В целом, развитие немецких научных библиотек в условиях ГДР, — несмотря на влияние тоталитарного государства, что, в частности, отчетливо выразилось в применении советской ББК в качестве схемы классификации литературы для систематических каталогов, шло в соответствии с традициями, сложившимися в период XVIII — начала XX вв.

Разумеется, связь Германской Демократической Республики с классическим немецким наследием была вопросом принципиально важным и для идеологов этой страны. В ГДР огромное значение придавалось изучению классической немецкой культуры, в том числе в школе, и сохранению традиций этой культуры. За этой позицией просматривалась позиция страны, которая является не просто одним из двух германских государств, а является государством, которое, по мнению восточногерманских идеологов, в значительно большей степени опирается на эти традиции, нежели ФРГ. По мере развития ГДР этому придавалось все большее значение, особенно в период правления Эриха Хонеккера.

Для руководства ГДР было крайне важно постоянно демонстрировать миру успехи своей страны, в первую очередь культуре и спорту [172]. Это относилось к масштабным культурным акциям, таким как, постройка на месте разрушенного во время второй мировой войны нового здания концертного зала Гевандхаус (Gewandhaus) в Лейпциге и восстановление Земпероперы в Дрездене. Самым же крупным из них стало празднование 850-летия Берлина в 1987 г. [173]. И именно тогда мотивы исторической преемственности по отношению к Пруссии звучали особенно отчетливо [174].

В годы существования ГДР в Восточной Германии работали первоклассные музыкальные и драматические театры, получившие всемирное признание симфонические оркестры, что стало возможным благодаря соответствующей поддержке высших учебных заведений, которые готовили про-

фессионалов в сфере искусства. Предметом особой гордости страны, которую называли «ГДР — читающая страна» («Leseland DDR»), была и разнообразная издательская продукция [175], в потоке которой были фундаментальные издания писателей-классиков, прекрасно выполненные переводы зарубежных авторов и многое другое. Низовые публичные библиотеки обладали прекрасными коллекциями репродукций картин классиков немецкой и мировой живописи, которые можно было брать на дом.

Стремление идеологов ГДР доказать, что именно эта часть Германии является страной, продолжающей следовать классическим гуманистическим традициям, имело определенное положительное значение и для научных библиотек. Но связь этих учреждений с традициями немецкой классической науки и культуры была более глубокой и менее всего обусловленной общими идеологическими установками руководства ГДР по сохранению и развитию «гуманистических традиций». Сохранение преемственности по отношению к традициям немецких научных библиотек имело место благодаря внутреннему духовному сопротивлению, которое время от времени выражалось и внешне, и особенно сильно с конца 1950-х гг., когда директора ряда университетских библиотек стали отстаивать право на предоставление читателям новых научных журналов, выходящих в ФРГ [176].

Следует также отметить, что в ГДР сохранилось характерное для классической концепции немецкой научной библиотеки отношение к процессу комплектования фондов. Как бы ни декларировались задачи пропаганды идей классиков марксизма-ленинизма, политики СЕПГ и т. д., на деле комплектование, как и раньше, обеспечивало полноценную связь библиотеки и науки. Другое дело, что наука в ГДР не могла не измениться и не подпасть под влияние квазинаучных тенденций. Здесь, как и в СССР и других социалистических странах, тоже появились общественные науки, которые заняли определенное место в плане научной работы многих ученых. Но в основном, политика комплектования фондов научных библиотек по-прежнему велась на научной основе, то есть в соответствии с четко сформулированным профилем комплектования той или иной библиотеки.

Принципиальное отличие системы библиотечного дела ГДР от советской состояло в первую очередь в том, что научные библиотеки в этой стране рассматривались через призму всего «космоса наук». При этом каждая из научных библиотек имела свою задачу и свою особую специализацию. Какие бы интересные идеи — создание библиотечно-территориальных комплексов или территориально-библиотечных объединений со специализацией библиотек, прежде всего по отраслям знаний на региональном уровне — ни высказывались в СССР, на практике они оказывались почти нереализуемыми [177]. В ГДР же, по крайней мере, в 1960-е гг., была достигнута реальная ко-

ординация комплектования научных библиотек на уровне всех территорий, в том числе, на уровне округов и отдельных городов, на основе совместимости профилей комплектования библиотек [178].

В ГДР первая кооперативная система (Kooperationsgemeinschaft), включавшая в себя как общеобразовательные, так и научные библиотеки, была создана в ноябре 1967 г. в г. Шведт. В ноябре 1968 г. соответствующий документ был подписан университетской и земельной библиотекой Заксен-Ангальта (Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt) и Городской и окружной библиотекой в Галле. В январе 1969 г. были установлены партнерские отношения между университетской библиотекой и городской и окружной библиотекой (Stadt- und Bezirksbibliothek) в Ростоке. В марте того же года на основе кооперации такие же отношения были установлены отношения между Саксонской земельной библиотекой и библиотекой Высшей педагогической школы в Дрездене. В 1971 г. был заключен договор о кооперации между Центральной библиотекой немецкой классики в Веймаре и университетской библиотекой в Йене [179].

Каждая библиотека очерчивала для себя круг своих интересов и брала на себя ответственность по удовлетворению информационных потребностей своих пользователей. При этом каждый пользователь мог получить четкий ответ на вопрос: куда, в какую конкретную библиотеку он может обратиться с тем или иным запросом. При рассмотрении региональной ситуации и при определении региональных информационных ресурсов принимался во внимание потенциал всех библиотек, вне зависимости от их ведомственной принадлежности или функциональной специализации, в том числе библиотек университетов и других вузов, специальных библиотек научно-исследовательских учреждений и крупных предприятий [180].

Комплектование фондов научных библиотек в ГДР велось так, что можно было избежать ненужного дублирования и по возможности предоставлять на территории региона (города) в распоряжение пользователя документы по всем отраслям знаний.

Принципиальным для библиотечного сообщества было разделение библиотечарей общедоступных библиотек и научных библиотек и служб НТИ. Так в официальных изданиях о библиотечном деле ГДР на русском языке, подчеркивалось: «В библиотеках ГДР задействованы три профессиональные группы библиотечных работников: библиотечные техники, библиотекари, научные библиотекари» [181].

Библиотекари научных библиотек, равно как и сотрудники служб НТИ, имели принципиально иную подготовку. Если первые получали библиотечное образование (среднее) в библиотечной школе, где они либо обучались очно в течение 3 лет, то библиотекарь научной библиотеки обучался в тече-

ние 4,5 лет. Показательно, что при этом особое внимание уделялось заочной форме обучения, которая для получения высшего библиотечного образования предполагала наличие специальности и диплома о высшем образовании по какой-либо неблиотечной специальности. Высшее библиотечное образование можно было получить в Институте библиотековедения и научной информации при университете им. Гумбольдта в Берлине.

Сохранение такой формы библиотечного образования было принципиальным. Библиотекарь научной библиотеки по-прежнему рассматривался как профессионал высокой квалификации, имеющий глубокие знания, подтвержденные двумя дипломами о высшем образовании. Но на то были причины и более глубинного характера. Это было обусловлено стремлением сохранить столь важную для библиотекарей ГДР систему отраслевых референтов. В круг их обязанностей, так же, как и раньше, в соответствии со сложившейся в Германии концепцией научной библиотеки, входило комплектование литературы по определенной отрасли. Они отвечали за курирование соответствующих разделов систематического каталога и организацию обслуживания пользователей литературой по закрепленному за тем или иным референтом профилю.

Третье принципиальное отличие научных библиотек ГДР от СССР проявлялось в том, какое значение придавалось вопросам архитектурно-планировочного характера при разработке концепций рационализации работы научных библиотек, первоочередное внимание уделялось кадровой политике и техническому оснащению библиотек. А это, в свою очередь, предполагало реконструкцию существовавших и строительство новых зданий [182]. Так, при создании системы окружных универсальных научных библиотек в соответствии с принятым в ГДР административно-территориальным делением страны на округа, либо осуществлялось строительство новых зданий для этих библиотек, либо капитально с учетом функциональности библиотечной архитектуры реконструировались старые здания — для всех окружных библиотек без исключения [183].

Самое лучшее новое здание для окружной универсальной научной библиотеки было построено в Потсдаме, а наиболее интересно было реконструировано старое здание библиотеки в Эрфурте.

Отношение к библиотечной архитектуре было определено стремлением сохранить определенные традиции создания наиболее благоприятных условий для работы читателей в библиотеках.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод: основные элементы модели классической немецкой научной библиотеки как библиотеки, выступающей в роли института развития науки, в ГДР все же не были деформированы.

С падением Берлинской стены 9 ноября 1989 г. государственность ГДР практически закончилась [184]. Начался переходный период, завершившийся воссоединением Германии 3 октября 1990 г.

2. 4. НАУЧНАЯ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ

2. 4. 1. РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА

После второй мировой войны Германия была разделена союзниками по антигитлеровской коалиции на четыре оккупационные зоны, вследствие чего границы страны изменились [185].

1 сентября 1948 г. в Бонне собрались представители земельных парламентов, которые начинали заниматься разработкой Основного закона (конституции) будущей «другой Германии», т. е. Германии, избавившейся от нацистского прошлого и ориентированной на традиции демократии. Эта работа была завершена 8 мая 1949 г. На территории трех западных оккупационных зон было создано новое государство: Bundesrepublik Deutschland — Федеративная Республика Германия (ФРГ). В июле 1951 г. Великобритания, США и Франция официально объявили о том, что состояние войны с Германией окончательно отошло в прошлое. Через несколько лет — в январе 1955 г. ФРГ была официально признана Советским Союзом. Но вплоть до окончания «холодной войны» (до конца 1980-х гг.) в СССР название данного государства переводилось как Федеративная Республика Германии, чем подчеркивалось то, что ФРГ рассматривалась лишь как часть Германии.

С 3 октября 1990 г. Конституция ФРГ официально стала Конституцией единого германского государства [186]. А ту страну, которая с момента ее образования и до 3 октября 1990 г. существовала под названием ФРГ, теперь неофициально называют «alte Bundesrepublik» («старая Федеративная Республика») [187]. В отношении территории бывшей ГДР теперь чаще всего пользуются названием «neue Bundesländer» («новые федеральные земли») [188].

Земли ФРГ являются государствами (Staaten), наделенными соответствующими полномочиями. Каждая земля имеет собственную конституцию, в которой закреплены основы республиканского, демократического и социального правового государства [189]. Но при этом структура страны не считается незыблемой и неизменной. Вопросы новой структуры федерации являются предметом активного обсуждения.

Разделение страны на отдельные земли, когда каждая земля является государственной единицей, рассматривается в Германии как классическая

форма государства с федеративным устройством. Как правило, аналогии относительно формы единого государства, отличающегося разнообразием его составных частей, проводятся с США и Швейцарией. Задачей федерализма при этом по традиции считается сохранение и поддержание своеобразия каждого региона. Под этим подразумевается в первую очередь охрана природы, защита разного рода памятников, сохранение традиций градостроительства, а также — что следует подчеркнуть особо — содействие развитию культуры в каждом регионе.

Разделение функций государства, одну часть которых должен выполнять федеральный центр, а другие могут находиться в компетенции самих федеральных земель, рассматривается как едва ли не самый важный элемент уравновешивания государственной власти.

Федеральный центр изначально проводил и продолжает вести финансовую политику, нацеленную на то, чтобы четко действовала система налогообложения (в ее основной части), и в первую очередь, он несет ответственность за те сферы, которые обеспечивают жизнедеятельность и безопасность всей страны, например железнодорожное и воздушное сообщение, почту, оборону, таможенно, охрану границ [190].

Хотя некоторые сферы жизни находятся в одно и то же время и в компетенции федерального центра и в компетенции самих земель, права и обязанности центра и земель разделены при этом очень четко. Так, в сфере судопроизводства вся деятельность, за исключением области унифицированного толкования права, является компетенцией земельных судов.

Среди тех сфер социальной и общественной жизни, за которые отвечают непосредственно сами земли, следует особо выделить большую часть сферы образования, в том числе в полном объеме — сферу высшего образования.

В силу вышесказанного в Федеративной Республике Германия государство формально не считает своей обязанностью оказание содействия развитию библиотечного дела в масштабах страны, как и не несет ответственности за развитие культуры, образования или науки. В Германии нет и соответствующих федеральных министерств или заменяющих их аналогичных ведомств. Развитие этих сфер находится в компетенции отдельных земель. Поэтому именно от того, как развивается каждая из этих сфер в отдельности в каждом конкретном регионе, зависит и то, как развивается библиотечное дело в стране в целом [191].

Если рассматривать библиотечную политику с точки зрения того, как в процессе ее разработки и реализации обеспечиваются условия для полноценного развития науки, то в этом случае, речь о библиотечной политике, естественно, должна идти как о научной политике. Ведь в таком случае важно

понять, почему необходимым условием развития науки является непосредственное участие библиотек в процессе научной работы.

Реализация библиотечной политики как научной политики подразумевает отнесение библиотек к учреждениям, способствующим проведению исследований. Как считает П. Раабе, именно благодаря библиотекам может быть достигнут высокий уровень результатов научных исследований в стране, может повыситься авторитет немецкой науки на международной арене [192].

Употребляя понятие «политика», Раабе имеет в виду и то, что если библиотеки нужны обществу, то они нужны и политикам. Он убежден в том, что именно политики должны понимать значение науки, значение библиотек в развитии науки. И если это усвоено обществом, как например, в ФРГ, то в таком обществе создаются благоприятные условия для развития науки. В качестве подтверждения Раабе приводит слова одного из ведущих в недавнем прошлом политиков ФРГ, бывшего председателя Христианско-Демократического союза Вернера Реммерса: «Мы, политики, уже давно осознали, что сейчас самое время для того, чтобы вывести немецкую науку из той тени, которую отбрасывает на нее международная наука. Сделать возможное возможным — задача всех, кто осознал эту необходимость. Каждый должен максимально сыграть свою роль. На это я хотел бы вдохновить и библиотеки» [193].

На федеральном уровне в формировании научной политики и ее реализации принимают участие различные федеральные учреждения, ведомства и организации, которые в целом, фактически, образуют федеральную систему поддержки науки. Формирование научной политики и ее реализацию определяют и (или) определяют: Федеральное министерство образования и науки (Bundesministerium für Bildung und Wissenschaft — BMBW), Федеральное министерство исследований и технологии (Bundesministerium für Forschung und Technologie — BMFT), федеральный министр внутренних дел (Bundesminister des Innern — BMI. Среди неправительственных организаций следует назвать Немецкий библиотечный институт (Deutsches Bibliotheksinstitut), Федеральное объединение союзов немецких библиотек (Bundesvereinigung Deutscher Bibliotheksverbände), «Постоянная конференция министров культуры» и Немецкое исследовательское общество.

До 1972 г. разработка и реализация федеральной библиотечной политики была в компетенции Федерального министерства образования и науки. В его обязанности входила реализация научной политики и в области документалистики, т. е. информационной сферы, и в области обработки машиночитаемых данных. С 1972 г. за библиотеки федерального уровня полностью отвечает федеральное министерство внутренних дел. Поддержку же научно-техническим библиотекам и специализированным информацион-

ным системам оказывает с тех пор Федеральное министерство исследований и технологии [194].

В 1985 г. Министерство исследований и технологий приняло программу развития отраслевой информации в ФРГ на 1985—1988 гг. (Fachinformation 1985—88). В ней, в частности, обосновывалась необходимость оказания поддержки семнадцати отраслевым федеральным и межрегиональным библиотекам [195].

В 1991 г. Министерство разработало аналогичную программу на 1990—1994 гг. (Fachinformationsprogramm), в которой были изложены конкретные инициативы, дополняющие планы работы Немецкого исследовательского общества [196]. Основное внимание было при этом направлено на процессы компьютеризации библиотек негуманитарного, преимущественно, технического профиля.

Наконец, в Германии, наряду с тенденцией к разработке и реализации федеральной научной политики, которая в качестве важнейшей составной части включает в себя и библиотечную политику, наблюдается и встречный процесс — разрабатываемая самими библиотечными учреждениями и общественными организациями федерального уровня библиотечная политика оказывает серьезное влияние на федеральную научную политику.

На федеральном уровне особую роль сыграла деятельность Немецкого библиотечного института в Берлине, созданного в 1958 г., и функционировавшего до конца 1999 г. После закрытия этого института ряд его основных структурных подразделений функционирует в качестве составных частей руководящих структур Федерального объединения союзов немецких библиотек.

Все более важную роль в развитии немецкого библиотечного дела играют профессиональные объединения библиотекарей и библиотек страны, и в первую очередь, Федеральное объединение союзов немецких библиотек. Оно возникло в силу необходимости добиться более тесного взаимодействия библиотекарей и библиотек всех типов и видов, библиотек различных систем и ведомств, а также в силу потребности вести более согласованную общенациональную библиотечную политику. Первым шагом на этом пути стало создание еще в 1963 г. координационного совета под названием «Немецкий библиотечный конгресс» («Deutscher Bibliothekskongress»), который с самого начала не являлся ни объединением, ни союзом или обществом. В его задачи входила подготовка и проведение общенациональных библиотечных конгрессов.

В состав Федерального объединения союзов немецких библиотек входят шесть союзов:

— Немецкий библиотечный союз (Deutsche Bibliotheksverband — DBV), представляющий собой объединение библиотек разного профиля — как научных, так и публичных и специализированных, деятельность которого сориентирована, прежде всего, на достижение взаимодействия библиотек по линии кооперации (охватывает примерно 700 библиотек);

— Общество библиотекарей публичных библиотек (Der Verein der Bibliothekare an Öffentlichen Bibliotheken — VBB), которое, будучи образованным в 1949 г., является преемником Союза немецких народных библиотек (Verband Deutscher Volksbibliothekare), созданного в 1924 г. (насчитывает около 4000 членов);

— Общество немецких библиотекарей (Der Verein Deutscher Bibliothekare — VDB), основанное в 1900 г. в Марбурге, которое ежегодно через неделю после праздника Троицы проводит конференции библиотекарей всей страны — Немецкий библиотечный день (Deutscher Bibliothekartag);

— Общество дипломированных библиотекарей научных библиотек (Verein der Diplom-Bibliothekare an wissenschaftlichen Bibliotheken — VdDB), основанное в 1948 г., и являющееся, в некоторой степени, преемником созданного в 1920 г. Имперского объединения немецких библиотечных служащих (Reichsverband deutscher Bibliotheksbeamter);

— Объединение специальных библиотек (Die Arbeitsgemeinschaft der Spezialbibliotheken — ASpB);

— Союз библиотек земли Северный Рейн-Вестфалия (Verband der Bibliotheken des Landes Nordrhein-Westfalen).

Немецкий библиотечный конгресс как общенациональный библиотечный форум проводится в разных городах страны один раз в пять лет.

Ведущую роль в разработке и реализации федеральной научной политики и, соответственно, библиотечной политики как ее составной части, играет Немецкое исследовательское общество (Deutsche Forschungsgemeinschaft — DFG). Оно было образовано в Кёльне 2 августа 1951 г. Это общество следует рассматривать как преемника Общества экстренной помощи немецкой науке, созданного в Веймарской республике в 1920-е гг. (См. раздел 2. 2).

Главной задачей нового Общества также считалось предотвращение угрозы полного прекращения исследовательской деятельности в Западной Германии из-за возраставших в то время хозяйственных трудностей. Расходы по финансированию деятельности воссозданного Общества на пятьдесят процентов взяло на себя Федеральное правительство. Остальные средства выделялись различными фондами и неправительственными организациями. Высшим органом правления Общества стала и остается Генеральная ассамблея. Ассамблее подчиняется Исполнительный комитет.

В число научных учреждений, нуждавшихся после войны в силу ограниченных финансовых возможностей и из-за постигших их разрушений в особой поддержке, вошли, наряду с университетами и научными лабораториями и библиотеки. Одним из самых приоритетных направлений в области поддержки науки, по мнению правления Общества, было улучшение инфраструктуры науки, что в частности, подразумевало и налаживание координации работы по развитию библиотечного дела. Постепенно в составе Общества сформировалась, а спустя некоторое время стала самостоятельным подразделением группа научных библиотек.

В области библиотечного дела основными направлениями деятельности Общества стали:

1). содействие развитию библиотек как важнейших рабочих институтов, обеспечивающих развитие науки;

2). выполнение функций межрегионального учреждения, координирующего деятельность по различным направлениям и занимающегося планированием в области библиотечного дела;

3). финансирование отдельных научных библиотек межрегионального значения;

4). привлечение библиотек к участию в реализации разрабатываемых Обществом проектов по обеспечению межрегиональной кооперации;

5). инициирование проведения исследований по наиболее актуальным проблемам библиотечного дела, под чем подразумевается как финансирование подобных исследований, так и содействие в деле организации их проведения и распространения информации о результатах работы.

Содействие развитию библиотек как важнейших рабочих институтов, обеспечивающих развитие науки, означало то, что на первых порах первостепенное внимание уделялось крупным научным библиотекам универсального профиля, а в дальнейшем — и специализированным библиотекам. В тех случаях, когда публичная библиотека обладала уникальными, т. е. исторически ценными фондами, представляющими интерес для научной работы, она также могла рассчитывать на поддержку Общества.

Основными функциями межрегионального учреждения, координирующего деятельность по различным направлениям и занимающегося планированием в области библиотечного дела, стали составление программ по комплектованию библиотек и содействие инициативам, способствующим налаживанию кооперации их деятельности на межрегиональном уровне.

Реализация централизованных программ комплектования библиотек на региональном и федеральном уровнях стала возможной благодаря разработке программ комплектования литературы по гуманитарным и социальным наукам. Первоначально они реализовывались в семнадцати научных библи-

отеках универсального профиля (со специализированными коллекциями) и в четырех центральных специализированных библиотеках.

В рамках программы для центральных специализированных библиотек были определены следующие профили комплектования (в соответствии с рубрикаторм Немецкого исследовательского общества):

1. Бонн, Центральная земледельческая библиотека (Zentralbibliothek der Landwirtschaft) — сельское хозяйство, садоводство.

2. Ганновер, Техническая информационная библиотека (Technische Informationsbibliothek) — химия, физика, прикладная математика, геодезия и геодезическое дело, системная теория и техника, кибернетика, инженерные науки, архитектура, градостроительство, планировка на местности и пространственная организация.

3. Кёльн, Центральная медицинская библиотека (Zentralbibliothek der Medizin) — медицина.

4. Киль, Центральная экономическая библиотека — народное хозяйство и мировая экономика.

Согласно этой программе вышеназванные библиотеки должны были комплектовать современную зарубежную литературу — журналы и монографии.

Оказание помощи библиотекам в получении зарубежной литературы, расходы на приобретение которой Общество полностью взяло на себя, способствовало тому, что библиотеки смогли расходовать свои собственные средства на приобретение отечественной литературы.

С течением времени Общество охватило своей деятельностью все библиотеки Западной Германии, а после 1991 г. — и Восточной. В результате все научные библиотеки страны смогли определить свой профиль комплектования и обеспечить стопроцентное наличие в своих фондах всей современной мировой научной литературы по всем направлениям науки.

К настоящему времени определен 31 комплекс наук и научных дисциплин, за комплектование литературы по каждому из которых, или же по конкретным разделам того или иного комплекса, отвечает соответствующая библиотека. В реализации данной программы Немецкого исследовательского общества, наряду с вышеназванными четырьмя специализированными библиотеками федерального уровня, участвуют еще 34, объединенные в соответствующие группы, библиотеки [197].

Приоритетные направления комплектования фонда той или иной библиотеки с целью достижения исчерпывающей полноты охвата литературы по выбранному направлению определялись особенностями уже сложившегося фонда той или иной библиотеки, историей его формирования, историей самой библиотеки и, наконец, историей города и региона (земли), на террито-

рии которого она возникла и развивалась. В свою очередь это было нацелено на формирование безлакунного общенационального библиотечного фонда. Так, за комплектование литературой англоязычных стран и, в первую очередь, Великобритании стала отвечать библиотеку Гёттингена. Это не было случайным, поскольку университет именно этого города в течение длительного времени был связан с этой страной, что было в свою очередь обусловлено династическими связями Ганноверского королевства и Великобритании. Не было случайным и то, что задача комплектования литературой по иудаистике и по Израилю была возложена на Городскую и университетскую библиотеку Франкфурта-на-Майне, ибо именно этот город всегда играл особую роль в жизни еврейской диаспоры Германии.

Финансирование отдельных научных библиотек межрегионального значения становится предметом особого внимания в силу того, что эти библиотеки, как правило, испытывают трудности из-за того, что руководство земель или коммун выделяет недостаточно средств для их функционирования.

Из них Немецкое исследовательское общество особенно активно поддерживало и продолжает поддерживать библиотеки федерального подчинения негуманитарного профиля, а именно: технические, экономические, медицинские и сельскохозяйственные. Что касается библиотек, имеющих общенациональное значение, то Общество берет на себя основную часть расходов (до 75%) по финансированию комплектования их фондов и осуществлению работы по их раскрытию [198]. Общество финансировало, например, работу по созданию общенациональных сводных каталогов, в Берлине — банка данных немецкой периодики, а также центрального каталога немецких монографий и каталога журнальных статей.

Большое внимание с самого начала своего существования уделяло общество структурной и организационной модернизации научных библиотек. В 1950-е гг. оно целенаправленно и активно занималось вопросами микрофильмирования. В 1960-е гг. главным объектом его внимания стала работа по созданию модели электронной обработки данных.

Постепенно в составе входящей в структуру Общества Группы научных библиотек сформировался подкомитет библиотечной компьютеризации и обмена данными. Подкомитет обеспечивает сегодня, в частности, совместимость центров семи региональных баз данных и способствует каталогизации изданий на основах кооперации.

Наконец, Общество принимает участие в разработке основ библиотечной политики ФРГ, а также в планировании библиотечного дела, ведущегося на межрегиональном уровне, что способствует инициированию исследований по наиболее актуальным проблемам библиотечного дела.

Привлечение библиотек к участию в реализации разрабатываемых Обществом проектов по обеспечению межрегиональной кооперации и инициирование проведения исследований по наиболее актуальным проблемам библиотечного дела стало составной частью деятельности Общества сравнительно недавно. При этом круг предлагаемых для исследования тем достаточно широко — поиск оптимальной организации работы библиотеки, рационализация библиотечного обслуживания, развитие коммуникационных процессов и др. Общество оказывает библиотекам и помощь в отношении технического обеспечения.

Большое значение придает Общество реализации пилотажных проектов, которые, как правило, апробируются на базе одной-двух библиотек, после чего, на основе заключения тщательно проведенной экспертизы, вырабатываются рекомендации по применению полученного опыта в других библиотеках. Предметом особого внимания является работа в области автоматизации библиотечной работы и обеспечения совместимости информационных систем. Из других специальных программ можно в качестве примера назвать программы «Библиотека как бизнес» и «Работа со специальными видами библиотечных материалов.»

Не менее серьезное внимание уделяет Общество вопросам изучения истории библиотек и истории уникальных, исторически ценных фондов. С библиотеками, обладающими такими фондами, работа ведется целенаправленно. Среди приоритетных направлений работы — каталогизация рукописей, раскрытие архивных фондов, микрофильмирование ценных коллекций, в частности газетных фондов. В качестве примеров можно назвать специализированные программы: «Каталогизация средневековых и более поздних рукописей, документов личных архивов и автографов», «Консервация и (или) микрофильмирование исторически ценных журналов», «Каталогизация инкунабулов и изданий XVI в.».

Немецкое исследовательское общество помогает библиотекам устанавливать рабочие контакты с зарубежными библиотеками, занимающимися аналогичной работой.

Деятельность Немецкого исследовательского общества за четыре с лишним десятилетия показала, что оно постепенно перешло от финансирования научных учреждений, в том числе и научных библиотек в условиях чрезвычайной экономической ситуации к основательно планируемой масштабной деятельности по оказанию содействия учреждениям науки. Эта деятельность направлена теперь практически на все научные библиотеки страны. Эта работа ведется на основе четко продуманных принципов планирования. Государство в лице данного Общества берет на себя обязательства по обеспечению деятельности основных научных учреждений страны и научных

библиотек как учреждений, формирующих основу для ведения научной работы. При этом особое внимание уделяется библиотекам, имеющим богатейшие фонды исторически ценной литературы гуманитарного профиля.

Реализация принципа федерализма выражалась сначала в «старой Федеративной Республике» и выражается затем в условиях единой Германии в оказании поддержки инициатив земель по проведению различного рода экспериментов в определенных сферах и даже в стимулировании своего рода соревнований между землями. Так, создание новых моделей образования в конкретных землях рассматривается федеральным центром как апробация будущих реформ, которые могут быть осуществлены на федеральном уровне.

Полностью в компетенции земель изначально находилась и находится в настоящее время сфера культуры. В Германии нет ни федерального министерства культуры, ни какого-либо его аналога. Культурная политика в Германии является политикой «культурного суверенитета». Ведущую роль при этом играет региональный институт коммунального самоуправления (die kommunale Selbstverwaltung). Сегодня, как и в XIX в., он действует на основе давно сложившихся традиций обеспечения свободы города в решении вопросов внутренней жизни, что в 1808 г. было закреплено в уставах прусских городов, на которые система коммунального самоуправления опирается и по сей день. Коммуна отвечает за строительство и поддержание в порядке объектов культуры, в том числе, и местных библиотек. В современной Германии под коммуной следует понимать либо самую маленькую административно-территориальную единицу страны — округ (Kreis), либо большой город, поскольку большие города не входят ни в какие округа и в области коммунального самоуправления ведут самостоятельную политику.

С целью достижения большей согласованности в ходе разработке основ культурной политики и ее последующей реализации в отдельных землях Германии правительством ФРГ был создан особый постоянно действующий орган, который обеспечивал бы столь необходимое взаимодействие между министерствами культуры отдельных земель. Им стала Постоянная конференция министров культуры земель Федеративной Республики Германия (Ständige Konferenz der Kulturminister der Länder in der Bundesrepublik Deutschland) [199]. Его задачей является координация работы всех библиотек страны, как научных, так и публичных, а также разработка единой концепции их развития.

Решения этого органа имеют рекомендательный характер, в процессе его работы не принимаются директивные решения, а ведется обмен мнениями и взаимное информирование о работе в области культуры в отдельных землях Германии. Тем не менее, структура этого органа является довольно разветв-

ленной. В его состав входят рабочие группы, комиссии и подразделения. Одним из его подразделений является библиотечный сектор. В его работе принимают участие референты земельных Министерств культуры, курирующие библиотечное дело.

В послевоенной Западной Германии и современной ФРГ роль государства в поддержке библиотек значительна. Государство участвует в управлении библиотечным делом и берет на себя в значительной степени ответственность за управление библиотеками. Но при этом библиотечная политика не является объектом особого внимания государства, и особо на государственном уровне не разрабатывается, хотя черты таковой прослеживаются и могут быть описаны. В связи с этим более правомерно говорить не о библиотечной политике государства, а о библиотечной политике в государстве. Все составляющие библиотечной политики определяются не на общегосударственном — федеральном уровне, а на уровне отдельных земель, поскольку сами основы законодательства в области образования и культуры формируются на земельном уровне. Соответственно, и библиотечная политика ФРГ, будучи составной частью образовательной и культурной политики, также формируется и, соответственно, реализуется преимущественно на земельном, т. е. региональном уровне.

2. 4. 2. ВОЗМОЖНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ: ПРИМЕР БАДЕН-ВЮРТЕМБЕРГА

Библиотечная политика как некая самостоятельная сфера искусства управления библиотеками по отношению к регионам и землям Германии, как правило, специально не выделяется и не рассматривается, что, впрочем, не противоречит широкому использованию понятия «библиотечный регион» (Bibliotheksregion). Потребность самостоятельного рассмотрения библиотечной политики как элемента культурной политики отсутствует в силу того, что учет библиотечных интересов является составной и едва ли не самой важной частью политики в сферах науки, образования и культуры.

Употребление понятия «библиотечный регион» имеет в ФРГ свои особенности. Оно появилось с середины 1950-х гг. и им стали активно пользоваться тогда, когда возникла необходимость создать сильно разветвленную сеть межбиблиотечного абонементов, функционирующего на уровне федеральных и исторических земель. Прочитанный в 1955 г. Эрихом Вилкенсом доклад «Библиотечный регион», посвященный проблемам земли Северный Рейн-Вестфалия, дал толчок к решению практических вопросов упорядочения нагрузки на уникальные фонды университетских библиотек, использования потенциала земельных библиотек, создания региональных каталогов [200].

Благодаря тому, что стал функционировать МБА, появилась возможность упорядочить комплектование библиотек региона. Речь шла о создании библиотечных сетей, но при их создании должны были быть учтены особенности каждого региона. При этом в некоторых случаях, как, например, в земле Северный Рейн-Вестфалия, где годом раньше на конференции библиотекарей 1954 г. Вернер Криг дал неудовлетворительную оценку МБА в отношении его введения в данной федеральной земле — вопрос был решен таким образом, что увеличилась нагрузка на публичные библиотеки этой земли. Но в большинстве случаев ставка была сделана на земельные и региональные библиотеки, в которых были созданы специальные подразделения, функцией которых стало создание сводных каталогов и обеспечение их функционирования.

Если вопросы исчерпывающего отражения в каталогах потока всей мировой научной литературы решаются в Германии на федеральном уровне, то на земельном уровне учитываются потребности самих земель и исторических регионов, их университетов, высших учебных заведений, научных центров. Инструментом удовлетворения этих потребностей стали, в частности, региональные сводные каталоги.

Региональная (земельная) же научная политика в отношении библиотечного дела максимально связана с образовательной политикой. Образовательная политика является неотъемлемой частью научной политики, а точнее — ее сутью, и поэтому П. Раабе, характеризуя библиотечную политику и ее составляющие, вообще не касается аспекта образования. Сама же область образования является в ФРГ предметом пристального внимания, и в связи с этим в современной Германии и научным, и общедоступным библиотекам отводится роль посредников в деле передачи знаний.

Неразрывная связь высшего, в первую очередь университетского, образования с наукой стали просматриваться еще в XIX в. Тогда же очевидной стала и тесная связь образовательного процесса и научной деятельности с библиотеками. Эти связи не ослабли и в XX в. Более того, в послевоенной ФРГ успешное развитие системы высшего образования было определено развитием научных библиотек. Это можно отчетливо увидеть на примере одной из земель ФРГ — земли Баден-Вюртемберг. На ее территории, которая находится на юго-западе ФРГ, сложились крупные, всемирно известные университетские центры, прежде всего, в таких городах как Гейдельберг, Тюбинген и Фрейбург. Высок и интеллектуальный потенциал главного города земли — Штутгарта, в котором также сложилась система высших учебных заведений. Университеты всех названных городов располагают прекрасными библиотеками, хорошо известными даже за пределами Германии. Самой крупной является университетская библиотека в Тюбингене. В столице же

земли имеется ряд крупных библиотек, главной из которых является Вюртембергская земельная библиотека. На территории этой Земли, в городе Марбахе, находится и уникальное учреждение, имеющее национальное значение, — Немецкий литературный архив.

В послевоенной Западной Германии Баден-Вюртемберг стал одной из наиболее динамично развивавшихся земель, располагающей четко функционирующей системой научных и образовательных центров, развитие которых стало возможным благодаря тому, что всегда уделялось внимание фундаменту, на котором, собственно, эти центры и развиваются — научным библиотекам.

В качестве примера масштабного и многоаспектного документа, определяющего развитие научных библиотек земли, в первую очередь следует назвать «Общий план развития научных библиотек». Он был подготовлен специально созданной рабочей группой под названием «Библиотечный план Баден-Вюртемберга» под руководством В. Кера, директора университетской библиотеки во Фрейбурге (председатель) и Э. Миттлера.

Рабочая группа была создана по распоряжению министра культуры земли Баден-Вюртемберг в мае 1968 г. В ее состав вошли ведущие в области библиотечного дела специалисты — сотрудники библиотек и преподаватели высших школ этой земли, расположенных в таких всемирно известных образовательных и научных центрах Баден-Вюртемберга, как Гейдельберг, Карлсруэ, Тюбинген, Ульм и Штутгарт. В состав рабочей группы вошли и представители учебных и научных центров, расположенных в городах других земель ФРГ — Вуппертале, Саарбрюкене и Берлине (Западном). Группа работала в тесном контакте с другими группами специалистов земли Баден-Вюртемберг, а также с различными рабочими группами других земель страны, прежде всего, с «Группой планирования библиотек высших школ в Северной Рейн-Вестфалии».

«Библиотечный план», предусматривавший развитие университетов земли Баден-Вюртемберг, готовился в течение пяти лет.

Первый его вариант — том объемом в 680 страниц печатного (компьютерного) текста — был представлен в Министерство культуры Земли в феврале 1973 г. Вскоре после этого он был вынесен на рассмотрение парламента Земли — Ландтага. После обсуждения в Ландтаге и внесения необходимых корректировок в том же году был опубликован второй вариант Плана [201].

Он состоит из пяти разделов. В первом рассматривается состояние библиотек университетов. Второй содержит развернутую концепцию дальнейшего их развития. В третьем дана характеристика развития отдельных направлений, причем особое внимание уделяется работе по совершенствованию каталогов. В четвертом дается характеристика бюджета, персонала и потребностей библи-

отечных систем университетов. И, наконец, в последнем дана модель удовлетворения информационных потребностей пользователей университетских библиотек Баден-Вюртемберга. Она была разработана с учетом основного профиля их комплектования, их специализации в соответствии с разделением сфер комплектования между всеми научными библиотеками страны и с учетом специализации самих университетов в рамках системы высших учебных заведений ФРГ. В качестве таких направлений в данном случае выделены науки о древнем мире, англистика и американистика, медицина, естественные науки и теология.

2-й том, вышедший отдельным изданием в 1974 г., был посвящен аналогичным аспектам развития библиотек других высших школ Баден-Вюртемберга — педагогических и специальных. Здесь же содержались рекомендации по внедрению автоматизации в научных библиотеках Земли, по налаживанию взаимодействия библиотек высших учебных заведений с центральными библиотеками Баден-Вюртемберга.

В «Библиотечном плане» земли Баден-Вюртемберг 1973 г. особо подчеркивалось, что образовательная деятельность имеет принципиально важное значение: «Библиотечная и информационная деятельность никогда еще не была занимающим столь высокое общественное положение центром всеобщего общественного развития, как во второй половине 20-го столетия». И далее, в следующем — втором пункте, имеющем название «Образовательная деятельность», сказано: «Этому способствует осознание того, что образование, общественное развитие и экономическое благосостояние находятся в тесной зависимости» [202].

Рассмотрение вопросов образовательной политики земли Баден-Вюртемберг ведется в этом документе в контексте определения роли тех учреждений, которые определяют эффективность функционирования системы образования. И если сопоставить решения, принятые в этом плане, с вариантами решения аналогичных вопросов, выработанными в других развитых странах — здесь это делается на примере Великобритании и США — то можно увидеть, что высокий уровень развития системы образования становится реальностью благодаря активному участию библиотек в процессе образования. По мнению авторов данного документа, совсем не случайно то, что эти вопросы курируются на столь высоком уровне — Президентским Советом по библиотекам в США и Комитетом по субсидиям для университетов в Великобритании. Авторы приходят к следующему выводу: «Поэтому неудивительно, что во всех, сравниваемых с Федеративной Республикой Германией, странах библиотечное дело играет важнейшую роль в развитии образования» [203].

По традиции на земельном уровне большое внимание уделяется и рассмотрению библиотечной политики как культурной политики. И в этом от-

ношении специфика культурной политики ФРГ проявляется очень отчетливо. В ходе ее реализации особый акцент делается не столько на современные федеральные земли, сколько на исторически сложившиеся земли, которые в недавнем прошлом, как правило, представляли собой самостоятельные государства. В исторически сложившихся землях Германии всегда играли и продолжают играть значительную роль земельные, т. е. центральные региональные библиотеки. По традиции земельная библиотека была одним из наиболее активных культурных центров.

На территории, которую занимает современная Германия, до 1870-х годов существовало множество как крупных, так и совсем маленьких самостоятельных государств, в каждом из которых сложилась своя центральная библиотека. В каждой из современных земель ФРГ выделилась земельная библиотека, выполняющая функции центральной региональной библиотеки, что не противоречит необходимости учитывать культурные и научные традиции всей страны. Но в отдельных случаях в той или иной земле земельной официально считается не одна библиотека. Так, в земле Баден-Вюртемберг статус земельной имеет Вюртембергская земельная библиотека (Württembergische Landesbibliothek) в Штутгарте — столице и этой земли в ее нынешнем виде и исторической земли Вюртемберг, а также Баденская земельная библиотека (Bädische Landesbibliothek), которая находится в столице исторической земли Баден — в Карлсруэ [204].

В определении «региональная библиотека», в данном случае, отражается не только официальный, законодательно или каким-то иным образом юридически закрепленный статус библиотеки, но и объективная, сложившаяся в ходе истории развития региона ситуация, когда та или иная библиотека начала выполнять функции региональной библиотеки и продолжает играть эту роль. Таким образом, региональной библиотекой следует считать библиотеку, главной задачей которой является отражение в ее фондах «памяти» своего региона — исторически сложившегося территориального объединения, где сформировались самобытные культурные и научные традиции, сохранения его духовного наследия.

Основной же задачей региональной библиотеки по отношению к своему региону является выполнение традиционных функций — сбор, хранение и предоставление пользователям документов, опубликованных в данном регионе, а также документов о регионе. Она же принимает самое активное участие в разработке и реализации культурных программ, связанных с регионом.

Этим вопросам уделяется очень много внимания в общегерманской долгосрочной программе «Библиотека'93». Например, последний раздел этой программы, который называется «Библиотеки на пути в 2000 г.», заканчива-

ется следующими словами: «Библиотеки являются основными хранителями культурных традиций и способствуют их сохранению» [205].

В программе обозначены задачи земельных и других региональных библиотек: сбор, хранение и предоставление в пользование литературы — как выходящей в свет на территории земли, так и изданной за ее пределами, а также подготовка земельной библиографии и выполнение других функций, имеющих региональное значение. Особо подчеркнута их роль как региональных архивов литературного наследия. Не менее важна и такая их функция, как разработка и реализация культурных программ, цель которых изучение фондов библиотеки, а также истории и современных проблем региона.

Библиотеки играют важную роль в формировании и реализации концепции культурных программ. В маленьких коммунах они часто являются единственным культурным учреждением. При этом, как подчеркивается в этом документе, «через формирование, сохранение и раскрытие библиотечных фондов всех видов и через обеспечение доступности этих фондов, как специалистам, так и широким кругам населения библиотеки вносят огромный вклад в местную, региональную, национальную и европейскую культуру» [206].

3. БИБЛИОТЕКА, ОБЩЕСТВО И ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

3. 1. МИР ТЕКСТОВ

Глобальные изменения, происходившие в конце XX в. в общественной жизни развитых стран мира, особенно сильно повлияли на гуманитарные науки, хотя уже, казалось бы, те по своей природе неизменны, не зависят от новейших технологий и не подвержены каким-либо другим значительным изменениям.

Исследователи, занимающиеся проблемами гуманитарных наук, убеждены в том, что эти науки продолжают играть очень важную роль в жизни современного общества. По мнению Бернхарда Фабиана, высказанному им в 1993 г., это объясняется следующим: «Многие проблемы, которые мешают развитию нашего общества, нашему существованию, требуют решений, для принятия которых нужно будет буквально молить о таких сведениях, дать которые могут только гуманитарные науки, поскольку именно в компетенции гуманитарных наук изначально находится изучение всех проблем, порождаемых масштабами времени и историческим развитием общества» [1]. Но при этом Б. Фабиан и другие исследователи, занимающиеся проблемами гуманитарных наук, сознают противоречивость того положения, в котором оказались к концу XX в. эти науки.

Гуманитарные науки — это «мир текстов». На пути их создания появилось немало новых проблем. Одна из них порождена внедрением компьютерной техники. Как считает австралийский ученый Айэн Доналдсон, предметом размышлений и споров является вопрос о том, что применение новой технологии в гуманитарных науках, с одной стороны сулит новые возможности работы с текстами, но с другой стороны, оно чревато такими последствиями, из-за которых, вероятно понадобится ограничивать пользование этой технологией: «Вполне реально опасность увлечься электронной игровой площадкой как таковой, где редактирование и интерпретация текстов превратится в бесконечный процесс, в ходе которого ученые создают и перебирают текстовые варианты, постоянно откладывая тот трудный окончательный выбор, который традиционно считается задачей редактирования и критики» [2].

И все же гуманитарные науки, мир текстов традиционно связывают с архивом текстов, т. е. с библиотекой, которая, говоря условно, уже стала классической — с библиотекой, которая в течение столетий формировалась и развивалась как архив. Библиотекарям и ученым многих стран идеальной

казалась модель Библиотеки Британского музея с ее сверхсовершенно отлаженной организацией многоаспектного библиографического поиска, с ее повышенным вниманием именно к этой стороне практической деятельности. Но на рубеже XX и XXI вв., по мнению английского ученого Айана Уиллисона, наблюдается новый виток бесконечного усложнения текстового сообщества и увеличения его архива [3]. Он считает, что следствием неизбежного роста такого архива стало сокращение средств на содержание архивов, их децентрализация и снижение посещаемости. Другой гранью этого же процесса является неизбежность миниатюризации текстов, обращение к компактным носителям информации ради экономии места. Вследствие этого архивные материалы переводятся в оцифрованную форму, а библиотеки вынуждены устанавливать более тесные отношения друг с другом на началах кооперации, проводить реформы в организации их внутренней деятельности. Но за всем этим можно и не заметить более сложных изменений, затронувших мир традиционных текстовых ценностей.

Крайне важно учитывать то, что на ход вышеназванных процессов влияют более глобальные повороты развития общества, а именно: создается новый финансовый мир, которому свойственны откровенно враждебные проявления в отношении к традиционному финансированию общественных учреждений, т. е. тех учреждений, которые поддерживают развитие гуманитарных наук и обеспечивают условия для их существования. А за довольно четко просматривающейся перспективой создания архивных сетей, появления которых становится следствием нового витка бесконечного усложнения текстового сообщества, нельзя не увидеть того, что архивные сети могут стать разрушителями самих архивов, и тогда может начаться разграбление архивов ради получения информации, но не знания.

Уже сложившиеся издательские конгломераты, все более усиливающаяся мультимедийная конгломеризация книжной торговли, которая охватила весь англоязычный мир и усиливает свое влияние на другие страны, в свою очередь, усугубляют процесс разрушения традиционных контактов писателя и издателя, ученого и библиотекаря-архивиста.

Библиотека-архив, по мнению английского ученого А. Уиллисона, является последним звеном цепочки — издательство, типография, книжный магазин, читатель. Библиотека-архив — это то место, куда попадает книга, пройдя путь от автора через издательство и книжный магазин. Он же утверждает, что библиотека-архив представляет собой третий мир (определение К. Поппера) — после физического мира и мира субъективных наблюдений. В то время как для многих сфер текстовой период, т. е. период «культуры, основанной на печатном слове», остался позади, для гуманитарных наук текстовой период даже не подходит к концу [4].

Основное поле деятельности гуманитарных наук — это познание «третьего мира», т. е. «мира текстов». Из этого следует, что научная библиотека, сориентированная на хранение «текстов» и предоставление их в пользование, имеет свою специфику.

Развитие немецкой научной библиотеки как инструмента науки соответствовало на протяжении длительного времени представлениям о том, что всем наукам свойственны единые подходы к организации и ведению исследовательской работы. А гарантом этого единства была универсальная научная библиотека. Здесь, в едином физическом пространстве — на полках библиотеки — хранились результаты исследований разных наук — естественных, технических, социальных, гуманитарных.

В действительности такое единство всегда было достаточно условным. Не случайно в английском языке нет единого определения, придающего понятию «наука» тот смысл, который вкладывается в это слово в русском и немецком (*Wissenschaft*) языках и охватывает все названные выше науки. Английское слово «science», которое переводят на русский язык чаще всего как «наука», означает, что под ним в первую очередь, подразумевают «естественные науки». По отношению же к гуманитарным наукам в английском языке используются понятия «the humanities» или же «scholarship».

Слово «*Wissenschaft*» переводится на английский как «science» только в том случае, если речь идет о науке в смысле изначального единства всех знаний («sense of the unity of all knowledge»). При этом имеют в виду философское осмысление всех областей знаний, представленное Кантом в работе «Спор факультетов», написанной в 1798 г. [5].

Другое дело — библиотеки специализированные, сориентированные на интересы пользователей, занимающихся исследовательской работой в области конкретных наук. В отношении таких наук можно сказать, что их абсолютного единства и не могло быть, поэтому с первых десятилетий XX в. наблюдается интенсивное развитие специализированных библиотек, и, прежде всего, библиотек технического профиля. В Германии особое внимание к научным библиотекам технического профиля проявлялось в годы Третьего Рейха [6], хотя этот интерес был несопоставим с тем, какое внимание библиотекам научно-технического профиля стали уделять в послевоенные годы в СССР. Именно в СССР в эти годы вошел в оборот и широко распространился особый термин «научно-техническая библиотека» и была создана разветвленная сеть научно-технических библиотек различного профиля: промышленности, транспорта, связи и т. д. В 1958 г. при Государственном комитете по науке и технике была создана Государственная публичная научно-техническая библиотека СССР (ГПНТБ СССР). Она стала выполнять и функции головного учреждения для сети научно-технических библиотек

страны, и функции научно-методического центра по отношению к этим библиотекам. И то, что в СССР особое внимание уделялось именно научно-техническим библиотекам, разумеется, не было случайностью. В 1950-е гг. была официально сделана ставка на развитие т. н. передовых отраслей науки и техники, и инструментом реализации такой государственной политики стала Государственная система научно-технической информации (ГСНТИ). Успехи, достигнутые в этой сфере, были высоко оценены и за рубежом [7].

В конце 1950-х гг. западные страны были поражены «эффектом спутника» — так назвали шоковое состояние, в котором они испытали после запуска в 1957 г. первого советского искусственного спутника Земли. Следствием того, что эти страны начали выходить из шокового состояния, стали реформы в области образования, стремление развивать негуманитарные, особенно технические науки. ФРГ не была исключением. Именно в 1960-е гг. там были открыты четыре специализированные библиотеки, которые охватили своей деятельностью всю страну, а их услуги стали доступными практически всем ее гражданам (см. раздел 2. 4.).

В последующие годы во многих развитых странах мира стремление развивать технические и негуманитарные науки серьезно отразилось на библиотеках универсального профиля, особенно на Национальную библиотеку Шотландии (National library of Scotland). Ее руководители приняли очень смелое решение в отношении уравнивания обслуживания пользователей, работающих как в области негуманитарных, так и гуманитарных наук. В данном случае при расширении пространства библиотеки за счет введения в эксплуатацию второго, нового здания библиотеки была проведена своего рода граница между техническими, а также другими негуманитарными науками и науками гуманитарного профиля. Разграничение выразилось в том, что в большей части нового здания, открытого в начале 1990-х гг., разместилось новое подразделение под названием Scottish science library, т. е. Шотландская научно-техническая библиотека [8].

Насколько правомерным было появление и применение понятия «научно-техническая библиотека», которым так активно пользовались в СССР, правомерным казалось появление и использование понятия «исследовательская библиотека», под которым имелось в виду означало «научно-гуманитарная библиотека». Его утверждение в профессиональном дискурсе было обусловлено появлением научных работ немецкого профессора Бернхарда Фабиана [9].

Изучением проблем библиотечного дела Фабиан активно занимается с начала 1980-х гг., когда он по своей инициативе подготовил монографию «Книга, библиотека и гуманитарное исследование» («Buch, Bibliothek und geisteswissenschaftliche Forschung» Göttingen, 1983) [10]. В этой работе он из-

ложил свое библиотечное мировоззрение как ученый, не удовлетворенный современным состоянием организации библиотечного обслуживания и всего библиотечного дела в целом. Он предложил свою программу, реализацией которой он в дальнейшем активно занимался при поддержке библиотечного сообщества, воспринявшего многие идеи ученого. Он особенно активно начал пользоваться понятием «исследовательская библиотека» («Forschungsbibliothek»), которое хотя и применялось в Германии ранее, но не было осмыслено столь глубоко. Подразумевая под понятием «исследовательская библиотека» научно-гуманитарную библиотеку, он указал на то, что потребность в научно-гуманитарной библиотеке впервые была осознана в США. И там же стало возможным выполнение этой идеи. Связано это было со введением в оборот понятия «research library», которое также следовало бы переводить на русский язык как «исследовательская библиотека».

3. 2. ПОНЯТИЕ «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА» В КОНЦЕПЦИИ Б. ФАБИАНА

Первоосновой американской исследовательской библиотеки считалось единственное в своем роде, уникальное по глубине раскрытия представленного материала собрание, включающее в себя редкую книгу и архивные материалы [11]. Такое собрание предназначено для пользования только теми читателями, которые занимаются чисто исследовательской работой [12]. Вся организация работы библиотеки при этом построена так, чтобы пользователь мог работать с наибольшей отдачей.

Самыми крупными из американских исследовательских библиотек являются Нью-Йоркская публичная библиотека, библиотеки Йельского, Гарвардского и Колумбийского университетов. Эти и многие другие уже не столь крупные библиотеки, входят в объединение исследовательских библиотек под названием «Research Library Group» [13].

Исследовательскими библиотеками в «чистом виде» являются так называемые независимые (т. е. частные) исследовательские библиотеки — «independent research library», которыми может пользоваться лишь ограниченный круг специалистов [14]. В целом, это относительно небольшие — если сравнивать с национальными и университетскими — библиотеки. Они предназначены для того, чтобы дать возможность проводить исследования в области гуманитарных наук и являются, по сути, частными, независимыми от государства библиотеками. Поэтому помимо определения «research» они имеют и другое, очень важное для понимания их природы и статуса, определение «independent».

Иногда — за пределами США — независимые исследовательские библиотеки даже рассматриваются как библиотеки особого типа, присущего именно этой стране, а именно как типа учреждения, которое представляет собой удачное сочетание библиотеки и музея, на что особое внимание обращается именно в Германии [15].

Правда, потребность в новом термине далеко не всегда вызвана с реальной востребованностью научно-гуманитарных библиотек и отношением к ним общества. Так, в Польше понятие «исследовательская библиотека» не появилось, и им не пользуются даже в отношении зарубежных работ. Вместо него по отношению к научно-гуманитарным библиотекам пользуются привычным термином «научная библиотека» («biblioteka naukowa»). Это обусловлено конкретной социокультурной ситуацией, историей библиотек страны, в которой на протяжении XIX в. закрывались самые крупные библиотеки и их фонды вывозились за пределы страны, а библиотеки, сориентированные на польских читателей, интеллигенция открывала за границей. Тем самым сохранялась преемственность по отношению к предшествующему столетию, когда в условиях возможной потери независимости страны общество стало воспринимать библиотеки не только как библиотеки — их стали считать центрами духовной жизни страны. В Польше формировалось особое отношение к библиотеке. Как полагают крупнейшие исследователи польской истории этого времени, культура своей страны воспринималась здесь в условиях уже свершившегося раздела Польши иначе, чем в других странах Европы. Она воспринималась не в национальном контексте, а в значительно более широком, а именно — в контексте культуры и науки всей Европы [16]. Эта идеология определила и отношение к библиотеке в последующее время, а затем и отношение к современным библиотекам, в том числе к научным библиотекам универсального профиля, т. е. благодаря ей сложилось особое отношение к фондам гуманитарной литературы.

В 1970—1980-е гг. появились немецкий и французский эквиваленты понятия «исследовательская библиотека». В. Шмидту понадобилось такое понятие, чтобы дать характеристику университетской библиотеки, фонды которой были предназначены как для широкой публики (Studienbibliothek), так и для ученых. И с тем, чтобы подчеркнуть предназначение этой библиотеки как библиотеки, предоставляющей литературу ученым, он и применил понятие «исследовательская библиотека» [17]. Несколько лет спустя, в 1978 г. этот термин появился в работе Г. Либерса, который также делал акцент на обслуживание исследователей как особой группы пользователей [18].

Французский термин «bibliothèque de recherche» получил распространение, прежде всего после образования в 1971 г. Европейской лиги исследовательских библиотек (ЛИБЕР) [19].

В 1972 г. по инициативе ЛИБЕР в Бордо было проведено исследование, основным методом которого было анкетирование пользователей, занимавшихся исследовательской работой в различных библиотеках Франции. В ходе этого исследования, в частности, решалась задача определения критериев соответствия пользователя определению «исследователь»: наличие у пользователя диплома о высшем образовании, ориентации на соответствующие виды изданий, характер его работы в библиотеке (особое внимание уделялось научной работе с целью подготовки публикаций), знание пользователем орфографии. И все же после проведения анализа полученных ответов не было найдено ни одного определения того, кто может быть исследователем, т. е. определением, которым — как основополагающим — можно было бы пользоваться для дальнейшего решения проблем исследовательских библиотек [20].

В отличие от своих предшественников Фабиан характеризует исследовательскую библиотеку, как место хранения результатов исследований. Но при этом он подчеркивает, что ее роль значительно шире и, по сути, она принципиально иная: «Научная библиотека гуманитарного профиля также является местом хранения научных результатов, но вместе с тем она и нечто большее: массив, содержащий в себе первичные источники. Она есть некое единое хранилище научной литературы и научного материала. Следовательно, такая библиотека является и местом работы исследователя» [21]. А это означает, что данная библиотека является не только «памятью» науки, но и местом работы исследователя, ибо именно там, и чаще всего, только там, исследователь может получить исходный материал для своей научной работы.

Именно здесь и проходит главная линия разграничения между гуманитарными и негуманитарными науками. Это линия разграничения между теми дисциплинами, при разработке которых пользуются библиотекой только как хранилищем научной литературы, и дисциплинами, для которых библиотека, выполняя и эту функцию, сверх того выполняет функцию предоставления — в виде текстов — самого предмета исследования, и даже больше: она предоставляет предмет для исследования и темы для исследования.

Принципиально различными являются информационные потребности, предъявляемые гуманитарными и негуманитарными науками. Потребности, типичные для естественных наук, медицины и техники, характеризуются им как структурно несложные и сконцентрированные на современной литературе. Потребности ученого-гуманитария значительно сложнее, и это объясняется данным автором тем, что в гуманитарных науках сам предмет изучения «выявляется преимущественно или даже исключительно путем использования текстов в самом широком смысле этого слова». [22]. Фабиан обращает серьезное внимание и на то, что гуманитарные науки, в большинстве своем,

имеют историческую ориентацию. Этим определяется и организация исследований в области этих наук и их методы. Рабочий материал гуманитарных наук образует историко-общественную реальность, которая «в виде исторических сведений в известной мере сохранялась в сознании человечества».

Такие понятия как устаревание литературы, ее неактуальность и прочие, столь естественные и типичные для технических и других негуманитарных наук, на гуманитарные науки не распространяются: «Потребность в научных изданиях в области гуманитарных наук распространяется на тот универсум текстов, который в своей совокупности образует основную часть традиций культуры. Научно-исследовательская работа в любой области гуманитарных наук — это работа, для которой по традиции текст может иметь большую или меньшую актуальность, но никогда эта традиция не будет считаться настолько устаревшей, чтобы нужно и можно было бы совсем отказаться от пользования текстами. Литературные произведения, а также музыкальные доказывают это особенно ясно» [23]. Это и дает основания считать научно-гуманитарную библиотеку, в отличие от научно-технической или научной библиотеки иного негуманитарного профиля, которая является только «архивом современной научной литературы», «архивом традиций культуры, служащих науке». Научно-гуманитарная библиотека выполняет обе функции, но вторая имеет особое значение.

Фабиан рассматривает научно-гуманитарную библиотеку как научную лабораторию ученого-гуманитария, о чем он сказал в предисловии к немецкому изданию книги: «Я выступаю в защиту библиотеки такого типа, которая в качестве аналога хорошо оснащенной научной лаборатории давала бы исследователю возможность осуществить даже самые сложные его замыслы» [24]. По его мнению, научная библиотека имеет для ученого-гуманитария то же значение, что и традиционная лаборатория для естествоиспытателя.

Формулируя основные требования к исследовательской библиотеке как к лаборатории ученого, Фабиан проводит параллель с лабораторией, которая является базой для проведения естественнонаучного исследования. Для успешного проведения последнего необходима «квалифицированно оборудованная лаборатория, которая даст ученому возможность подготовить все условия для проведения опытов», ибо «никто не вправе ожидать того, что исследовательский процесс может завершиться успешно, если будет ощущаться дефицит необходимой аппаратуры» [25].

Правомерность проведения такой параллели Фабиан подкрепляет анализом самого хода гуманитарного исследования, сравнивая его с исследованием естественнонаучным. В гуманитарных исследованиях ученый начинает со стадии, которая сопоставима с естественнонаучным исследованием.

Исследование естественнонаучного характера начинается с разработки предварительной концепции. Гуманитарном исследовании начинается с постановки вопроса. А роль эксперимента в естественнонаучном исследовании, по мнению Фабиана, в гуманитарных науках выполняет мысленный эксперимент, в процессе проведения которого ведется, в частности, проверка эмпирических данных: «Эксперимент», проводимый ученым-гуманитарием — это получение им для себя консультации в результате прочтения текста или же это интерпретация текста» [26].

В силу всего вышесказанного, ученому-гуманитарию нужна своя «лаборатория». Ею и является «исследовательская библиотека». Исследовательская библиотека, по мнению Фабиана, — «это рабочее место ученого, место, где происходит процесс завоевания новых познаний» [27].

Главными же условиями, выполнение которых позволяет говорить об идеально организованной исследовательской библиотеке, представляются следующие:

1. Наличие уникальных исторически ценных фондов и обеспечение по отношению к ним преемственности в комплектовании.
2. Достижение максимально полного раскрытия фондов.
3. Создание идеальных условий обслуживания пользователя исследовательской библиотеки.

Создание идеальных условий для пользователя исследовательской библиотеки предполагает, во-первых, обеспечение идеального соотношения объемов исторически ценного фонда и фонда современной литературы, а во-вторых, создание наиболее благоприятных условий для пользования всей литературой.

Одной из важнейших типологических характеристик исследовательской библиотеки в немецком языке дано название «Präsenz-Bibliothek». На русский язык оно дословно переводится как «присутственная библиотека», но в более точном его толковании означает «безабонементная библиотека». Это значит, что библиотека, в которой нет абонемента, не выдает книг на дом, ибо в исследовательской библиотеке необходимая для научной работы литература всегда должна быть в распоряжении исследователя и, следовательно, не должна покидать стен библиотеки: «По своей концепции исследовательские библиотеки это безабонементные библиотеки, хотя они, в соответствии с традициями, все еще отдают предпочтение абонементному обслуживанию. По этой причине сознательно относящийся к своему делу библиотечарь не имеет выбора — он должен не отсылать книгу читателю, а приглашать читателя прийти к книге и облегчать ему доступ к ней именно в библиотеке» [28].

Фабиан убежден в том, что читатель исследовательской библиотеки нуждается в большем внимании, в более благоприятных условиях для своей ра-

боты, под которыми он подразумевает наличие специально оборудованных рабочих мест для непрерывной работы в библиотеке в течение длительного времени.

Безграничное предоставление в пользование читателя всей современной литературы не распространяется, само собой разумеется, на исторически ценные фонды исследовательской библиотеки. Здесь, напротив, предпочтение отдается обеспечению сохранности фонда, а не обеспечению доступа к нему широкого круга читателей. Именно стремлением сохранить ценный фонд объясняется тот факт, что «исследовательские библиотеки никогда не были дружелюбны по отношению к публике» [29]. Похожую мысль высказывает и Фабиан: «Библиотеки, проявляя чрезмерную доброжелательность по отношению к читателям, способствовали нанесению ущерба фондам» [30].

3. 3. ОТ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ

3. 3. 1. БИБЛИОТЕКА УНИВЕРСАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ: КОНЦЕПЦИЯ Р. ЛАНДВЕРМЕЙЕРА

В 1990-е гг. понятие «исследовательская библиотека» активно употребляется в Германии по отношению к широкому кругу научных библиотек [31]. Оно используется и применительно к небольшим специализированным библиотекам, например, по отношению к библиотеке кафедрального собора в Хильдесхайме [32]. Это понятие становится привычным и по отношению к крупнейшей библиотеке страны — Государственной библиотеке в Берлине «Прусское культурное наследие».

В 1990 г., после того, как Германия стала единым государством, были объединены две самостоятельные ранее библиотеки. В этом же году был подготовлен и опубликован официальный документ, определивший этот статус библиотеки и содержание ее работы — «Задачи и функции Объединенной государственной библиотеки в Берлине». Согласно этому документу, Объединенная государственная библиотека признана наследницей бывшей Прусской государственной библиотеки. Но при этом две научные библиотеки — Государственная библиотека Прусского культурного наследия (Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz) и Немецкая государственная библиотека (Deutsche Staatsbibliothek), бывшая национальная библиотека ГДР, обладавшие примерно равными по объему фондами и выполнявшие сходные функции, были объединены в одну [33]. Было официально объявлено о том, что эта объединенная библиотека включает в себя два подразделения с разными функциональными задачами. В здании бывшей Немецкой государственной библиотеки начала функционировать Безабонементная и исследовательская

библиотека (Präsenz- und Forschungsbibliothek), а в здании бывшей библиотеки Прусского культурного наследия — Абонементная и информационная библиотека (Ausleih- und Informationsbibliothek) [34].

В 1994 г. была представлена развернутая, научно обоснованная концепция развития библиотеки, разработанная ее директором Рихардом Ландвермейером. В этом документе была подтверждена ориентация на единую библиотеку, но библиотеку, работающую в двух зданиях библиотеку. Обе ранее самостоятельные библиотеки продолжали обладать определенной специализацией.

В области комплектования первоочередной считалась задача, суть которой автор концепции видел в «систематическом пополнении исторически ценных фондов с точки зрения истории культуры и истории науки» [35]. При этом отмечается, что на тот момент эта функция выполнялась и недостаточно, и непоследовательно. Решения в области комплектования по отношению к исторически ценным фондам должны, по мнению автора концепции, основываться на принципиально иных критериях, нежели при отборе новых изданий. Если раньше — во времена Немецкой Государственной библиотеки — пополнение исторически ценных фондов осуществлялось точно так же, как и пополнение фондов новой литературы, то автором концепции был предложен абсолютно иной подход. Предложено было не только учитывать традиционно существующую взаимосвязь между процессами комплектования, раскрытия фондов и их расстановки, обеспеченную институтом референтов-отраслевиков, но и максимально связать работу этих референтов с самим фондом. Он считает, что необходим компетентный персонал, прекрасно знающий фонд [36].

Автор концепции развития объединенной библиотеки подчеркивает взаимосвязь реализуемой в библиотеке концепции исследовательской библиотеки с концепцией «чистой» исследовательской библиотеки, принятой в библиотеках в Веймаре и Вольфенбюттеле.

Особого внимания в данном случае заслуживает тот раздел концепции, который посвящен пользователю. Здесь возможные последствия были рассмотрены с точки зрения сравнения ситуации, сложившейся в Государственной библиотеке в Берлине с положением двух из крупнейших европейских национальных библиотек, также проходящих в настоящее время этап крупных реформ, а именно: Национальной библиотеки Франции в Париже и Британской библиотеки в Лондоне.

Главное отличие исходных ситуаций он видит не в том, что Парижская и Лондонская библиотеки построили новые здания, а в том, что они сложились как национальные библиотеки-архивы (nationale Archivbibliotheken), что означает полное отсутствие в этих библиотеках форм абонемента, за

исключением особого подразделения Британской библиотеки «Document delivery».

В отличие от указанных зарубежных библиотек, Королевская библиотека в Берлине была организована как все научные библиотеки, а именно как абонементная библиотека. Но еще более существенно то обстоятельство, что за прошедшие с середины 1870-х гг. сто с лишним лет Германия так и не создала центральную научную библиотеку универсального профиля, о необходимости которой так много дискутировали в конце XIX столетия. Поэтому в концепции развития этой библиотеки та ситуация, которая сложилась в Германии в отношении развития библиотечного дела, вновь противопоставляется ситуации, сложившейся в этой же области в Великобритании и во Франции, поскольку в отличие от этих стран Германия — страна децентрализованная исторически.

В связи с тем, что ни в одной отдельно взятой библиотеке невозможно достигнуть столь желанной для каждого ученого полноты фонда, в этой концепции акцентируется направленность развития библиотеки как центра исторических исследований, т. е. подчеркивается необходимость того, чтобы крупная научная библиотека универсального профиля, и прежде всего, национальная библиотека, развивалась как исследовательская библиотека.

Сопоставляя особенности национальных библиотек в Лондоне и Париже с характерными чертами Берлинской библиотеки, Р. Ландвермейер особо подчеркивает то, что эти национальные библиотеки являются национальными центрами исторических исследований [37].

Автор концепции при этом вынужден признать, что читателя 2-го здания необходимо обеспечить в определенном объеме изданиями, вышедшими в свет до 1955 г., а читателя 1-го здания — новейшей литературой. Руководитель библиотеки не мог не предвидеть того, что предлагаемая концепция библиотеки, функционирующей в двух зданиях, будет наиболее уязвимой именно в этом звене, и изначально допускает возможность смягчить неудобства, связанные с установлением хронологической границы деления фондов. Предлагалось попытаться предоставить читателям, работающим в 1-м здании, возможность пользоваться новыми изданиями в читальном зале. Что же касается 2-го здания, то в распоряжение посещающих его читателей была предоставлена часть фонда изданий, вышедших в свет до 1955 г.

Автору концепции развития Берлинской библиотеки хотелось верить в то, что изначально заданные неудобства будут восприниматься читателями с пониманием, и даже без каких-либо сетований. Поэтому он высказывает предположение, что определенная отдаленность двух зданий друг от друга даже не будет замечена читателями. Ведь в Германии читатель просто-напросто привык к тому, что не может получить в одной библиотеке все

необходимые для его работы источники. В силу этого он не может удовлетворить свои потребности в литературе на одном рабочем месте в конкретной библиотеке [38]. Но это предположение не оправдалось. Библиотека стала объектом целенаправленной критики [39].

Не в последнюю очередь именно это вызвало необходимость вновь вернуться к концептуальным вопросам развития Берлинской библиотеки, что и было сделано преемником Рихарда Ландвермейера — Антониусом Яммерсом, новым директором единой библиотеки, который приступил к исполнению этих обязанностей в 1995 г.

Как и его предшественники, новый директор также считал Государственную библиотеку в Берлине одной из крупных национальных библиотек [40] и рассматривал ее проблемы в контексте развития крупнейших европейских библиотек — Британской библиотеки и Национальной библиотеки Франции. Но, сравнивая Берлинскую библиотеку с Лондонской и Парижской, а также с Немецкой библиотекой во Франкфурте-на-Майне, Яммерс не без сожаления констатировал, что вверенная ему библиотека столкнулась с неспоставимым множеством трудностей экономического характера, обусловленных очень плохим состоянием здания на Унтер-ден-Линден. Но предметом его первых публичных выступлений, посвященных анализу состояния библиотеки, которые можно рассматривать в качестве программных, были и другие вопросы.

Яммерс полагал, что принятие концепции библиотеки, размещенной в двух зданиях, т. е. концепции объединения двух библиотек разного профиля с вывесками «Историческая исследовательская библиотека» и «Информационная библиотека», равно как и введение второй пары противоречащих друг другу определений этой же объединенной библиотеки — «безабонементная библиотека» и «абонементная библиотека» — не были удачными решениями. Более того, по его мнению, во многих случаях все это способствовало усилению возникновения непонимания между сотрудниками библиотеки [41].

Он убежден, что только сам факт наличия богатейшего фонда исторически ценных изданий, насчитывающего почти 3 млн. томов, не дает основания утверждать, что в таком случае уже налицо исследовательская библиотека. Не отрицая значения концепции исследовательской библиотеки как таковой, новый директор обращает внимание на самый момент в варианте, предложенном его предшественником — Ландвермейером.

По мнению Яммерса, в предшествующем варианте не было принято во внимание то, что ученому, работающему в исследовательской библиотеке, нужно одновременно со старыми изданиями иметь под рукой и современную вторичную литературу. В качестве примера библиотеки, где это условие соблюдается, он приводит библиотеки в Веймаре, Вольфенбюттеле и Готе, а

также ссылается на Немецкий литературный архив в Марбахе, который действительно можно рассматривать не только как исследовательскую библиотеку, но и как идеально устроенную исследовательскую библиотеку. «Само собой, разумеется, — пишет Яммерс о Берлинской библиотеке, — каждый, кто там работает, может заказать эту литературу из другого здания, но она поступит тогда из «Информационной библиотеки» [42].

В целом концепция Ландвермейера интересна не только тем, как велся поиск окончательного решения с целью определения перспектив развития Государственной библиотеки в Берлине «Прусское культурное наследие» [43], которые будут уточняться и корректироваться. В данном случае он интересен тем, как в начале процесса глобального переосмысления будущего данной библиотеки во внимание были приняты концептуальные идеи исследовательской библиотеки, предполагающие раскрытие возможностей научной библиотеки как инструмента гуманитарных наук [44].

3. 3. 2. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ: КОНЦЕПЦИЯ М. КНОХЕ

Концепция исследовательской библиотеки, сформулированная профессором Фабианом в результате основательного и многоаспектного анализа взаимосвязи библиотеки и гуманитарных наук, не только существует в теории, но и воплощается на практике. Наиболее интересно и последовательно эта концепция реализуется в 1990-е гг. в Веймаре в бывшей Герцогской библиотеке, имеющей фонд более 900 000 единиц хранения.

Новое название библиотеки — Библиотека герцогини Анны Амалии (Herzogin Anna Amalia Bibliothek), полученное ею в 1991 г., несет в себе смысловую, и даже концептуальную нагрузку. Оно связано с веймарской историей, с эпохой Гёте, с его реформами. Такое название перекликается и с названием библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле, которая стала образцом для реорганизации Веймарской библиотеки. Однако Михаэль Кнохе, руководитель Веймарской библиотеки, поставив перед собой практически ту же самую задачу — сориентировать вверенную ему библиотеку на ее развитие в качестве исследовательской библиотеки, пошел путем реформ еще дальше. Он исходил из того, что черты исследовательской библиотеки должны проявляться именно в практической деятельности библиотек. По его мнению, если библиотека выбирает для своего дальнейшего развития такой путь, она должна рассмотреть всю свою деятельность, все аспекты практической работы. Она должна рассмотреть их с точки зрения действия системы неких критериев, которые могут помочь получить ответ на вопрос, может ли та или иная библиотека считаться исследовательской. А в результате этого уже можно

определить, в состоянии ли библиотека решать те задачи, которые стоят перед исследовательской библиотекой, как перед библиотекой, которая выполняет особую миссию — служения науке, а именно гуманитарным наукам. И если она в состоянии справляться с этим, то в какой степени.

Осмыслить новую ситуацию было необходимо и в связи с тем, что часть насыщенного противоречиями прошлого библиотеки приходится не только на времена существования ГДР. Еще более сильные противоречия между потенциалом библиотеки и характером задач, которые она должна была решать, проявлялись в годы Веймарской республики, когда эта библиотека начала выполнять функции Тюрингской земельной библиотеки, т. е. главной библиотеки земли Тюрингия. А это означало, что ее первоочередной задачей было не раскрытие уникальных фондов, а выполнение функций образовательного центра региона. В условиях ГДР подобная задача перед библиотекой не ставилась уже в силу того, что в стране действовала иная система административно-территориального деления. Веймар не был столицей — не только земли, но даже и округа, т. е. единицы административно-территориального деления ГДР, ибо он сам входил в округ, центром которого был соседний город Эрфурт, который после воссоединения Германии стал столицей земли Тюрингия [45].

Поскольку библиотека выполняла образовательные функции и была абонементной, она получала обязательный экземпляр местной книжной продукции, что способствовало быстрому, но не всегда оправданному росту ее фондов. Кроме того, библиотека должна была учитывать и интересы находящейся территориально рядом с нею Высшей школы музыки. В силу этого библиотека, будучи по своему профилю гуманитарной, имела довольно расплывчатую специализацию.

С другой стороны, на организацию работы Центральной библиотеки немецкой классики, как она тогда называлась, сильно влияла ее ведомственная принадлежность к функционировавшему в Веймаре Национальному институту сохранения и исследования памятников немецкой классической литературы (Nationale Forschungs- und Gedenkstätte der Deutschen klassischen Literatur in Weimar — NFG). Ведомственное влияние исходило не столько от руководства NFG, ибо во главе этого учреждения стояли, как правило, яркие творческие личности — крупные ученые, способствовавшие успешному развитию этого уникального института, сколько от самой политической системы ГДР, определявшей круг реальных пользователей библиотеки. Теоретически, она была доступна всем специалистам, нуждающимся в фондах библиотеки. На деле круг пользователей был ограничен — в него входили, преимущественно, сотрудники NFG.

Наконец, для определенного во времена ГДР отраслевого профиля комплектования библиотеки была характерна почти исключительная на литературу, ограниченную хронологическими рамками исторического периода, а именно с 1750 по 1850 гг. Это означало, что за рамками профиля оказались период Реформации и эпоха Барокко. Не вписывались в эту схему и труды Ф. Ницше, личная библиотека которого, несомненно, была одной из главных ценностей библиотеки [46].

Кнохе предложил ориентироваться на идеал исследовательской библиотеки, представленный в виде четко сформулированных критериев соответствия этому типу библиотеки (Kriterien), и при этом обратил внимание на необходимость учитывать уникальную историю данной, конкретной библиотеки. Историю библиотеки, по его мнению, определяют в первую очередь реальные условия (Bedingungen) функционирования библиотеки [47].

В работе [48] Кнохе предложил критерии, по которым может быть определена степень соответствия исследовательской библиотеки потребностям гуманитарных наук, и в первую очередь ее соответствия потребностям читателей-гуманитариев. Эти критерии были условно поделены на две группы. В первую группу вошли условия, при которых библиотека уже может рассматриваться как исследовательская. Вторую группу составили требования, которые могут быть предъявлены к организации работы исследовательской библиотеки.

Кнохе особо выделил условия, при соблюдении которых библиотека может быть отнесена к исследовательской:

- связь фондов с гуманитарными науками;
- определенная, условно принятая, величина объема фонда;
- соответствие профиля комплектования современной литературы профилю уже сформировавшихся исторически ценных фондов.

Первое условие является исходным. От того, сориентирована ли библиотека на гуманитарные науки, имеющие историческую направленность, или нет, становится ясно, целесообразно ли проводить анализ деятельности библиотеки с точки зрения отнесения ее к исследовательским библиотекам.

Наличие второго условия определяется по формальному признаку. По мнению Кнохе, отнесение той или иной библиотеки к исследовательской оправданно, если выполнено первое условие и если ее фонд составляет не менее 250 тыс. единиц хранения.

Третье условие предполагает в соответствии с концепцией исследовательской библиотеки проф. Фабиана наличие определенного профиля комплектования библиотеки с ориентацией на исчерпывающую полноту фонда литературы по ее профилю. Суть этого условия Кнохе видит в определении специфики, уникальности данной библиотеки в сравнении с дру-

гими научными библиотеками. Что же касается исчерпывающей полноты фонда, то ее достижение представляется ему, как практическому работнику библиотеки, утопичным. По его мнению, достигнуть абсолютной полноты фонда невозможно, и, тем не менее, именно стремление к ее достижению должно определять задачи библиотеки в области комплектования ее основных фондов.

В качестве главного направления комплектования Библиотеки герцогини Анны Амалии была выбрана немецкая литература периода с 1750 по 1850 гг. Было выбрано то направление, которое определяло ее специфику ее комплектования этой библиотеки как Центральной библиотеки немецкой классики. А это означало то, что по-прежнему особое внимание уделяется наследию крупнейших веймарских классиков — Гёте и Шиллера. Но помимо того было решено комплектовать с большей полнотой литературу, отражающую влияние искусства и литературы Италии на литературу и искусство Германии.

Наряду с этими приоритетными темами был выделен целый ряд тем, комплектование литературы, по которым уже стало для этой библиотеки традицией, а именно связанные с Веймаром, с его историей и культурным наследием.

Сформулированные Кнохе требования, которые библиотека должна выполнять, чтобы считаться исследовательской, можно разделить на три группы:

— наличие учрежденческой или организационной независимости;

— требования к организации работы библиотеки (активное ведение работы по раскрытию фондов; обслуживание читателей в качестве безабонементной библиотеки; предоставление на открытом доступе всего фонда современной научной литературы; предоставление читателям-исследователям специально оборудованных рабочих мест, соответствующих определенным техническим и эргономическим характеристикам; ведение в максимальном объеме работы в области консервации и реставрации фондов);

— требования к библиотеке как исследовательскому учреждению (ведение своими силами исследовательской работы по изучению характера и состава фондов библиотеки; участие в реализации крупных научных проектов в области гуманитарных наук и обеспечения базы для разработки таковых различными исследовательскими группами гуманитарного профиля; активность в организации и проведении конференций, конгрессов, симпозиумов, семинаров, крупномасштабных выставок).

Требование наличия учрежденческой или организационной независимости означает, что в том случае, если специализированная библиотека гуманитарного профиля или универсальная библиотека, является составной частью какого-либо учреждения, например, университета, то она в силу это-

го не обладает полной самостоятельностью. А это означает, что потребности данного учреждения или организации могут находиться в противоречии с потребностями исследовательской библиотеки.

Активное ведение работы по раскрытию фондов означает необходимость стремиться обеспечить полноту отражения фондов в каталогах, исчерпывающую глубину раскрытия фондов в печатных и электронных формах.

Обслуживание читателей в качестве безабонементной библиотеки означает то, что исследовательская библиотека может быть только безабонементной, в силу чего становятся неизбежными ограничения в пользовании литературой из фонда. Это в свою очередь означает, что должна быть налажена работа информационно-библиографической (справочной) службы и фотослужбы, которые должны соответствовать самым высоким требованиям, предъявляемым к таким подразделениям. Особо следует подчеркнуть необходимость изготовления микрофильмов самого высокого качества.

Предоставление на открытом доступе всего фонда современной научной литературы означает, что таковая должна быть расставлена в этой зоне в соответствии с индексами систематической расстановки. Исторически ценные фонды должны быть доступны лишь привилегированной категории читателей — исследователям.

Предоставление читателям-исследователям специально оборудованных рабочих мест, соответствующих определенным техническим и эргономическим характеристикам предполагает уделение внимания читателям в процессе обслуживания. Но обслуживание читателей исследовательской библиотеки выходит за рамки читальных залов и книгохранилищ. Исследовательская библиотека должна заботиться и о создании благоприятных условий для проживания иногородних читателей, которые приезжают специально для работы в библиотеке на протяжении длительного времени. Это означает то, что библиотека предоставляет им недорогое жилье в специально оборудованной гостинице. В идеале исследовательская библиотека должна иметь возможность предоставлять определенному кругу исследователей стипендий, что необходимо для стимулирования исследовательской работы, цель которой — изучение и раскрытие ее фондов.

Ведение в максимально возможном объеме работы в области консервации и реставрации фондов является одним из наиболее важных требований, поскольку от того, как оно выполняется на практике, зависит реальное состояние исторически ценных фондов.

Реализация требования ведения своими силами исследовательской работы по изучению характера и состава фондов библиотеки предполагает наличие состава квалифицированных специалистов, которые могут заниматься этой работой.

Под участием в реализации крупных научных проектов в области гуманитарных наук и обеспечением базы для разработки таковых различными исследовательскими группами гуманитарного профиля подразумевается подготовка различных изданий, в том числе обширной библиографической продукции, создание банков данных по тематике гуманитарных наук. На базе библиотеки могут функционировать самостоятельные исследовательские подразделения и исследовательские институты, занимающиеся научной работой в области гуманитарных наук.

И, наконец, проявление активности в организации и проведении конференций, конгрессов, симпозиумов, семинаров, крупномасштабных выставок означает, что исследовательская библиотека может быть идеальным местом для проведения крупномасштабных мероприятий, в которых должны участвовать специалисты-гуманитарии, занимающиеся исследовательской работой по профилю библиотеки.

Что касается выставок, то в первую очередь, здесь следует иметь в виду масштабные выставки, которые становятся событиями в жизни города, региона и даже страны. Это такие мероприятия, к проведению которых библиотека готовится основательно и в течение длительного времени. Результатом этой работы обязательно является солидный по объему каталог, сам факт подготовки и издания которого имеет особое значение. Такой каталог является результатом длительной работы, он как результат процесса научного исследования, как самостоятельный, живущий отдельной от выставки жизнью научный труд, играет большую роль для дальнейшего развития науки.

В связи с характеристикой последнего из имеющих отношение к научной работе исследовательской библиотеки требований, необходимо назвать еще одно. Его не называют ни Фабиан, ни Кнохе. Они оба, возможно, полагают, что выполнение этого условия является делом «само собой разумеющимся». Речь идет о необходимости проявлять активность в организации и проведении как постоянно, периодически устраиваемых — локальных по своим масштабам, так и отдельных — крупномасштабных культурных и общеобразовательных мероприятий, рассчитанных на жителей города, в котором находится библиотека, а в определенных случаях — и всего региона.

Локальными в данном случае являются постоянно организуемые сотрудниками экскурсии по библиотеке, отдельные лекции, вечера, концерты. Под крупномасштабными мероприятиями следует понимать проведение таких акций как большие выставки. Их подготовка является составной частью научной работы библиотеки, мероприятий, сопутствующих или предшествующих крупным конференциям или симпозиумам, которые могут быть приурочены к юбилейным датам и т. п.

Критерии определения степени соответствия той или иной библиотеки задачам исследовательской библиотеки, предложенные Кнохе, были использованы им, как новым директором Библиотеки, для определения ее «исходного» состояния и возможных направлений ее дальнейшего развития. В последующие годы эти же критерии позволяли осуществлять «диагностику» состояния Библиотеки в тот или иной момент ее развития.

Разумеется, Библиотека изначально соответствовала тем условиям, при которых ее можно рассматривать как исследовательскую. Так, например, в Библиотеке насчитывается свыше 300 000 печатных единиц, вышедших в свет до 1900 г.

В отношении требований к организации ее работы было необходимо провести анализ и уже сложившейся ситуации и вероятных ее изменений, что могло дать возможность вносить необходимые корректировки и последовательно осуществлять реформы. Нужно было определить степень независимости исследовательской библиотеки в институциональном отношении, т. е. определить степень ее самостоятельности.

Библиотека герцогини Анны Амалии является составной частью научного учреждения, которое стало правопреемником NFG, т. е., Фонда Веймарской классики (Stiftung Weimarer Klassik). Естественно, Библиотека активно способствует научной работе сотрудников Фонда, которую они ведут в соответствии с их планами, и активно участвует в деятельности Фонда, в реализации его проектов и программ. Но при этом, в новых условиях от нее не требуют концентрации работы на обслуживании только персонала Фонда. Библиотека сориентирована на обслуживание ученых, приезжающих в Веймар специально для работы в библиотеке.

Большие изменения были внесены в организацию работы с связи со стремлением руководства библиотеки максимально обеспечивать сохранность уникальных фондов.

Веймарская библиотека оказалась в очень сложных условиях. Основные ее книгохранилища, согласно оценке специалистов в области консервации, являются просто-напросто непригодными для хранения обычных книг, не говоря уже об исторически ценных книжных фондах. Часть книгохранилищ — это не отапливаемые помещения. Другие помещения для хранения таковы, что температура воздуха в них значительно превышает допустимые нормы, что способствует поражению книг плесенью. Решить эту проблему кардинальным способом в сегодняшних условиях, даже, несмотря на эффективно работающую реставрационную мастерскую, Библиотека, естественно, не может. Но тщательное изучение и беспристрастная оценка реально сложившейся ситуации позволили выработать предложения, которые легли в основу программы реконструкции Библиотеки, предполагающей расширение

ее площадей и строительство рядом с ее историческим зданием — так называемым «Зеленым замком» нового здания.

В отношении раскрытия фондов Центральная библиотека немецкой классики была своего рода лидером. Фонд раскрывался благодаря хорошей организации каталогов и отражению его в фундаментальных библиографических работах [49]. Принципиальному же улучшению доступа к фондам способствуют электронные каталоги, работа по созданию которых велась очень интенсивно и была завершена в 2000 г.

Создание в Библиотеке герцогини Анны Амалии электронного каталога сделало возможной принципиальную реорганизацию ее работы, необходимую для того, чтобы она имела право считаться исследовательской. Благодаря электронному каталогу стал возможен многоаспектный поиск, который ранее, при обращении к традиционным рукописным и печатным каталогам, провести было бы невозможно. Кроме того, в исторически ценной части фонда библиотеки была выявлена литература по целому ряду тем, относящихся к основному профилю данной библиотеки. Это позволило собрать литературу по той или иной теме в одном месте в виде целостной коллекции. Теперь читатели могут не тратить время на поиск книг по каталогам — вне зависимости от его носителя, а также на подготовку заявок на требующиеся книги и ожидание выполнения этих заявок сотрудниками библиотеки, а работать непосредственно с коллекциями. В целом устранение «рассеяния» книг по полкам хранилищ Библиотеки (явления, характеризуемого английским словом «browsing»), позволило воссоздать заново, давно растворившиеся в фонде собрания личных библиотек, в том числе, и Библиотеки, принадлежавшей самой покровительнице библиотеки — герцогине Анны Амалии.

Особое значение ликвидация «рассеяния» наиболее ценных коллекций, существовавших ранее как цельные собрания в фондах Библиотеки, имело для воссоздания коллекции книг об Италии. Она стала основой для разработки принципиально новой исследовательской программы под названием «Веймар и Италия», в рамках которой предполагается проведение конференций и целого ряда публичных мероприятий.

Следующим шагом на пути облегчения доступа к фонду библиотеки и в то же самое время сведения к минимуму угрозы его физического износа является работа по оцифровке отдельных текстов.

В Веймарской библиотеке была проведена огромная работа по выявлению информационных потребностей читателей, постоянно работающих в этой библиотеке или приезжающих с целью проведения исследований. Так, это отчетливо проявилось при реализации исследовательской программы «Феномен Веймар — Йена в 1800-е гг.» («Ereignis Weimar-Jena 1800»). Осуществление программы предполагало подбор литературы по широкому кру-

гу тем — социальная жизнь герцогства Заксен-Веймар, придворное общество, история хозяйства, университет и школа, музыка, повседневная культура, исследования в области естествознания, парки и сады и т. д. В ходе ее реализации было принято решение о создании в Веймарской библиотеке совместно с коллегами из Университетской библиотеки Йены специальной коллекции изданий, посвященных этому периоду, в том числе и газеты, и литературу по ботанике, и оперные партитуры [50].

В данном случае после проведения работы по выявлению читательских потребностей библиотека, подключилась к работе созданных в Йенском университете 24-х исследовательских групп по изучению культурной жизни герцогства Заксен-Веймар в начале XIX в., и начала активно участвовать в их деятельности. Библиотека начала готовить различные издания, в том числе и библиографического характера. При этом была создана основа для более полного удовлетворения информационных потребностей, в том числе и будущих исследователей, не связанных с данным проектом. Библиотека готова предоставлять им в полном объеме все тесты печатных изданий, необходимые для изучения культурной жизни герцогства Заксен-Веймар в начале XIX в.

Требования оперативного предоставления требуемых для работы читателей изданий потребовало принять решение о превращении библиотеки в безбазонементную. Хотя в настоящее время — поскольку еще не решены проблемы, возникшие в связи с переводом книг в цифровую форму и с активизацией работы по подготовке микродокументов, Библиотека не может пока полностью отстраниться от участия в обслуживании читателей через МБА, но масштабы обслуживания по МБА сократились.

Веймарская библиотека стремится организовать для читателя комфортные, хорошо оборудованные в техническом отношении рабочие места в соответствии с требованиями эргономики. К сожалению, из-за того, что в нынешнем здании библиотеки очень тесно, для читателей удалось организовать только 24 рабочих места. Что касается открытого доступа, демонстрирующего современные издания, то удалось, по той же причине, выставить лишь 4000 книг. Это означает, что Библиотека пока еще не полностью выполняет требование, предъявляемое к исследовательской библиотеке. Но наличие этого, объективно существующего недостатка признано ее руководством, которое предполагает кардинально изменить ситуацию после коренной реконструкции Библиотеки и введения в эксплуатацию нового здания [51].

Библиотека герцогини Анны Амалии является учреждением, которое давно и успешно ведет научную работу. В 1990-е гг. при переориентации на приоритеты исследовательской библиотеки характер этой работы также изменился. Но по-прежнему наряду с новыми сотрудниками, к участию в разработке новых проектов и планов активно привлекается тот квалифици-

рованный персонал, который и ранее определял лицо Центральной библиотеки немецкой классики.

Корректировки были внесены в связи с тем, что, по мнению руководства библиотеки, не следует стремиться решать все те задачи, стоящие перед гуманитарными науками, к которым имеет отношение данная библиотека. Задача же исследовательской библиотеки — вести такую работу, которую можно вести только в том случае, если для этого нужно работать с ее фондами [52]. Библиотека продолжала вести научную работу по некоторым традиционным для нее темам, которые были ведущими и во времена ГДР [53].

В целом результатом осмысления деятельности Библиотеки как исследовательской стало изменение отношения и к политике комплектования, и к характеру обслуживания читателей, и даже к научной работе.

3. 3. 3. БИБЛИОТЕКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ В КОНЦЕПЦИИ П. РААБЕ

Подлинный расцвет Вольфенбюттельской библиотеки приходится на период 1968—1991 гг. Он связан и деятельностью профессора Пауля Раабе. Предшественник Раабе на посту директора — Эрхард Кёстнер очень любил эту библиотеку и с городостью называл ее «красивая библиотека». Он сделал немало для того, чтобы она заняла особое место среди государственных и земельных библиотек Германии [54]. Но Раабе пошел дальше: он не только старался поддерживать положение дел этой библиотеки в прежнем достойном ее состоянии, а стремился сделать ее одним из самых притягательных центров науки в Германии. Хотя в его публичных выступлениях ни разу не было сказано о том, что он хотел считать, что эта библиотека признана самой интересной, самой лучшей библиотекой Германии, так как сам руководитель не может оценивать вверенную ему библиотеку и не может высказывать подобные мысли публично, на деле он добился именно этого. Библиотека в Вольфенбюттеле воспринималась в последние годы существования «старой ФРГ» как эталон, как идеал научной библиотеки гуманитарного профиля, как результат хорошо продуманных и удачно осуществленных реформ. По сути, он превратил библиотеку в международный исследовательский центр по изучению истории культуры раннего Нового времени. По его собственному мнению, здесь сформировался новый тип научного учреждения — «исследовательская библиотека» (Forschungsbibliothek), подчеркивая при этом связь такого названия именно с американским понятием «research library», точнее даже «independent research library» — чисто американскую по механизму финансирования и организации своей работы исследовательскую библиотеку, функционирующую на средства частного фонда. Раабе же создал исследовательскую

библиотеку, которая могла функционировать только в пространстве старой Европы. Раабе максимально связал планы и программы развития библиотеки с планами развития самого города и превратил его, благодаря библиотеке, во всемирно известный центр — не только научный, но и туристический. Посещение Вольфенбюттеля практически стало обязательной частью маршрута поездок и самых высоких гостей Германии — ведущих политических деятелей, всемирно известных ученых, крупнейших предпринимателей и деловых людей.

Вольфенбюттель — сравнительно небольшой, даже по немецким представлениям, город с населением немногим более 50 тыс. жителей. Будучи когда-то столицей небольшого герцогства, в настоящее время он оказался, на первый взгляд, в «глубокой» провинции, в тени расположенного в 20 км от него крупного промышленного, научного и культурного центра — города Брауншвейга. Но уникальность Вольфенбюттеля определяют не его территориальные масштабы или же число жителей. Этот город является, по словам самого Раабе, уникальным памятником истории, «является не только фоном и кулисами для современной, научной, библиотечной и культурной деятельности», но одновременно напоминанием о необходимости сохранения этого памятника и об обязанностях по его сохранению [55].

В соответствии с требованиями, предъявляемыми в США к существующим там исследовательским библиотекам, в Вольфенбюттеле был реализован идеальный ее вариант: были приняты все меры по обеспечению сохранности книг и в то же время для читателя были созданы комфортные условия для научной работы. Это означало, что фонды библиотеки не были оторваны от процесса обслуживания читателей, но по возможности, максимально приближены к нему, хотя и оказались в разных зданиях. Они были четко разделены на две основные части: исторически ценный фонд и фонд современных изданий. Первый размещен в главном здании библиотеки «Bibliotheca Augusta», второй — в переоборудованном для их размещения здании Цейхгауза, т. е. в здании бывшего Арсенала.

В отношении первого фонда особенность организации обслуживания обусловлена характером работы самого читателя. В этом здании обслуживают только привилегированного читателя — исследователя. Для этой, относительно небольшой группы читателей оборудован небольшой уютный читальный зал. Но то, что фонд расположен поблизости, не означает, что читатель может свободно им пользоваться. Более того, здесь введено несколько режимов хранения, которые можно рассматривать и как несколько режимов доступа к фондам. Некоторая часть исторически ценных фондов выставлена в парадных залах, в том числе в парадном зале главного здания библиотеки — Augusteerhalle, где очень часто проводят торжественные мероприятия, в том

числе, конференции и семинары, организуют лекции, встречи с учеными, концерты. Парадные залы могут свободно посещать не только читатели, но и туристы, осматривающие достопримечательности Вольфенбюттеля, в том числе и историческое здание — «Библиотека Августа» (*Bibliotheca Augusta*).

Основная часть исторически ценных фондов хранится в специально оборудованных хранилищах, в которых регулируется температура и влажность в условиях, когда исключена малейшая вероятность возникновения пожара и обеспечена максимальная защита как от других стихийных бедствий, так и от вредного воздействия света.

Наиболее же ценная часть фонда хранится в так называемом сейфе — трехэтажном хранилище, куда не имеют доступа не только читатели. Право на вход в это хранилище имеет лишь ограниченный круг сотрудников библиотеки, причем в строго регламентированное время. Степень противопожарной защиты столь высока, что даже гипотетически исключается любая вероятность возгорания.

В помещениях Цейхгауза, кроме фонда современной литературы, насчитывающего 80 тыс. томов, размещены читальные залы, учебные комнаты, каталоги и информационно-библиографическая служба, которые расположены на двух этажах — втором и третьем. Вся литература представлена на открытом доступе. Имеется возможность получить ксерокопии. Первый этаж занимает вестибюль, в котором находятся 20 специально оборудованных витрин для выставок. В это здание вход свободен для всех желающих, вне зависимости от отношения к исследовательской работе.

Разорванность исторически ценного и современного фондов, обусловленная их размещением в двух разных зданиях, в данном случае довольно условно. *Bibliotheca Augusta* и здание Цейхгауза находятся на расстоянии буквально нескольких десятков метров одно от другого. К тому же библиотека занимает не два, а девять зданий, и все они расположены в одном квартале. В одном из них — Доме Лейбница (*Leibniz-Haus*) размещено подразделение, отвечающее за ведение электронного каталога, который успешно функционирует в библиотеке в течение уже длительного времени. Библиотека располагает и гостиницей для читателей.

Осмысление роли библиотеки как культурного центра сегодня характерно для всех крупных научных библиотек — и не только Германии. Эта функция, чаще всего, не имеет отношения к чисто библиотечным, подразумевающим обслуживание пользователя библиотеки именно как читателя, функциям и предполагает проведение не книжных, а художественных выставок, организацию музыкальных концертов и даже оперных и драматических спектаклей, показ кинофильмов и т. д. На протяжении последних двух десятилетий объем этой работы значительно увеличился. Это характерно для публичных или

общедоступных библиотек, которые давно, практически традиционно связаны с реализацией культурной и образовательной политики по отношению к своему городу или региону. Она же занимает сегодня большое место и в работе библиотек, которые являются универсальными научными, в том числе в работе национальных библиотек. К числу активно выступающих в этой роли научных библиотек относятся и те специализированные научные библиотеки, которые развиваются как исследовательские библиотеки.

С 1968 г. П. Раабе нацелил программы и планы развития Библиотеки герцога Августа на решение трех основных комплексов проблем — библиотечного обслуживания, издательской деятельности и проблем управления. Решение последних предполагало поиск варианта развития, при котором библиотека могла бы стать главным центром развития самого города Вольфенбюттеля. Это означало, что город постепенно превращался в центр туризма. Целью приезда в Вольфенбюттель становилось посещение библиотеки, но выигрывал от этого весь город. При этом библиотека стала не только обязательным объектом для посещения деятелями политики, бизнеса, науки и культуры, но и сориентирована и на другие категории граждан Германии и других стран, например, на школьников.

Для школьников проводятся не только экскурсии по библиотеке, но и семинары. Так в плане работы на 1998 г. в качестве одной из составных частей плана культурных мероприятий были выделены отдельно традиционно проводимые «Вольфенбюттельские семинары школьников». Они проводятся в одном из главных зданий библиотеки — в здании бывшего арсенала. В этой части плана были предусмотрены семинары для учащихся самого Вольфенбюттеля — семинары для учащихся Замковой гимназии проводились, например, в январе, а для Гимназии им. Теодора Хойсса с 9 по 11 ноября. Семинары были организованы для учащихся гимназий из соседних и более отдаленных городов Нижней Саксонии, например, Брауншвейга, Ганновера, Гёттингена и даже для иностранных школьников. В марте 1998 г. был проведен, например, семинар для учащихся 4-го лицея Кракова.

Заранее стали планировать на весь год вперед такие мероприятия, как выставки, доклады, литературные и музыкальные вечера. Среди выставок можно, например, отметить произведению Гёте «Рейнеке-лис» и тематическую выставку «Тоска по миру. Германия в 1648 году». Из докладов, сделанных на литературных вечерах гостями, можно назвать доклад профессора д-ра Иоганнеса Валльмана из Бохума на тему «Немецкая молитвенная литература 17 в.» (26 мая). Один из музыкальных концертов, состоявшийся 21 марта, назывался «Мир музыки». В его программу вошли произведения композиторов Китая, Суматры и Мадагаскара. Особое значение здесь, придается и так называемой «специальной программе». Это комплекс мероприятий,

посвященных одной теме. В 1998 г. такой темой стала «Вода». Ей были посвящены доклады, концерты, выставки, и другие различные акции. Они были связаны с такими темами как роль воды в судостроении, сельском хозяйстве, технике, гигиене. Вода рассматривалась и в таких аспектах как политика, война, экология, архитектура, искусство, наука, религия, философия [56].

То, что библиотека ведет работу с широкой публикой, не является случайностью. Деятельность библиотеки как культурного центра города выходит за рамки функционирования библиотеки как мастерской ученого. К науке эта сторона деятельности прямого отношения не имеет, но она связана с гуманитарной природой библиотеки.

Став международным центром по изучению истории европейской культуры, специализирующимся на раннем периоде истории Нового времени, Библиотека герцога Августа, раскрылась и как центр культуры. Эту функцию она выполняет в соответствии со своей специализацией. Богатейшие гуманитарные фонды побуждают ее к проведению в этих стенах не только чисто библиотечные, но культурно-просветительные мероприятия. Тем самым библиотека активно участвует и в реализации культурной политики, в данном случае культурной политики города. В качестве разработчика основ этой культурной политики выступила сама библиотека.

Просветительская деятельность исследовательской библиотеки, как показал опыт Вольфенбюттеля, имеет большое значение по двум причинам. Во-первых, библиотека расширяет круг своих друзей и таким образом может — прямо и опосредованно — привлекать дополнительные средства для своего развития. Прямо — через потенциальных спонсоров, выйти на которых стремится любая библиотека. Косвенно — в расчете на дополнительные средства из местного бюджета, т. е. на средства местных налогоплательщиков. А, во-вторых, тем самым библиотека в некоторой степени компенсирует широкой публике те неудобства, которые возникают из-за различий в характере обслуживания отдельных групп читателей, сознательно элитарного отношения к узкому кругу научных работников. Благодаря проведению подобных мероприятий библиотека повышает образовательный и культурный уровень жителей своего города (региона), вносит тем самым свой вклад в жизнь общества.

3. 3. 4. НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА

Сегодня сохранение библиотечных фондов рассматривается профессиональным библиотечным сообществом как важнейшая задача библиотек. При этом совершенно очевидно, что чем старше издания, тем выше ценность фон-

да, и тем более важно обеспечить его сохранность. И объектом всех общенациональных или общегосударственных и международных программ по сохранению библиотечных фондов являются не абстрактные фонды, а части фондов, выделенные, чаще всего, именно по хронологическому признаку. Но постановка такой задачи не всегда рассматривается на государственном уровне в качестве обязательной даже в тех странах, где именно этой проблеме традиционно уделяется большое внимание.

В конце XIX в. в Германии, объединенной О. В. Бисмарком в единое государство, начались едва ли не самые масштабные реформы в области образования и науки. Их проведение было связано с Ф. Альтхоффом. Он считал своей главной задачей поиск оптимального варианта решения проблемы полного обеспечения читателей научной литературой в условиях отсутствия в стране полноценной национальной библиотеки, т. е. центральной научной библиотеки универсального профиля (См. раздел 2. 2). Он же стал инициатором создания сводного каталога всех университетских и других научных библиотек Берлина с целью получения представления об общем фонде научной литературы. Предполагалось, что через этот каталог фонд будет доступен читателям благодаря МБА. Альтхофф исходил из того, что в новых условиях, т. е. при наличии системы связанных друг с другом библиотек, многие издания можно оставить в одном экземпляре в одной из библиотек. При этом он распорядился исключить из фондов Берлинской Королевской библиотеки и университетских библиотек старые книги, т. е. изданные до 1750 г., как не имеющие ценности по отношению к современным (для того времени) работам. Он предложил сохранить только по одному экземпляру этих изданий [57]. Это распоряжение не было реализовано только благодаря сотрудникам самих библиотек, которые не могли согласиться с таким решением. В каждом конкретном случае они делали все возможное, чтобы спасти эти издания от уничтожения.

То, что в конце XX в. ситуация в Германии принципиально изменилась, является следствием огромной работы, которая была проведена в конце этого столетия, а именно — реализации проекта по созданию «Справочника по исторически ценным книжным фондам» («Handbuch der historischen Buchbestände»), инициатором проведения которого и руководителем стал проф. Фабиан.

Проект представляет собой три взаимосвязанных друг с другом проекта. За период 1992—1999 гг. подготовлено уникальное многотомное издание (23 тома), раскрывающее наиболее ценную часть фондов (исторически ценных фондов) библиотек Германии (всех типов и видов библиотек и всех регионов без исключения) — «Справочник по исторически ценным книжным фондам в Германии» («Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland»). Он

оказался не похожим ни на сводный каталог, ни на столь привычный для российских библиотечных работников труд научно-библиографического жанра, и представляет собой сориентированный на ученого-гуманитария путеводитель. Этот путеводитель раскрывает фонд каждой библиотеки по тематическому, хронологическому, языковому признакам, а также по месту изданий, по жанрам. Хронологические рамки очерчены предельно четко — количественно отражены все издания, вышедшие в свет от начала книгопечатания по 1900 г., но при этом есть оговорка, что в отдельных случаях можно сдвинуть эту границу на одно и даже два-три десятилетия XX в.

Первоначально Справочник должен был представлять собой документированное описание исторически ценных книжных фондов в ФРГ в том виде, в каком эти фонды сложились до 1989 г. Он задумывался и как рабочий инструмент для исследователей страны, в которой книжные фонды в силу особенностей ее исторического развития оказались разбросанными по многочисленным библиотекам по всей ее территории. Он должен был стать и стал своего рода отражением потенциала библиотек страны и специальных коллекций, которые имеются в той или иной библиотеке [58].

В проекте были реализованы те идеи, которые были высказаны его руководителем в монографии «Книга, библиотека и гуманитарное исследование». Объект проекта был предельно четко определен термином, используемым в этом проекте — по-немецки это *historische Buchbestände*, что на русский язык следует переводить как исторически ценные книжные фонды, т. е. определенная хронологическими рамками часть книжных фондов библиотек. А если говорить о проекте в целом — речь идет обо всех исторически ценных книжных фондах всех библиотек Германии.

Помимо стремления дать потенциальным пользователям исчерпывающее представление обо всех книжных сокровищах страны, с тем, чтобы они могли четко знать, в какую из библиотек следует отправиться работать с книгами в том или ином случае, была поставлена и вторая задача. Была поставлена задача создать полную картину фондов библиотек страны, которые нуждаются в особых мерах по обеспечению сохранности [59].

Каждый том посвящен отдельной земле страны. Фонды практически всех библиотек всех земель Германии, вне зависимости от их ведомственной принадлежности, охарактеризованы с точки зрения уникальности каждого фонда. В результате проделанной работы было преодолено противоречие, которое объективно сложилось в Германии в связи с отсутствием национальной библиотеки. Справочник объединил все библиотеки страны, которые благодаря участию в этом проекте, стали составными частями реально возникшего объединения библиотек. Это объединение стало представлять собой

своего рода децентрализованную национальную библиотеку — национальную библиотеку, состоящую, по определению Фабиана из сегментов [60].

Позднее аналогичная работа была проведена по той же методике в другой немецкоязычной стране — Австрии, где в 1995—1997 гг. было издано 4 тома «Справочника по исторически ценным книжным фондам в Австрии» («Handbuch der historischen Buchbestände in Österreich»). В 1997—2001 гг. велась работа по созданию «Справочника по немецким исторически ценным книжным фондам в Европе» («Handbuch deutscher historischer Buchbestände in Europa»). Цель этой работы стало раскрытие коллекций изданий на немецком языке, вышедших в свет с момента появления книгопечатания до 1900 г., а также изданий на любых языках, вышедших в свет в этот период на территории Германии и немецкоязычного пространства. Особенно объемными оказались тома, в которых раскрывались фонды библиотек таких стран как Венгрия, Польша, Словакия, Чехия, стран Балтии и Скандинавии. В томе, раскрывающем национальные фонды библиотек России, дана характеристика фондов научных библиотек Москвы и многих регионов России. Наиболее полностью раскрыты фонды библиотек Петербурга [61].

По охвату библиотек проект стал общенациональным. Но при этом он не был государственным. Он был реализован на средства Фонда Фольксваген (Volkswagen-Stiftung).

Фонд Фольксваген — независимое учреждение, основанное правительствами ФРГ и земли Нижняя Саксония в 1961 г. в связи с приватизацией собственности производителей автомобилей, проведенной после второй мировой войны. По состоянию на 2001 г. капитал Фонда составлял около 4 миллиардов немецких марок. Будучи независимым как в хозяйственном плане, так и в своих решениях он выделяет средства на поддержку многих инициатив, удовлетворял в 2000—2001 гг. от 500 до 600 научных заявок в год и предоставлял на научные исследования в Германии и в других странах от 180 до 190 миллионов немецких марок. На проект по созданию Справочника Фонд выделил в целом 25 миллионов немецких марок.

Этот проект был, в свою очередь, дополнен другой важной для библиотек Германии инициативой, которая также была связана с именем проф. Фабиана. В 1989 г. он стал инициатором создания объединения библиотек «Собрание немецких изданий» («Sammlung deutscher Drucke»). Эта работа также была проведена на средства Фонда Фольксваген [62]. Цель этого проекта — решить совместными усилиями крупнейших научных библиотек Германии проблему отсутствия в стране национальной библиотеки. В отличие от других стран Европы и мира такая библиотека, как центр сбора всех документов, изданных на территории страны, в силу специфики развития Германии, так не появилась. Усилиями шести библиотек создана скооперированная

библиотечная система. В эту систему вошли: Баварская государственная библиотека (Мюнхен), Библиотека герцога Августа (Вольфенбюттель); Нижнесаксонская государственная и университетская библиотека (Гёттинген); Городская и университетская библиотека во Франкфурте-на-Майне (она участвует в работе системы вместе с входящей в ее состав, но сохраняющей некоторую самостоятельность Зенкенбергской библиотекой); Государственная библиотека в Берлине «Прусское культурное наследие» и Немецкая библиотека во Франкфурте-на-Майне/Лейпциге [63]. В целом библиотеки объединения выполняют основополагающие функции национальной библиотеки: исчерпывающий сбор документов, изданных в стране, раскрытие этих фондов и создание идеальных условий хранения этих фондов с целью обеспечения их полной сохранности.

Распределение ответственности за обеспечение полноты фондов библиотек — участниц объединения «Собрание немецких изданий» в соответствующий хронологический период осуществляется следующим образом:

1450—1600 гг. — Баварская государственная библиотека;

1601—1700 гг. — Библиотека герцога Августа;

1701—1800 гг. — Нижнесаксонская государственная и университетская библиотека;

1801—1870 гг. — Городская и университетская библиотека (Франкфурт-на-Майне), вместе с Зенкенбергской библиотекой);

1871—1912 — Государственная библиотека в Берлине «Прусское культурное наследие»;

с 1913 г. — Немецкая библиотека [64].

В результате реализации инициатив проф. Фабиана и Фонда Фольксваген в Германии была создана своего рода глобальная исследовательская библиотека. Здесь не может быть рамок ведомства, например, министерства культуры или министерства образования. Не случайно по той же методике были раскрыты фонды библиотек и за пределами Германии, например, Дании. Не случайно и то, что во Франции в 1980-е гг. при разработке основы новой политики государства в области образования, науки и культуры, и в том числе и библиотечного дела, обратили внимания именно на опыт Германии.

Франция практически всегда была своего рода антиподом Германии, ибо здесь все названные сферы по традиции всегда были сосредоточены в центре — в столице страны. В Германии, напротив, исторически сложилось так, что множество научных, образовательных и культурных центров находились в регионах. С начала 1980-х гг. Франция во всех этих сферах проводит политику децентрализации. Объектом огромного внимания и щедрого финансирования со стороны государства становятся и библиотеки регионов страны. При разработке этой программы французские библиотекари опирались на работы

Бернхарда Фабиана и на немецкий опыт. Основная идея одной из самых масштабных и наиболее важных долгосрочных национальных программ, которой стала программа «Patrimoine» («Наследие») [65], была та же — раскрыть исторически ценные книжные фонды всех библиотек вне зависимости от их ведомственной принадлежности на всех без исключения территориях и во всех населенных пунктах страны с целью обеспечения их сохранности.

Заключение

Анализ процесса становления научной библиотеки в контексте научной политики и рассмотрение немецкой научной библиотеки как исходной модели современной научной библиотеки позволяют сделать следующие выводы:

1. Первой подлинно научной библиотекой, т. е. идеально, в соответствии с потребностями ученых, организованной библиотекой, стала созданная в XVIII в. библиотека Гёттингенского университета. Основным элементом концепции библиотеки такой предполагал непрерывное, планомерное и научно обоснованное комплектование литературы с ориентацией на исчерпывающую полноту фондов отечественной и иностранной литературы. Библиотека впервые ставила перед собой задачу ориентироваться только на профессиональную научную деятельность.

2. Идеи всесторонне продуманной политики государства в области науки, образования и культуры были сформулированы в конце XVIII — начале XIX вв. Они были сформулированы И. В. Гёте и реализованы при его активном участии в небольшом тюрингском герцогстве Заксен-Веймар (позднее — герцогство Заксен-Веймар-Эйзенах) Библиотека рассматривалась при этом как один из важнейших объектов, представляющих государственный интерес, как учреждение, играющее важнейшую роль в таких сферах жизни общества как наука, образование и культура.

3. В начале XIX в. более масштабные государственные реформы были проведены по инициативе и при самом активном участии В. Гумбольдта в Пруссии. Проведенные здесь реформы в области образования способствовали распространению идей Гёте относительно возможности свободной научной работы, центром которой должен быть университет, и относительно обязанностей государства обеспечивать необходимую для успешного развития общества степень свободы научных исследований. В отношении развития государства была сделана ставка на всеобщее образование, как на школьное, так и на университетское. Университетское образование приобрело особое значение, поскольку именно университетам отводилась центральная роль в развитии науки. Как институт развития науки библиотека начали играть в жизни общества еще более важную роль. Получив мощную поддержку государства, библиотека начала интенсивно развиваться, и стала способной решить те задачи, которые были поставлены перед ней, как перед институтом развития науки. Универсальная, и, прежде всего университетская, библиотека как институт, в котором учтены интересы всех наук, становится символом единства науки. Государство начинает с тех пор считать поддержку таких жизненно важных для общества сфер, как образование и наука, приоритетным направлением своей деятельности.

4. В XIX в. во время «золотого века» немецкой науки в Германии складывается модель библиотеки, которая уже играет не пассивную, вспомогательную в силу своих возможностей, роль учреждения, оказывающего поддержку науке, а активную роль института-лидера, который не просто поддерживает науку, а обеспечивает ее жизнеспособность. В XX в. эта модель закрепляется, получает дальнейшую поддержку и развивается дальше. Эта модель может быть описана следующим образом:

— Процесс текущего комплектования фондов библиотеки рассматривается как основной процесс, обеспечивающий полноценную связь библиотеки и науки. План комплектования строится на научной основе, т. е. оно должно быть всесторонне продуманным, по возможности сориентированным на исчерпывающую полноту фондов отечественной и мировой литературы. Постепенно, по мере увеличения потока мировой научной литературы, такое комплектование становилось невозможным. При этом сохраняется ориентация на достижение полноты фонда за счет взаимодействия библиотек в масштабах региона или страны в целом на началах координации и кооперации.

— комплектование рассматривается как процесс, неотделимый от процессов обслуживания читателей, исходя из того, что полноценное комплектование возможно только при хорошем знании информационных потребностей читателей библиотеки. Сближение этих процессов может быть достигнуто путем создания специализированных (отраслевых) отделений, в которых обслуживание ведется на базе специализированного фонда. Установление этой взаимосвязи привело к осознанию необходимости введения системы отраслевых референтов, т. е. выделения особой библиотечной специализации, которая предполагает наличие в библиотеке профессионалов, отвечающих как за качество комплектования фондов библиотеки по определенному направлению, так и за качество обслуживания основной части ее пользователей, на которых библиотека осознанно ориентируется.

— Библиотека должна быть организована таким образом, чтобы читатели могли пользоваться ее фондами. Библиотека должна создать для читателей максимально благоприятные условия работы, чтобы читатель действительно мог работать с фондом в определенное время и знать свои читательские права.

— Обязательным условием хорошей организации доступа к фонду должно быть создание системы каталогов библиотеки. Систематический каталог предполагает его построение по научно обоснованной классификации, разрабатываемой с учетом специфики библиотеки. Позднее, в связи с возникновением потребности во взаимодействии библиотек в плане комплектования фондов и совместного пользования ресурсами (фондами) библиотек их читателями возникает вопрос о необходимости обеспечения совместности

каталогов разных библиотек, т. е. достижения унификации подходов к их ведению и использованию классификаций.

— Формирование определенных требований к функционированию библиотеки предполагает формирование определенных профессиональных требований к библиотечному персоналу. Следствием этого стал постепенный отход от сочетания в одном лице руководителя библиотеки и профессора университета, т. е. для обеспечения профессиональной специализации руководителей потребовалось организовать систему передачи профессиональных знаний. Благодаря этому были подготовлены первые профессиональные работы библиотковедческого характера, что, в свою очередь, привело к формированию библиотковедения как научной дисциплины.

— Развитие библиотеки как института науки вызвало необходимость поиска решений архитектурно-планировочного характера, т. е. было положено начало формулированию требований к архитектуре библиотечных зданий и их планировке.

На сложившийся идеал библиотеки уже могли ориентироваться и ориентировались библиотеки Германии и других стран мира, в том числе и России.

5. В начале XX в., после первой мировой войны Германия утрачивает свои позиции ведущей научной державы. Тем не менее, в этой стране библиотека продолжает оставаться важнейшим институтом развития науки, который своим примером продолжал позитивно влиять на развитие науки и в других странах. Это было характерно и для Веймарской республики (1918—1933), и для возникших после второй мировой войны двух германских государств, т. е. Федеративной Республики Германия («старой Федеративной Республике» 1949—1990 гг.), и в Германской Демократической Республики (1949—1990 гг.), а также для вновь объединенной Германии.

В Западной Германии — сначала на территории оккупационных зон стран антигитлеровской коалиции, а затем и в «старой ФРГ», была организована система поддержки науки. Это означало, что государство, поставив перед собой цель обеспечения жизнеспособности страны, возложило на себя значительную часть ответственности за развитие сферы образования, а также сферы науки, являющейся стержнем системы образования. Деятельность федеральных структур в отношении содействия науке и интенсификации ее развития через библиотеки дополнялась деятельностью федеральных земель. Правительства земель и подведомственные им министерства вели образовательную, и, соответственно, научную, а также культурную политику при самом активном участии библиотек земель.

6. В объединенной Германии и положение науки в целом, и финансовое обеспечение библиотек являются предметом острейшей критики, что свя-

зано, прежде всего, с трудностями, обусловленными воссоединением страны. Тем не менее деятельность по оказанию поддержки научным библиотекам ведется здесь на двух уровнях — на центральном (федеральном) и на региональном (земельном). Механизм содействия этим библиотекам четко отработан и доведен, практически, до совершенства, в этой, уже объединенной, стране, что позволяет обеспечить жизнеспособность немецкой науки в целом. Это позволяет добиться реальной совместимости науки, научных учреждений, научного сообщества Востока Германии, где наука развивалась в условиях полной централизации системы управления, с наукой, научными учреждениями, научным сообществом Запада страны.

7. В условиях развития информатизации общества были изменены представления о взаимодействии библиотек в общенациональных (общегосударственных) масштабах. Потенциал научных библиотек гуманитарного профиля — их исторически ценные книжные фонды активно выявляют в масштабах страны с целью как обеспечения доступа широкого круга пользователей к этим фондам, так и их сохранения.

Примечания

Введение

1. Buzás L. Deutsche Bibliotheksgeschichte des Mittelalters. Wiesbaden: Reichert, 1975; Deutsche Bibliotheksgeschichte der Neuzeit (1500—1800). Wiesbaden: Reichert, 1976; Deutsche Bibliotheksgeschichte der Neuesten Zeit (1800—1945). Wiesbaden: Reichert, 1978.

В трехтомной монографии Бузаса история библиотек рассматривается в более широком контексте библиотечной теории и практики. Например, в третьем томе автор, прослеживая процесс формирования библиотечных коллекций и описывая виды их расстановки, уделяет много внимания ведению каталогов, обслуживанию читателей, строительству библиотечных зданий и другим вопросам, но наряду с этим, целая глава этого тома посвящена главному — библиотекарям. Рассмотрены им также и процессы формирования и эволюция конкретных типов библиотек. Отдельные главы посвящены городским, специализированным, народным, церковным, частным и другим библиотекам. Особый интерес представляет большая по объему глава, посвященная истории библиотек высших школ. В ней дана подробная характеристика всех университетов Германии, а также Австрии и немецкоязычных кантонов Швейцарии, приведен обширный статистический материал, который, в частности, дает представление об объеме фондов их библиотек, масштабах книговыдачи и о суммах, выделяемых на их финансирование.

2. Schmitz W. Deutsche Bibliotheksgeschichte. Bern etc.: Lang, 1984.

Книга Шмитца, который представляет собой попытку представить историю немецких библиотек под углом истории формирования фондов библиотек разных типов и видов.

3. Mehl E., Hannemann K. Deutsche Bibliotheksgeschichte. Nachdr. d. 2. überarb. Aufl. Berlin: Schmidt, 1969.

4. Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland. Hrsg. v. B. Fabian. Bde. I—23. Hildesheim etc.: Olms-Weidmann, 1992—1998.

23 тома этого справочника охватывают все библиотеки этой страны, обладающие исторически ценными фондами. В нем помещены развернутые статьи, посвященные общей истории таких библиотек каждой земли Германии. А в статьях, раскрывающих фонды конкретных библиотек, приводится подготовленный по единой схеме раздел, посвященный истории той или иной библиотеки.

5. Johnson E. D. History of libraries in the Western world. 2. ed. Metuchen (N. Y.): Scarecrow-press, 1970.

6. Escolar H. Historia de las bibliotecas. 3. ed. Salamanka; Madrid: Fundación Germán Sánchez Ruipérez, 1990.

7. Vorstius J., Siegfried J. Grundzüge der Bibliotheksgeschichte. 7. neubearb. u. erg. Aufl. Wiesbaden: Harrassowitz, 1977.

8. Greguletz A. Einführung in die Bibliotheksgeschichte: Lehrbrief. Teil 1/3. Humboldt-Univ. zu Berlin. Inst. für Bibliothekswiss. u. wiss. Inform. Berlin, 1978.

9. Mühle W. Einführung in die Bibliotheksgeschichte. Teil 1/2. Humboldt-Univ. zu Berlin. Inst. für Bibliothekswiss. u. wiss. Inform. Berlin, 1976.

10. Uwe J. Kleine Bibliotheksgeschichte. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1993.

11. Handbuch der Bibliothekswissenschaft. Begr. v. F. Milkau, hrsg. v. G. Leyh. 2. verm. u. verb. Aufl. 3. Bd. Wiesbaden: Harrassowitz. 1. Hbd. 1955; 2. Hbd. 1957.

Г. Лей является автором 8-й главы, которая называется «Немецкие библиотеки от Просвещения до современности». Эта глава настолько велика по объему (491 стр.), то можно сказать, что она имела полное право быть изданной и в виде самостоятельной книги: Leyh G. Die deutschen Bibliotheken von der Aufklärung bis zur Gegenwart. Wiesbaden: Harrassowitz, 1956.

В этой работе Лей анализирует историю библиотек, выделив в ней четыре этапа — период начала формирования современных библиотек (1730—1790), наполеоновскую эпоху (1790—1815), классический период развития немецкой науки (1815—1870) и, наконец, период совершенствования научных общедоступных библиотек (с 1870 г. до современности — на тот момент это был конец 1950-х гг.)

12. Bücher und Bibliotheken im 17. Jahrhundert in Deutschland. Vorträge des vierten Jahrestreffens des Wolfenbütteler Arbeitskreises für Geschichte des Buchwesens in der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. 22. bis 24. Mai 1979. Hrsg. v. P. Raabe. Hamburg: Hauswedell & Co., 1979 (Wolfenbütteler Schriften zur Buchgeschichte, Bd. 6).

13. Staatliche Initiative und Bibliotheksentwicklung seit der Aufklärung. Hrsg. v. P. Kaegbein u. P. Vodosek. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. (Wolfenbütteler Schriften zur Geschichte des Buchwesens, Bd. 12).

14. Die Entwicklung des Bibliothekswesens in Deutschland 1945—1965. Hrsg. v. P. Vodosek u. J.-F. Leonhard. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. (Wolfenbütteler Schriften zur Geschichte des Buchwesens, Bd. 19).

15. Herzogin Anna Amalia Bibliothek — Kulturgeschichte einer Sammlung. Hrsg. v. M. Knoche. München; Wien: Carl Hanser Verlag, 1999.

16. Histoire des bibliothèques françaises. Paris: 1989—1992. Vol. 1—4.

17. См.: Vodosek P. Zum Stand der bibliotheksgeschichtlichen Forschung // Gutenberg Jahrbuch. 1994. S. 310.

18. См., например: Хавкина Л. Б. Гёте как библиотекарь // Сов. библиогр. 1936. Вып. 2. С. 93—110.

19. См., например: Ласкеев Н. А. Научные и специальные библиотеки Германской Демократической Республики: Учеб. пособие / ЛГИК. Л., 1978; Ратькова Е. В. Развитие библиотечного дела в европейских социалистических странах после Второй мировой войны (1945—1970 гг.): Учеб. пособие для преп. и аспирантов ин-тутов культуры / МГИК. М., 1974; Скрипкина Т. И. История библиотечного дела за рубежом: Европейские социалистические стран: Учеб. пособие / ЛГИК. Л., 1974; Талалакина О. И. История библиотечного дела за рубежом. М.: Книга. 1982.

20. Наибольший интерес представляют исторические экскурсии в диссертациях В. И. Заборовой (Формирование основ социалистического библиотековедения в Германской Демократической Республике / МГИК. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1972), И. Г. Михайловой (Библиотечная профессиография в Германской Демократической Республике: история и современное состояние / ЛГИК. Автореф. дисс. на соиск. канд. пед. наук. Л., 1988) и Т. И. Ждановой (Проблемы развития библиотечного образования в ГДР / МГИК. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1974).

21. Кравченко А. Г. Библиотечная работа в капиталистических странах (Франция, Германия, Швейцария, США, Англия): Опыт. ист. исслед. III. Библиотеки Германии (1946) // ОР РНБ. Ф. 1119, д. 64.

Основное внимание здесь уделяется истории научных библиотек XIX в. и первых трех десятилетий XX в. Наиболее подробно описана деятельность Прусской государственной библиотеки и других библиотек Пруссии. Особенно детально рассмотрены конкретные практические формы взаимодействия библиотек, например, межбиблиотечный абонемент и сводный каталог. К сожалению, эта работа не была опубликована.

22. Вопросы развития научных библиотек в более широком контексте, правда, в некоторой степени, затрагивает в своей монографии «Исследования по социологии библиотек» Петер Карштедт (Karstedt P. Studien zur Soziologie der Bibliothek. 2. durchges. u. vermeh. Aufl. Wiesbaden: Harrassowitz, 1965), но целью его работы, представляющей собой социологическую интерпретацию библиотечной истории, является преимущественное рассмотрение лишь одной черты библиотеки — ее публичности. Более подробно, но лишь в отношении конкретного исторического периода, эти вопросы рассмотрены в монографии Бернхарда Фабиана «Книга, библиотека и гуманитарное исследование», и в основном, в главе II «Историческое наследие: политика в области науки и развитие библиотечного дела после 1880 г.» (См.: Фабиан Б. Книга, библиотека и гуманитарное исследование / БРАН. СПб., 1996. С. 38—59).

23. Кузьмин Е. И. Библиотечная Россия на рубеже тысячелетий. Государственная библиотечная политика и управление библиотечным делом: смена парадигмы. М.: Либерия, 1999.

24. Фирсов В. Р. Государственное законодательное регулирование деятельности библиотек / РНБ. СПб., 2000.

Глава 1.

1. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 106.

2. Там же. С. 102.

3. Согласно знаменитому афоризму Фрэнсиса Бекона., мир изменили три изобретения — книгопечатание, порох и компас. См., например: Фабиан Б. Библиотека и Просвещение // История библиотек. Исследование, материалы, документы. Сост. И. Г. Матвеева, Б. Ф. Володин / РНБ. СПб., 1996. Вып. 1. С. 196.

4. Цит. по: Гусерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 108.

5. Бродель Ф. Что такое Франция? Пространство и история. М., 1994. С. 152.

6. Kotarski E. Institutionen literarischer Kommunikation in Städten des Ostseeraums vom 16.—18. Jahrhundert // Bibliotheca Baltica. 2. Symposium vom 11. bis 15. Mai 1994 in der Universitätsbibliothek Tartu. Hrsg. v. M. Ermel u. R. Schweitzer. Tartu, 1996. S. 20.

7. См.: Клинге М. Мир Балтики. Хельсинки, 1995. С. 51.

8. Krëslinš J. Die Ausbreitung des Buches und die Geschichte der Bibliotheken im Ostseeraum // Bibliotheca Baltica. Symposium vom 15. bis 17. Juni 1992 in de Bibliothek der Hansestadt Lübeck im Rahmen der Initiative ARS BALTICA. Hrsg. v. J. Fligge u. R. Schweitzer. München u. a., 1994. S. 39.

9. Цит. по: Luther M. Werke. Kritische Gesamtausgabe. Weimar, 1899. Bd. 15. S. 49—52.

10. Цит. по: Luther M. An die Ratsherren aller Städte, daß sie christische Schulen aufrichten und halten sollen // Ausgewählte Werke. München, 1923. Bd. 6. S. 95.

11. См. об этом: Thauer W., Vodosek P. Geschichte der öffentlichen Büchereien in Deutschland. 2., erweit. Aufl. Wiesbaden, 1990. S. 15.

12. Цит. по: Luther M. An die Ratsherren aller Städte. . . S. 98.

13. Там же. С. 97.

14. Там же. С. 81.

15. Roloff A. Die Bibliothekskonzeption Martin Luthers // Marginalien. 1983. N 1. S. 8—16.

16. Библиотеку этого типа называют по-разному. Чаще всего по отношению к ней пользуются современным понятием «публичная библиотека», имея в виду то, что она обслуживает достаточно широкий круг образованных людей. Это особенно характерно для небиблиотковедческой литературы (См., например: Kotarski E. Institutionen. . . S. 24); История Таллина (до 60-х годов XIX века. Таллин, 1983. С. 280). В профессиональной библиотковедческой литературе даются иные определения. Говорят, например, об этих библиотеках как о предшественницах типа «научной городской библиотеки» (wissenschaftliche Stadtbibliothek) (см.: Thauer W., Vodosek P. Geschichte der öffentlichen . . . S. 15); как о новом типе библиотеки, употребляя в качестве синонимов понятия «городская библиотека» (Stadtbibliothek) и «библиотека общины» (Gemeindebibliothek) (см.: Uwe J. Kleine Bibliotheksgeschichte. Stuttgart, 1993. S. 87—88). По отношению к этим библиотекам крайне нежелательным представляется применение современных терминов, основных для современного библиотечного дела понятий «публичная библиотека» или же «научная библиотека». Само понимание городской библиотеки того времени как общедоступной представляется спорным уже потому, что сами библиотеки в соответствии с традициями своего времени были открыты всего по несколько часов в неделю. Речь же должна идти о типе библиотеки, суть которого можно понять только в контексте эпохи Реформации. Наиболее точным представляется в этом случае понятие «городская библиотека», но опять же не в отвлеченном варианте, а в связи с определенной исторической эпохой, т. е. «городская библиотека эпохи Реформации». Это не исключает возможности пользования различными другими определениями, характеризующими принадлежность данной библиотеки, в том числе и названным выше определением «Gemeindebibliothek». Но это означает, что если воспользоваться этими определениями, то речь пойдет уже не о типе библиотеки, а о виде библиотеки данного типа (о городской библиотеке эпохи Реформации), т. е. о конкретной эпохе, что не отрицает признания тесной связи этого типа библиотеки с развившимся в дальнейшем типом городской библиотеки.

17. В большой степени, хотя и при многих оговорках, был связан с Ганзейским союзом Новгород, (см., например: Андреев В. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989. С. 60—70; Лихачёв Д. С. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959. С. 14—15), самый большой по численности населения город Балтийского региона того времени, но библиотек этого типа там не было и быть не могло.

18. Schmitz W. Deutsche Bibliotheksgeschichte. Bern u. a., 1984. S. 60.

19. В то время появилось большое количество городских библиотек еще одного вида, которые назывались и «библиотеками общины» («Gemeinde-

bibliotheken») и «публичными библиотеками при церквях» («die öffentlichen zugänglichen Bibliotheken an Kirchen»). Такой библиотекой стала, например, основанная сразу же после Реформации — в 1552 г. при церкви св. Олая библиотека в Таллине.

20. Гулыга А. Кант. М., 1981. С. 11.

21. В этом отношении наиболее показательной представляется ситуация с наиболее известными библиотеками Англии — страны, где собственно и зародилось движение Просвещения. Так, сами современники описывали Бодлеанскую библиотеку в Оксфорде следующим образом: «Библиотека, созданная в лучших традициях кладовой раритетов, представляла собой, прежде всего, некую достопримечательность, и поглядеть на нее приходили даже крестьяне и их жены, которые смотрели на эту библиотеку, как баран на новые ворота, и при этом они так шумели и топали ногами, что сбивали с толку всех остальных» (Фабиан Б. Библиотека и Просвещение. . . С. 199).

22. Очень точно характеризует противоречие между потребностями в воплощении идеалов Просвещения в библиотечном деле и реальным состоянием библиотек Б. Фабиан: «. . . Нельзя сделать вывод, что между наукой и Просвещением обязательно должна существовать тесная взаимосвязь. В те времена все еще можно было быть хорошим ученым, не будучи при этом просвещенным современником. Это следовало бы учитывать сегодня при изучении эпохи Просвещения» (Фабиан Б. Библиотека и Просвещение. . . С. 215). По его мнению, гораздо большую роль в распространении идей Просвещения сыграли «не привязанные к традиционной библиотеке эфемерные формы, которые влияли на ход событий: в основном, это журнал и книга карманного формата» (Там же).

23. Не случайно в начале XVIII в. Петр I пригласил на службу из Германии с целью подготовки каталога своей библиотеки Иоганна Даниэля Шумахера (см.: Леонов В. П. Судьба библиотеки в России: Роман-исследование. СПб., 2000. С. 102).

24. Так например, Иоганн Иоахим Винкельман (1717—1768), как ученый, в особенности как исследователь культуры античности, получил большую известность и в России, оказал огромное влияние на формирование мировоззрения и пристрастия многих российских деятелей науки и культуры, в том числе первого директора Императорской Публичной библиотеки А. Н. Оленина. Но при этом ни современники Винкельмана, ни их потомки не придавали особого значения, или вовсе не знали о том, что он на протяжении нескольких лет своей жизни, находясь на службе у графа Генриха фон Бюнау, саксонского государственного деятеля, был и библиотекарем с 1748 г. по 1754 г. в одной из лучших библиотек Европы того времени его замке Нётт-

ниц, расположенном недалеко от Дрездена. В обязанности Винкельмана входило составление каталога библиотеки.

Библиотечная карьера Винкельмана также свидетельствует о том, что немецкие библиотекари высоко ценились в Европе владевшие искусством составления каталогов именно личных библиотек. Винкельман в 1757 г. становится библиотекарем кардинала и папского статс-секретаря Альбериго Аркинто в Риме.

Деятельность Винкельмана в качестве библиотекаря впоследствии была предметом профессионального библиотекведческого исследования (См.: Bollert M. Johann Joahim Winckelmann als Bibliothekar // Zentralb. für Bibliothekswesen. 1936. Bd. 53. N 5. S. 482—489). Ей придают большое значение и исследователи жизни и деятельности ученого (См., например очерк И. Е. Бабанова в кн.: Винкельман И. И. История искусства древности. Малые сочинения. СПб., 2000. С. 465—468, 475).

25. Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716) — немецкий философ, ученый, библиотекарь. Президент первой общегерманской Академии наук, президент Прусской академии наук в Берлине (с 1700 г.).

Был связан с библиотечным делом на протяжении практически всей своей профессиональной деятельности. С 1667 г. был личным библиотекарем майнцского министра И. К. фон Бойнебурга, затем, с 1676 г. — библиотекарь и историограф Придворной библиотеки в Ганновере. С 1690 г. параллельно с этой работой исполняет обязанности руководителя Придворной библиотеки в Вольфенбюттеле. Как библиотекарь поддерживал особенно тесные профессиональные отношения и переписывался с французским библиотекарем Габриэлем Нодэ, польским библиотекарем и математиком Адамом Коханьским и итальянским библиотекарем Лодовико Антонио Муратори. Принимал участие в реорганизации работы ряда крупнейших личных библиотек Европы своего времени, в том числе библиотек французского короля Людовика XIV и папы римского.

Свои взгляды по вопросам классификации знаний, соответствующей не только потребностям науки, но и организации библиотечного обслуживания, Лейбниц излагал в связи с открытием Академии наук в Петербурге в письме российскому императору Петру I.

26. Цит. по: Widmann H. Leibniz und sein Plan einen «Nucleus librarius» // Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel. 1961. Bd. 17. S. 1627—1634.

27. По мнению шведского историка библиотек Эрика Карлквиста, это был план создания некой научной республики, которая на деле представляла собой некую «суперорганизацию, наполовину рациональную и наполовину утопическую», и именно правительство должно было выполнять по отношению к ней определенные обязательства (Carlqvist E. Leibniz as librarian // Library

history. 1995. V. 11. P. 35). Нельзя не согласиться с тем, что план был не лишен утопичности, ибо ряд его положений не мог быть реализованным в те годы просто потому, что общество было не готово к восприятию этих, столь прогрессивных идей. Но сами идеи, заложенные в этом плане, по сути, представляли собой попытку создать основу политики, которую следует вести в области науки. Библиотеке, как одному из важнейших институтов, обеспечивающих определяющих развитие науки, была отведена в этом плане очень важная роль.

28. Текст этой работы Лейбница опубликован в кн.: Feller J. F. *Ottium Hannoveranum*. . . Leipzig, 1718. S. 128—139. См. также: Bohmeer A. *Von der Renaissance bis zum Beginn der Aufklärung // Handbuch der Bibliothekswissenschaft*. Leipzig, 1940. Bd. 3.; Guhrauer G. E. *Bibliothekarisches aus Leibnizens Leben und Schriften // Serapeum*. 1851. Jg. XII. N 1. S. 1—16; N2. S. 17—30; N3. S. 33—42.

29. С необходимостью решить этот вопрос на практике Лейбниц впервые столкнулся в 1667 г., когда возникла потребность привести в порядок библиотеку Бойнебурга.

Лейбниц создавал классификацию наук с точки зрения практических потребностей человека. При разработке своего варианта классификации Лейбниц взял за основу широко распространенную систему так называемой «факультетской классификации» швейцарского ученого Конрада Геснера (1516—1565). Она состоит из 10-ти основных разделов: богословие, юриспруденция, медицина, философия духа, математика (философия воображаемых вещей), физика (философия чувственных вещей), языкознание (филология), гражданская история, история письменности и библиотечное дело, общие работы и смешанные материалы. Разумеется, была заимствована не система в целом, а лишь подход к классификации книг, который Лейбниц называл «систематическим пандектным методом Геснера» (См. об этом: Шамурин Е. И. *Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации*. М., 1955. Т. 1. С. 146).

30. См., например: Schmieder A., Stäber P. *Der Bibliothekar Leibniz im Urteil der Zeit // Zentrallbl. für Bibliothekswesen*. 1988. N 12. S. 486—493.

31. Цит. по: Фабиан Б. *Библиотека и Просвещение*. . . С. 200—201.

32. Там же.

33. Среди крупных научных библиотек Германии следовало бы, например, выделить и Королевскую библиотеку в Дрездене, которая благодаря реформам ее руководителя Иоганна Михаэля Франке (1717—1775), превратилась в одну из передовых библиотек Германии. Реформы затронули прежде всего область организации обслуживания широкой публики, и их целью было создание комфортных условий для работы читателей.

34. Имеются все основания считать, что Мюнхаузен был единомышленником, а во многих отношениях и последователем великого английского ученого Фрэнсиса Бэкона, и даже воплощением бэконовского идеала воспитания «образованного человека, способного управлять наукой» (Цит. по: Фабиан Б. Гёттингенская университетская библиотека в XVIII веке // История библиотек. Исследования, материалы, документы . Сост. И. Г. Матвеева, Б. Ф. Володин/ РНБ. СПб., 2000. Вып. 3. С. 198).

35. Там же.

Следует отметить то, что в отношении судьбы Библиотеки Гёттингенского университета в Германии на протяжении многих лет доминировала точка зрения, согласно которой данная библиотека рассматривалась как инкарнация идей Г. В. Лейбница (См.: Hartmann K. J, Füchsel H. Geschichte der Göttinger Universitäts-Bibliothek. Göttingen, 1937. S. 9).

36. Насколько высоко оценивали современники именно Гёттингенский университет и его библиотеку, свидетельствуют воспоминания тех, кто там учился и воспринял гёттингенский опыт как идеальную модель университета своего времени. Это можно сказать и о русских выпускниках этого университета среди которых один из лидеров декабристского движения Н. И. Тургенев, и его брата А. И. Тургенев, а также умеренный либерал, лицейский учитель А. С. Пушкина — А. П. Куницын, член Союза Благоденствия гусар Ю. Л. Каверин, профессор Дерптского университета А. С. Кайсаров и др. В России Гёттингенский университет называли «блаженной ученой республикой» — так охарактеризовал этот университет в одном из писем А. И. Тургеневу И. Ф. Журавлев (Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 8). Хотя сам А. С. Пушкин не только не учился в нем, но и никогда не был там, в первом, черновом варианте его «Евгения Онегина» появляются посвященные этому университету строки, которые отражали отношение наиболее передовой русской интеллигенции к этому учебному заведению:

По имени Владимир Ленский,
Душою школьник Геттингенский,
Красавец в полном цвете лет,
Крикун, мятежник и поэт.
Он из Германии свободной
/Привез/ учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий прямо благородный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

37. Цит. по: Фабиан Б. Гёттингенская университетская библиотека . . .
С. 201.

38. Там же. С. 207.

39. По мнению ученого Фридриха Гедике, «многие профессора своей литературной славой обязаны лишь библиотеке, которая их обеспечила всеми средствами для их научной работы, какие только можно пожелать» (Там же. С. 208).

40. Библиотека Гёттингенского университета является в настоящее время одной из крупнейших в Германии научных библиотек универсального профиля и центральной региональной библиотекой земли Нижняя Саксония. Ее функции определены в соответствии с законом о высшей школе земли Нижняя Саксония, принятым в 1978 г. Выполнение функций центральной региональной библиотеки означает, прежде всего, то, что она является публичной и обслуживает широкий круг читателей, не связанных непосредственно с университетом.

В годы второй мировой войны большая часть здания библиотеки была разрушена. Несмотря на разрушения, библиотека продолжала работать. Общий объем фонда в 1945 г. составлял около 1 миллиона томов. В 1949 г. библиотека получила новое название — «Нижнесаксонская государственная и университетская библиотека в Гёттингене» (Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen), которое сохраняется по настоящее время.

41. Георг Лей (1877—1968) — немецкий библиотечный деятель и библиоковед. Связан с библиотечным делом с 1904 г. Работал в Университетской библиотеке в Галле. В 1921 г. стал ее директором. С 1921 по 1947 руководил Университетской библиотекой в Тюбингене. В 1928 г. получает звание университетского профессора. С 1922 по 1944 гг. был главным редактором ведущего немецкого библиотечного журнала — «Zentralblatt für Bibliothekswesen». Участвовал в подготовке первого издания «Handbuch der Bibliothekswissenschaft» («Справочник по библиотековедению»), 1931—1944, был главным редактором второго издания (1952—1965).

42. Leyh G. Die Deutschen Bibliotheken... S. 169.

43. Там же. S. 170.

44. См. например: Buzas L. Deutsche Bibliotheksgeschichte der Neuesten Zeit... S. 33.

45. Schrettinger M. Versuch eines vollständigen Lehrbuches der Bibliothekswissenschaft. 2 Bde. München, 1808—1829.

46. Schrettinger M. Handbuch der Bibliothek-Wissenschaft. München, 1835.

47. Ebert F. A. Bildung des Bibliothekars. Leipzig, 1820.

48. Акцент на гуманитарную природу библиотековедения будет сделан значительно позже Ф. Милькау и Г. Леем. Но еще в первой половине XIX в. Ф. А. Эберт не ограничивался тем, что сам не без иронии называл «педантической немецкой тоской по систематизации» и предпринял попытку создания

научной теории. А датчанин К. Мольбех, обобщивший, в первую очередь, уникальный опыт немецких библиотек, особо подчеркивал то, что библиотечное дело могло бы претендовать на научность только в том случае, если бы в его основе было заложено «беспрерывное усовершенствование научной или энциклопедической системы порядка». — См.: Molbech C. Über Bibliothekswissenschaft oder Einrichtung und Verwaltung öffentlicher Bibliotheken. Nach der 2. Aufl. des Dänischen Originals übersetzt v. H. Ratjen. Leipzig, 1833. S. 246.

49. См., например: Buzas L. Deutsche Bibliotheksgeschichte der Neuesten Zeit... S. 104.

50. В годы учебы в Дрезденской артиллерийской школе в 1780—1785 гг. А. Н. Оленин посещал Королевскую библиотеку в Дрездене как читатель.

51. Это отражено и в названии книги, посвященной данной библиотеке: Ebert F. A. Öffentliche Bibliothek zu Dresden. Leipzig, 1822.

52. Именно комплектование фонда отечественной литературы было приоритетной задачей на протяжении первых десятилетий развития библиотеки, поскольку основой ее фонда явилась Библиотека Речи Посполитой имени Залуских — национальной библиотеки Польши, насчитывавшая около 400 тыс. томов, а в ней практически отсутствовали книги на русском языке. — См. об этом: Володин Б. Ф. Европейский феномен Библиотеки Залуских // Петербургская библиотечная школа. 1997. N 3. С. 49.

53. За период с 1811 по 1849 гг. Библиотека приобрела 10 246 книг, но при этом доля иностранных книг составила всего 6—7 тыс. См., например: История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 32.

54. См.: Голубева О. Д. М. А. Корф. СПб., 1995. С. 105.

55. При Бутурлине одним из важнейших требований, предъявляемых к сотрудникам библиотеки, являлось знание иностранных языков. В 1843 г. министр народного просвещения поддержал его предложение, согласно которому каждый желающий работать на должности библиотекаря должен был владеть русским, французским, немецким, латинским, греческим языками (или вместо одного из них каким-нибудь восточным языком); помощник библиотекаря должен был знать русский и три иностранных языка.

56. Он руководил Библиотекой с 1849 по 1861 гг. и вошел в ее историю как реформатор, который сделал ее одной из лучших в мире. В 1850 г. по его предложению она была передана в ведение Императорского двора, поэтому ассигнования на ее содержание возросли почти вдвое.

57. Так охарактеризовал их М. А. Корф в одном из писем к В. Ф. Одоевскому: «Ce sont les perles de la Bibliothèque». Цит. по: Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814—1914. СПб., 1914. С. 211).

58. История Тартуского университета. 1632—1982. Таллин, 1982. С. 74, 77.

59. См.: Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland. Bd. 17. Sachsen. A-K. Hrsg. v. F. Krause. Bearb. v. W. Guth, D. Debes. Hildesheim etc., 1997. S. 102.

60. Наиболее полно отраслевая структура Придворной библиотеки в Дрездене была раскрыта в книге: Ebert F. A. Öffentliche Bibliothek. . . S. 149—195.

61. Идея формирования универсальности библиотеки путем достижения полноты отдельных частей ее фонда была наиболее глубоко обоснована Робертом фон Модем (1799—1875), который в 1836—1844 гг. руководил университетской библиотекой в Тюбингене. См. напр.: Geiger K, Robert von Mohl als Vorstand der Tübinger Universitäts-Bibliothek // Zentralbl. für Bibliothekswesen. 1900. Bd. 17. S. 161—191). В дальнейшем, в 1880-е гг. идея универсальности библиотеки была воплощена на более высоком — региональном уровне. За полноту подбора литературы по той или иной сфере знаний отвечает одна из библиотек региона, а универсальность обеспечивается всеми библиотеками, входящими в систему.

62. Так, К. Беккер совмещал, например, службу в Библиотеке с преподаванием немецкой словесности в Пажеском корпусе в период с 1850 по 1862 гг. В 1859 г. была издана его книга «Краткий очерк немецкой литературы» («Kurzer Abriss der deutschen Literaturgeschichte»). Х. Ф. Вальтер проявил себя как исследователь-библиограф. Он же был автором более двух десятков од на латинском языке. А Б. Дорн получил известность как востоковед-историк. В свою очередь Р. Минцлов был известен как библиограф и книговед, а также как переводчик произведений русских писателей на немецкий язык, в том числе А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Э. Муральт был автором большого числа научных трудов по археологии и истории. Ярко раскрылись и «остзейские» немцы: Е. Е. Беркгольц как историк, а В. А. Ген как историк культуры и филолог. Более подробно см. статьи-персоналии в кн.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1. Императорская Публичная библиотека / РНБ. 1795—1917. СПб., 1995.

63. В одном из писем к Одоевскому Корф, в частности, писал: «...Беккер есть, вне сомнений, один из добросовестнейших и полезнейших наших библиотечарей, которые без шума, без хвастовства, и почти без вознаграждения, трудятся несравненно более многих других» (Цит. по: Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. СПб., 1914. С. 108)

Оставаясь подданным Ганноверского королевства, а затем, после объединения германских государств О. В. Бисмарком — подданным Пруссии,

Беккер прожил в России почти 25 лет. Оставив в чине действительного статского советника государственную службу в России, он вернулся в Германию, жил в земле Баден в г. Карлсруэ, где стал активно заниматься исследовательской деятельностью и написал такие книги как «История земли Баден во времена римлян» («Geschichte des badischen Landes zur Zeit der Römer». Karlsruhe, 1876) и «Попытка решения кельтского вопроса через определение различий кельтов и галлов» (Versuch einer Lösung der Celtenfrage durch Unterscheidung der Celten und der Gallier. Karlsruhe, 1883).

64. Императорская Публичная библиотека за сто лет. . . С. 205—206.

65. Рапорт К. Беккера и В. И. Соболевского в дирекцию Императорской Публичной библиотеки 28 июня 1857 г. // Архив РНБ. 1857. Ед. хр. 55. Л. 4 об. — 5.

66. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки. . . С. 65.

67. Содержание «проекта» изложено в служебной записке Беккера, поданной на имя Одоевского 19 января 1858 г. // Архив РНБ. Ф. 1. Оп. N 1. 1858. N 60.

68. Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1858. N 60. Л. 1. Здесь Беккер цитирует Мольбега по изданию: Molbech C. Über Bibliothekswissenschaft. . . S. 142.

69. Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1858. N 60. Здесь Беккер цитирует Эберта по изданию: Ebert F. A. Die Bildung des Bibliothekars. . . S. 9.

70. Корф создал за границей разветвленную сеть комиссионеров. Главным комиссионером стал книготорговец во Франкфурте-на-Майне Иосиф Бер. Комиссионеры действовали в различных городах Германии и других стран. Деловые партнерские отношения были установлены и с библиотеками многих стран, чему способствовали и поездки самого Корфа в 1851, 1856 и 1860 гг. в разные страны Европы, в том числе и государства Германии. Среди 30-ти крупнейших университетов мира, с которыми Библиотека установила отношения, были и три крупнейших для того времени университета Германии — Берлинский, Гёттингенский и Гейдельбергский.

71. Леликова Н. К. Почетные члены и почетные корреспонденты Императорской Публичной библиотеки // Публичная библиотека: люди, книги, жизнь: Сб. статей. СПб., 1998. С. 29—40.

72. См. статьи, посвященные коллекциям Российской национальной библиотеки в российском томе «Справочника по немецким исторически ценным книжным фондам в Европе»: Handbuch deutscher historischer Buchbestände in Europa. Bd. 8. I. St. Petersburg. Bearb. v. B. F. Volodin. Hildesheim etc., 2001. S. 67—145.

73. См.: Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1858. N 60. Л. 24.

74. Там же. Л. 25.

75. Там же. Л. 26.

76. В протоколе последнее положение было даже подчеркнуто. См.: Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1858. N 60. Л. 24.

77. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки. . . С. 111.

78. Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1858. N 60. Л. 24.

79. Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1858. N 60. Л. 24.

80. См.: История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки. . . С. 78.

81. Разработанные Беккером правила были переведены на русский язык А. А. Стойковичем, и с середины 1860-х гг. стали считаться официальной инструкцией, получившей известность под названием «Подробные правила ведения каталогов Императорской Публичной библиотеки. . .». Это была комплексная инструкция по вопросам ведения как инвентарного, так и алфавитного и систематического каталогов. — См.: История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки. . . С. 102.

Глава 2.

1. Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749—1832)- немецкий писатель, поэт, ученый, государственный деятель. С 1776 г. состоял на государственной службе в герцогстве Заксен-Веймар-Эйзенах (Германия).

Оптимальные условия функционирования Герцогской библиотеки были созданы благодаря активности сотрудников библиотеки, и в первую очередь активности главного помощника Гёте Кристиана Августа Вульпиуса (1762—1827), официально занимавшего должность регистратора.

В последние годы жизни Гёте и в дальнейшем важную роль в развитии этой библиотеки сыграла супруга веймарского великого герцога Карла Фридриха, дочь российского императора Павла I, великая герцогиня Мария Павловна (1786—1859).

Гёте проявил себя как книголюб и библиофил. Его личная библиотека, отражающая широкие научные интересы ученого, хранится в его Доме-музее в Веймаре. Она является одним из наиболее богатых и тщательно подобранных книжных собраний Европы конца XVIII — начала XIX вв.

2. Конради К. О. Гёте. Жизнь и творчество. М., 1987. Т. 1. Половина жизни. С. 360.

3. Hausherr H. Goethe als Minister. Neue Quellen und Forschungen // Wiss. Z. Univ. Halle, Ges. - Sprachw. 1954. Jg. 3. N. 2. S. 353.

4. Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981. С. 582.

5. См.: Goethe I. W. An I. K. Lavater, d. 19. Febr. 1781 // Werke. November 1780—30. Juni 1782. Weimar, 1889. IV Abt. Bd. 5. S. 55.

Здесь и в дальнейшем ссылки на непереуведенные на русский язык документы и письма Гёте даны по Берлинскому 16-томному изданию собрания сочинений Гёте (Poetische Werke). Ссылки на работы, отсутствующие в этом издании, даны по полному Веймарскому собранию сочинений (Werke) с указанием соответствующей серии (Abteilung).

6. Goethe I. W. Über die verschiedenen Zweige der hiesigen Tätigkeit. Ein Vortrag // Werke. Weimar, 1914. I Abt. Bd. 53. S. 175—192.

7. «Общество пятницы», которое объединило ученых и деятелей культуры, возникло в 1791 г., а вместе с Гёте его устав подписали К. Г. Фойгт и Виланд, а также ученый Иоганн Готфрид Гердер, писатель Карл Людвиг Кнебель, книготорговцы Иоганн Иохим Боде и Фридрих Иоганн Юстин Бертух, придворный аптекар Вильгельм Генрих Буххольц. В дальнейшем круг участников встреч расширялся. С самого начала деятельности общества на его заседаниях присутствовали герцог и члены его семьи. Встречи, организацией которых руководил сам Гёте, проходили регулярно, в первую пятницу каждого месяца у Анны Амалии — в ее Вдовьем дворце (Wittum-Palais) в Веймаре или в ее летней резиденции в Тифурте. — См., например: Saletin U. Anna Amalia. Wegbereiterin der Weimarer Klassik. Köln etc., 1996. S. 166.

8. См.: N 7. S. 178.

9. Цит. по: Paunell E. Goethe als Bibliothekar // Zentralbl. für Bibliothekswesen. 1949. Jg. 63. N 7/8. S. 248.

10. Цит. по: Гёте И. В., Шиллер Ф. Переписка. М., 1988. Т. 2. С. 354.

11. Goethe I. W. Tag- und Jahreshefte als Ergänzung meiner sonstigen Bekenntnisse // Poetische Werke. Berlin; Weimar, 1981. Bd. 16. S. 127.

12. Там же. S. 71.

13. Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда // Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 3. С. 203.

14. Goethe I. W. Tag- und Jahreshefte. . . S. 80.

15. Там же. S. 71.

16. См., например: Kiel R. -M. Goethe und das Bibliothekswesen in Jena und Weimar // Bibliothek und Wissenschaft. Wiesbaden, 1981. Bd. 15. S. 14—16.

17. См.: Конради К. О. Гёте. Жизнь и творчество. . . С. 341.

18. Так, например, в Веймаре жил и в 1553 г. умер художник Лукас Кранах Старший, создавший, в частности, алтарь для Городской церкви. Здесь же сложилась богатейшая коллекция работ как Кранаха-старшего, так и Кранаха-младшего, ибо именно здесь сын Кранаха-младшего собрал такую коллекцию работ обоих художников. С 1707 по 1717 гг. здесь жил и работал в качестве придворного органиста Иоганн Себастьян Бах.

19. Henkel G., Otte W. Herzogin Anna Amalia — Braunschweig und Weimar. Stationen eines Frauenlebens im 18. Jahrhundert. Braunschweig, 1995. S. 27.

20. Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. . . С. 284.

21. Boyle N. Goethe: der Dichter in seiner Zeit. München, 1991. Bd. 1. 1749—1790. S. 289.

22. Цит. по: Weimar im Urteil der Welt. Stimmen aus drei Jahrhunderten. Hrsg. v. H. Greiver-Mai. Berlin; Weimar, 1977. S. 99.

23. Там же. S. 101.

24. На рубеже XVIII—XIX вв. произошли изменения архитектурного облика города. То, чем стал Веймар, несомненно, является результатом огромной духовной работы самого Гёте. Ему же принадлежат идеи по внесению изменений в планировку и по созданию условий для дальнейшего развития в соответствии с планом строительства города. Под влиянием Гёте многие здания Веймара обрели черты классицизма. Среди них и «Зеленый замок» — здание Герцогской библиотеки. На месте располагавшегося рядом с центром Веймара старого парка, в долине реки Ильм вблизи Герцогской библиотеки по эскизам Гёте был разбит новый — в английском стиле — огромный ландшафтный парк. Из окон «Зеленого замка» со стороны фасада открывается вид — на одну из центральных площадей города, с противоположной стороны — на царство природы.

25. Именно здесь столь полно раскрылся талант всемирно известного бельгийского архитектора Анри ван дер Вельде (1863—1957), который был приглашен на работу в Баухауз в 1901 г. и проработал там до 1917 г. Здесь же позднее преподавал с 1922 по 1925 гг. Василий Кандинский (1866—1944). А годом раньше, в 1921 г. начал преподавать Пауль Клее (1870—1940).

26. Веймар начал притягивать к себе художников, которые стали приезжать сюда — иногда на короткое время, иногда задерживались на годы. Так, с 1860 по 1862 гг. здесь жил знаменитый Арнольд Бёклин. Его жена Ангела Бёклин впоследствии писала: «Веймарский ландшафт, такой прекрасный и величественный, не притягивал моего мужа. В течение двух лет он не сделал на природе ни одного этюда. Несмотря на это, он очень хорошо чувствовал себя в этом узком кругу. Филистерская жизнь и строгий этикет двора действовали плодотворно на него, на его характер» (Цит. по: Raabe P. Spaziergänge durch Goethes Weimar. Zürich, 1990. S. 136).

27. Позднее, в конце XIX — начале XX вв. в Веймаре сложилась и своя школа живописи, известная во всем мире как Веймарская, одним из представителей которой был преподаватель Школы искусств Людвиг фон Хофман (1861—1945). А директор Музея искусств Великого герцогства Заксен-Веймар-Эйзенах (с 1903 по 1906 гг.), идеолог модернизма граф Гарри Кесслер

(1868—1937) высказал идею превратить Веймар в международный центр искусств, и очень многое сделал для ее реализации.

28. В Веймарском театре Гёте реализовал свои идеи по организации театра (См., например: Аникст А. А. Гёте и театр // Гётевские чтения. 1993. М., 1994. С. 15). Гёте, в частности, реализовал здесь свои представления о театре как театре ансамблем, сравнивал при этом театральную труппу с оркестром.

Веймарский театр стал лучшим театром Германии того времени и оставался таким в дальнейшем. Так, в XX в. в Веймаре жили крупные немецкие драматурги, например, Эрнст фон Вильденбух (1845—1909), хорошо известный как автор патриотических пьес, представитель неоромантизма Пауль Эрнст (1866—1933), экспрессионист Георг Кайзер (1878—1945). Здесь же жил и работал драматург Эрнст Хардт (1876—1947), который заняв должность интенданта, возглавил в 1919 г. Веймарский театр и добился того, что театру был присвоен особый статус, отразившийся в его названии — Немецкий национальный театр (Deutsches Nationaltheater). Это название театр сохраняет и по сей день.

29. Цит. По: Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. . . С. 70.

30. Цит. по: Henning H. Die Bibliothek der Nationalen Forschungs- und Gedenkstätten in Weimar. Vergangenheit und Gegenwart der Zentralbibliothek der deutschen Klassik / Weimar. Tradition und Gegenwart. 2. erweit. Aufl. Weimar, 1981. Н. 26. S. 10.

31. Bojanowski P. Aus der ersten Zeit der Leitung der großherzoglichen Bibliothek durch Goethe (1797—1800). Weimar, 1899. S. 12.

32. См.: Henning H. Die Bibliothek der Nationalen Forschungs- und Gedenkstätten. . . S. 12.

33. См.: Seifert S. «Niemand wird lügen, daß ein Real-Catalog das Fundament einer jeden Bibliotheks-Anstalt sey». Bemerkungen zum historischen Real-katalog der Weimarer Bibliothek // Historische Bestände der Herzogin Anna Amalia Bibliothek zu Weimar. Beiträge zu ihrer Geschichte und Erschließung; mit Biographie. München etc., 1992. S. 55—92.

34. Keudell E. Goethe als Benutzer der Weimarer Bibliothek: ein Verzeichnis der von ihm entliehenen Werke. Weimar, 1931. S. IX.

35. Die Benutzungsordnung der Weimarer Bibliothek von 1798. Mit einer Einführung v. K. Kratzsch. Weimar, 1990. S. 10—11.

36. Bojanowski P. Aus der ersten Zeit der Leitung. . . S. 10—12.

37. В Библиотеке хранятся 4 тома рабочих дневников ее сотрудников (формата folio). Эти дневники велись с 22 апреля 1799 до 9 ноября 1822. Отдельные фрагменты этих записей воспроизведены в статье: Kratzsch K. Staats-

beauftragter für die Weimarer Bibliothek // Goethe in Weimar. Ein Kapitel deutscher Kulturgeschichte. Leipzig, 1986. S. 106.

38. Lerche O. Goethe und die Weimarer Bibliothek. Leipzig, 1929. S. 40.

39. Там же. S. 36—37.

40. Цит. по: Vogel C. Goethe in amtlichen Verhältnissen. Jena, 1834. S. 103.

41. Там же.

42. См.: Kiel R. -M. Goethe und das Bibliothekswesen in Jena und Weimar // Bibliothek und Wissenschaft. Wiesbaden, 1981. Bd. 15. S. 27.

43. Herzogin Anna Amalia Bibliothek... S. 80.

44. См.: Raabe P. Goethe als Bibliotheksreformer // Bibliographie und Berichte. Festschrift für Werner Schochow. Hrsg. v. H. Walravens. München etc., 1990. S. 154.

45. Herzogin Anna Amalia Bibliothek — Kulturgeschichte. . . S. 87—88.

46. Там же. S. 101.

47. Leyh G. Die Deutschen Bibliotheken... S. 169.

48. Buzás L. Deutsche Bibliotheksgeschichte der Neuesten Zeit... S. 17.

49. Веймарская библиотека оказывала влияние на другие придворные библиотеки Германии, которые не хотели находиться в тени ее славы. Наиболее ярко это проявилось в Готе, в герцогстве Заксен-Гота. См.: Bachmann G. Herzogin Marie von Sachsen Coburg und Gotha geborene Herzogin von Württemberg 1799—1860. Coburg, 1999. S. 147.

50. Определение «функция памяти» (Gedächtnisfunktion) принадлежит Ульрике Штеервальд. См.: Herzogin Anna Amalia Bibliothek — Kulturgeschichte. . . S. 103.

51. Впоследствии Веймар как культурная столица оказывал сильное влияние на другие страны Европы. Особенно ярким примером тому стала попытка создать венгерский Веймар на озере Балатон в городе Кестхей. Инициатором создания венгерского Веймара был граф Дьердь Фештетич. Центром венгерского Веймара стала библиотека, которая разместилась во дворце графа Фештетича — Helikon-könyvtár. Библиотека была построена в 1799—1801 гг. Главный зал библиотеки в Кестхее был стилизован под знаменитый Рококо-зал Веймарской библиотеки. Этот зал хорошо сохранился, и его сходство в залом в Веймаре можно уловить и сегодня (см., например: Keresztury D. Híres magyar könyvtárak. Budapest: RTV-Minerva, 1982).

В дальнейшем, и особенно в конце XX века, выполнение функции культурного центра в контексте всей «культурной инфраструктуры» культурной метрополии стало характерным для научных библиотек гуманитарного профиля, в том числе универсальных, обладающих большими коллекциями исторически ценной литературы этого профиля.

52. Цит. по: Scurla H. Wilhelm von Humboldt. Reformator — Wissenschaftler — Philosoph. München, 1984. S. 333.
53. См.: Paulin R. Goethe, the brothers Grimm and academic freedom. Inaugural lecture 9 may 1990. Cambridge, 1991. P. 9.
54. Об обязанностях Гёте как министра Великого герцогства Заксен-Веймар-Эйзенахского в эти годы см. например: Конради К. О. Гёте. Жизнь и творчество. М., 1987. Т. 2. Итог жизни. С. 448—453.
55. Цит. по: Steiger G. «Ich werde doch nach Jena gehn». Ein Buch um Geschichte und Geschichten, Bilder, Denkmale aus vier Jahrhunderten Universität Jena. Jena, [1971]. S. 86.
56. Цит. по: Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. . . С. 409.
57. См.: Briefwechsel des Herzogs/Grossherzogs Carl August von Weimar. Göttingen, 1973. Bd. 3. S. 516.
58. См.: Tümmler H. Reformbemühungen Goethes um die Universität Jena // Goethe Jahrbuch. Weimar, 1972. Bd. 89. S. 140.
59. Там же. S. 144.
60. Цит. по: Schiller F. An Christophine Reinwald, 16. 05. 1790 // Schillers Briefe. Stuttgart etc., (1892). Bd. 3. S. 78.
61. Цит. по: Schiller F. An Gottlob Voigt, den 6. 04. 1795 // Schillers Briefe. Stuttgart etc., (1894). Bd. 4. S. 160.
62. Цит. по: Goethe I. W. An Schelling, den 27. Sept. 1800 // Werke. Weimar, 1894. IV Abt. Bd. 15. S. 117.
63. Так, в 1797 г. Гёте писал: «После того, как Фихте опубликовал в философском журнале новое изложение его учения о науке. . . время летит столь стремительно, будто падает камень с горы, и никто не знает, откуда оно пришло и где оно находится» (Цит. по: Goethe I. W. An I. H. Meher, d. 18. März 1797 // Werke. Weimar, 1893. Bd. 12. S. 74). Впоследствии, когда Фихте пришлось покинуть Йену, во-первых, из-за резкой критики его атеистических суждений, в том числе со стороны герцога Карла Августа, а во-вторых, из-за его бескомпромиссности и чрезмерной категоричности, Гёте очень сожалел об этом и считал, что его отъезд — потеря для университета. Но на их личных отношениях вынужденная отставка Фихте никак не отразилась.
64. См.: Geschichte der Universität Jena. 1548/58—1958. Festgabe zum vierhundertjährigen Universitätsjubiläum. Jena, 1958. Bd. 1. Darstellung. S. 235.
65. Цит. по: Schiller F. An Wilhelm von Wolzogen. 4. Sept. 1803 // Schillers Briefe. Stuttgart etc., (1892). Bd. 7. S. 68.
66. Цит. по: Goethe I. W. Tag- und Jahreshefte. . . S. 109.
67. Цит. по: Goethes Briefwechsel mit Christian Gottlob Voigt. Weimar, 1951. Bd. 2. S. 342.

68. См.: Goethe I. W. An den Herzog Carl August. Am 1. Sept. 1803 // Werke. Weimar, 1894. Bd. 16. S. 283.
69. Цит. по: Schiller F. An Wilhelm von Humboldt. 17. Febr. 1803 // Schillers Briefe. Stuttgart etc., (1892). Bd. 7. S. 14.
70. См.: Goethe I. W. Tag- und Jahreshefte. . . S. 65.
71. Там же. S. 100.
72. Там же. S. 276.
73. Там же. S. 284.
74. Цит. по: Bulling K. Zur Jenaer Tätigkeit des Weimarer Bibliothekars Christian August Vulpius während der Jahre 1802 bis 1817 // Zeitschrift des Vereins für Thüringische Geschichte und Altertumskunde. Jena, 1941. 23. Beiheft. S. 114—115.
75. Bulling K. Goethe als Erneuer und Benutzer der jenaischen Bibliotheken. Leipzig, 1982. S. 24—28.
76. См.: Brandis K. G. Goethes Plan eines Gesamtkatalogs der weimarischen Bibliotheken // Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft. Bd. 14. Weimar, 1928. S. 163.
77. Идея создания сводного каталога, по мнению многих исследователей библиотечной деятельности Гёте, была высказана в мировой библиотечной практике впервые. Ирмтрауд Шмид настолько высоко ее оценила, что назвала свою работу «Гёте как основатель библиотековедения?», и утвердительно ответила в ней на этот вопрос (См.: Schmid I. Goethe als Begründer der Bibliothekswissenschaft? // Impulse. Ausätze, Quellen, Berichte zur deutschen Klassik und Romantik. Berlin; Weimar, 1986. Folge 9. S. 339—354). Она исходит из того, что идея создания сводного каталога положила начало исторически важному этапу истории библиотечного дела и библиотечной науки. По ее мнению, Мартин Шреттингер, считающийся в Германии основоположником библиотековедения, описал в своем учебнике именно идеи Гёте. А Карл Георг Брандис понимает идею сводного каталога как конкретизацию высказанной в 1795 г. самим же Гёте мысли о достижении «виртуального единства» библиотек Веймарского герцогства (См.: Brandis K. G. Goethes Plan eines Gesamtkatalogs. . . S. 153).
78. Goethe I. W. Tag- und Jahreshefte. . . S. 267.
79. Цит. по: Фирсов Г. Г. Библиотечная деятельность Гёте. Гёте и библиотеки Веймара и Йены // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. 1984. Вып. 94. С. 8; Более подробно об этом см.: Düntzer H. Goethe und die Bibliotheken zu Weimar und Jena // Centr. — Bl. für Bibliothekswesen. 1884. Jg. 1. H. 3. S. 89—105.
80. См.: Geschichte der Universität Jena. . . S. 329.
81. Там же. S. 328.

82. Bohmüller L., Marwinski K. Bibliotheksalltag 1820. Aus den Diensttagebüchern des jenaer Universitätsbibliothekars Georg Gottlieb Güldenapfel und seiner Mitarbeiter. Jena, 1988. S. 20.

83. Цит. по: Goethe I. W. Tag- und Jahreshefte. . . S. 284.

84. Цит. по: Bohmüller L., Marwinski K. Bibliotheksalltag 1820. S. 5.

85. Цит. по: Goethe I. W. Tag- und Jahreshefte. . . S. 298.

86. Там же. S. 284.

87. Там же.

88. См.: Paunell E. Goethe als Bibliothekar // Zentr. — Bl. für Bibliothekswesen. 1949. Jg. 63. N 7/8. S. 258.

89. Там же. S. 250.

90. Bojanowski P. Aus der ersten Zeit der Leitung der Großherzoglichen Bibliothek durch Goethe (1797—1800). Weimar, 1899. S. 16.

91. См.: Bulling K. Zur Jenaer Tätigkeit. . . S. 11.

92. Müller F. Unterhaltungen mit Goethe / Anmerkungen versehen u. hrsg. von R. Grumach. Weimar, 1982. S. 51.

93. Цит. по: Vogel C. Goethe in amtlichen Verhältnissen. . . S. 38.

94. См.: Müller F. Unterhaltungen mit Goethe. . . S. 51.

95. Bohmüller L., Marwinski K. Bibliotheksalltag 1820. . . S. 98.

96. Позднее, уже в середине XX века, на необходимость усиления контакта библиотекаря с миром природы указали архитекторы, и первым был финский архитектор Алвар Аалто, который дал библиотекарю Выборгской городской библиотеки возможность «видеть» окружающий библиотеку парк «сквозь» стены служебных коридоров. См., например: Володин Б. Ф. Человечные библиотеки Алвара Аалто // Петербургская библиотечная школа. 1998. N 3/4. С. 40.

97. См.: Цит. по: Bulling K. Zur Jenaer Tätigkeit. . . S. 111.

98. Там же. S. 108.

99. См.: Geschichte der Universität Jena. . . S. 534—535.

100. Goethe I. W. An C. E. A. von Hoff, 19. Apr. 1819 // Werke. Weimar, 1905. IV Abt. Bd. 31. S. 133.

101. См.: Bulling K. Zur Jenaer Tätigkeit. . . S. 111.

102. См.: Bulling K. Goethe als Erneuer und Benutzer. . . S. 5.

103. См.: Цит. по: Goethes Briefwechsel mit Christian Gottlob Voigt. Weimar, 1951. Bd. 2. S. 55.

104. О перемещении фонда Гёте рассказывал Эккерману несколько лет спустя, 15 марта 1830 г., и в изложении последнего эта история стала известной (См.: Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. . . С. 609—611). Она обычно приводится в юмористическом духе (См.: Soret F. Zehn Jahre bei Goethe. Erin-

nerungen an Weimars klassische Zeit 1822—1832. Leipzig, 1929. S. 401—402; Лешбург В. Гёте — библиотекарь // Библиотекарь. 1980. N 8. С. 57).

105. Raabe P. Goethe als Bibliotheksreformer. . . S. 172; Goethes Briefwechsel mit Christian Gottlob Voigt. Weimar, 1962. Bd. 4. S. 397.

106. Goethes Briefwechsel mit Christian Gottlob Voigt. Weimar, 1962. Bd. 4. S. 397.

107. За основу системы расстановки фонда и системы каталогов была взята гёттингенская модель, но при этом были учтены особенности библиотеки в Йене. Весь фонд был отражен в многотомном рукописном каталоге (Bandkatalog), который сохранился до настоящего времени, хотя старое здание библиотеки было разрушено в результате англо-американской бомбардировки в конце второй мировой войны. Впоследствии каталог был отреставрирован и переплетен заново (См.: Bohmüller L., Marwinski K. Bibliotheksalltag 1820. . . S. 98).

108. Цит. по: Vogel C. Goethe in amtlichen Verhältnissen. . . S. 49.

109. См.: Vogel C. Goethe in amtlichen Verhältnissen. . S. 49.

110. Классификацией Гюльденапфеля в библиотеке пользовались до 1950 г. Систематический каталог был служебным и до 1945 г. считался важнейшим вспомогательным инструментом поиска литературы. Основные разделы классификации Гюльденапфеля приведены в кн.: Bulling K. Goethe als Erneuer und Benutzer. . . S. 11—12.

111. Там же. S. 14.

112. Там же. S. 15—16.

113. См.: Paunell E. Goethe als Bibliothekar. . . S. 247.

114. См.: Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. . . С. 530.

115. Не без удовлетворения отмечал Гёте в беседе с Эккерманом, что собранные благодаря энтузиазму И. Г. Гердера и его сподвижников народные песни были напечатаны и теперь имеются в библиотеках (Там же. С. 531). Но, как отмечал Гёте, «. . . пройдет еще несколько столетий, прежде чем все наши земляки проникнутся духом истинно высокой культуры» (Там же. С. 531). Иными словами, форсировать этот процесс невозможно, но можно способствовать его постепенному развитию, и в этом он также видел возможности, обеспечить которые может именно библиотека.

116. Там же. С. 586.

117. Возможно в будущем объединении германских земель Гёте также видел немало положительного, но при этом, по его глубокому убеждению, должны были сохраниться те преимущества, которые достигнуты отдельными государствами в условиях раздробленности страны, поскольку одна огромная столица «не может способствовать развитию отдельных талантов, равно как и благо народных масс» (Там же. С. 585). Гёте считал, что в про-

цессе развития Германии особая роль отведена именно библиотекам — публичным библиотекам. Он полагал, что крайне полезным является распространение по всей Германии публичных библиотек, через которые население будет приобщаться к культурной жизни, и будет обеспечена связь «с народным благосостоянием, всегда идущим с нею (с культурой — Б. В.) об руку» (Там же. С. 586). А доказывая преимущества политики децентрализации в сфере науки, образования и культуры, Гёте проводил аналогию с Францией, где эта политика имела исключительно централизованный характер, а главную роль в ее реализации играла именно столица — Париж, и отсюда вытекали различного рода противоречия в отношении развития отдельных регионов страны. Если продолжить эту мысль Гёте, то есть все основания отметить, что в конце XX в. позитивные для всей страны изменения в названных сферах жизни общества произошли во Франции именно благодаря пересмотру принципов этой политики и переориентации на политику децентрализации — на интересы конкретных регионов страны.

118. См.: Distel T. *Güldenapfel über Goethes Leitung der Universität zu Jena (1817 f.)* // *Goethe — Jahrbuch*. Frankfurt a. M., 1903. Bd. 24. S. 278.

119. См.: *Geschichte der Universität Jena*. . . S. 331—332.

120. См.: Preusker K. *Über Nacherziehung und Nachschulen, in Bezug auf die bereits aus der Schule entlassene, gereifere Jugend*. Leipzig, 1842. S. 54.

Более подробно об этом см.: Knoche M. *Volksbibliotheken und Staat im Vormärz* // *Staatliche Initiative und Bibliotheksentwicklung seit der Aufklärung*. Hrsg. v. P. Kaegbein, P. Vodosek. Wiesbaden, 1985. S. 1.

121. Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835) — ученый-языковед, стремившийся создать «всеобщую науку о языке». Автор ряда философских работ, в которых он отстаивал идеалы свободного развития человека в современном ему государстве. Эти идеи он, будучи государственным служащим, пытался реализовать в практической деятельности и как министр Пруссии и как дипломат. 10 февраля 1809 г. король Пруссии Фридрих Вильгельм III назначил Вильгельма фон Гумбольдта на должность тайного государственного советника, в ведении которого был и отдел культов и обучения.

В связи с тем, что его государственная деятельность не вписывалась в советскую версию истории Германии, его имя отсутствует даже в наиболее полной работе, посвященной новой истории Германии — двухтомной монографии «Германская история в новое и новейшее время», подготовленной Институтом всеобщей истории Академии наук СССР (М., 1970).

122. Scuria H. *Wilhelm v. Humboldt. Reformator-Wissenschaftler-Philosoph*. München, 1984. S. 216.

123. Там же. S. 333.

124. Goethe I. W. An Marie Anna Louise Nicolovius, geb. Schlosser, /den 27. Januar 1809] // Werke. Weimar, 1896. Bd. 20. S. 290.

Следует отметить, что Берлин тоже казался В. фон Гумбольдту узким полем деятельности и даже отсталым, в сравнении с Парижем, городом. Вскоре после того, как он окончательно поселился в Берлине, он даже жаловался на то, что у него нет желания жить там (См.: Scuria H. Wilhelm v. Humboldt. . . S. 236).

125. Цит. по: Die Idee der deutschen Universität. Darmstadt, 1956. S. 381—382.

126. Leyh G. Die Deutschen Bibliotheken. . . S. 167.

127. Цит. по: Borsche T. Wilhelm von Humboldt. München, 1990. S. 64.

128. См.: Там же. S. 65.

129. Карл Дзяцко (1842—1903) получил образование в области классической филологии в Боннском университете. Его учителем был профессор классической филологии Фридрих Вильгельм Ритшл (1806—1876), директор библиотеки университета.

Библиотечной деятельностью занимался с 1871 г. — первоначально как сотрудник университетской библиотеки во Фрейбурге. В 1872—1886 гг. — главный библиотекарь (Oberbibliothekar) Университетской библиотеки в Бреслау. С 1886 совмещал аналогичную должность с должностью профессора библиотековедения в Гёттингенском университете, где издавал серию трудов «Собрание библиотековедческих трудов» («Sammlung bibliothekswissenschaftlicher Arbeiten»). Став первым университетским профессором в области библиотековедения, Дзяцко рассматривал библиотековедение как науку, вспомогательную по отношению к библиотечной работе, и употреблял понятие «библиотечные вспомогательные науки» (Bibliothekshilfswissenschaften). При этом библиотековедение понималось им расширительно, и включало в сферу своих интересов, например, историю книги.

130. См.: Fabian B. Buch, Bibliothek und geisteswissenschaftliche Forschung. Zu Problemen der Literaturversorgung und der Literaturproduktion in der Bundesrepublik Deutschland. Göttingen, 1983. S. 64.

131. Адольф фон Харнак (1851—1930) — немецкий ученый-теолог. Занимал должность профессора в университетах Лейпцига, Гиссена, Марбурга и Берлина, где преподавал историю церкви. В 1890 г. стал членом Академии наук. На посту президента Общества императора Вильгельма (Kaiser-Wilhelm Gesellschaft) проявил себя как один из самых активных и умелых организаторов. Автор многочисленных работ, посвященных вопросам развития науки и научной политике (См.: Harnack A. Wissenschaftliche Reden und Aufsätze. Zusammengest. u. hrsg. v. B. Fabian. Hildesheim etc.: Olms-Weidmann, 2001). С 1905 по 1921 гг. был генеральным директором Прусской государст-

венной библиотеки в Берлине. Его роль в развитии библиотечного дела Германии была высоко оценена как современниками, так и последующими поколениями (См., например: Kunze H. Grundzüge der Bibliothekslehre. 4. Aufl. Leipzig, 1977. S. 424).

132. Buzás L. Deutsche Bibliotheksgeschichte der neuesten Zeit. . . S. 46.

133. Фридрих Альтхофф (1839—1908) наиболее ярко проявил себя как инициатор реформы высшей ступени школы и университетов. Традиционно признается как один из главных организаторов науки в Германии наряду с такими личностями как Г. В. Лейбниц и В. фон Гумбольдт. Привлекал к работе директоров библиотек, например, О. Хартвига и К. Дзяцко и тесно сотрудничал с ними. Альтхофф, в частности, выпустил в 1893 г. распоряжение об организации особых отделов научных библиотек (wissenschaftliche Bibliotheksdienst).

134. Фабиан Б. Книга, библиотека и гуманитарное исследование / БРАН. СПб., 1996. С. 55.

135. Там же. С. 43—44.

136. Водосек П. Библиотечное дело Веймарской республики // История библиотек: Исследования, материалы, документы. Сост. И. Г. Матвеева, Б. Ф. Володин / РНБ. СПб., 1998. Вып. 2. С. 177.

137. Фритц Милькау (1859—1934) — немецкий библиотечный деятель и библиотеквед. С библиотечным делом связан с 1888 г. Основы библиотечного дела изучил и освоил в процессе работы в университетских библиотеках Кёнигсберга, Бонна и Берлина.

С 1902 по 1907 гг. был директором университетской библиотеки в Грейфсвальде. С 1907 по 1921 гг. руководил университетской библиотекой в Бреслау. Одно из наиболее значимых достижений в работе библиотеки в эти годы связано с созданием славянского фонда, который стал одним из наиболее полных в Германии собраний книг на славянских языках. С 1921 по 1925 гг. являлся генеральным директором Прусской государственной библиотеки в Берлине. В то же самое время он выполнял обязанности председателя библиотечной комиссии Общества экстренной помощи немецкой науке. После ухода в отставку с поста генерального директора в связи с достижением пенсионного возраста продолжал работать в Берлинском университете в качестве гонорарного профессора. С 1928 по 1934 гг. был директором Института библиотековедения при этом университете. Здесь под его руководством и при самом активном участии Милькау в 1931—1933 гг. был подготовлен к изданию главный библиотековедческий труд ученого — первые два тома уникального, не имевшего аналогов многотомного издания, посвященного истории развития мировой библиотечной теории и вопросам практики — «Справочника по библиотековедению» («Handbuch der Biblio-

thekswissenschaft»), первое издание которого начало выходить еще при жизни Милькау (*Handbuch der Bibliothekswissenschaft*. 1. Aufl. Bd. 1—3. Leipzig, 1931—1942). В этой работе он многоаспектно рассмотрел содержательные вопросы библиотековедения и доказал значение этой науки. В дальнейшем эта работа была продолжена Георгом Леем.

138. См.: Фабиан Б. Книга, библиотека и гуманитарное исследование. . . С. 55—56.

139. См.: Richards P. S. *Aryan librarianship: academic and research libraries under Hitler* // *Journal on library history*. 1984. Vol. 19. N 2. P. 231—258.

140. См.: Komorowski M. *Die wissenschaftlichen Bibliotheken während des Nazionalsozialismus* // *Bibliotheken während des Nazionalsozialismus*. Hrsg. v. P. Vodosek, M. Komorowski. Wiesbaden, 1989. T. 1. S. 3.

141. Референтом министерства, отвечающим за научные библиотеки, стал Рудольф Куммер (он работал до этого в Баварской государственной библиотеке). Он являлся составителем библиографического указателя «Раса в письменности». В Берлине он подготовил к изданию антисемитский труд «Распутин: орудие евреев» («*Rasputin: Ein Werkzeug der Juden*»), которое выдержало семь изданий. По его инициативе 7 декабря 1936 г. был учрежден Имперский совет по библиотечным делам, в состав которого вошли преимущественно члены национал-социалистской партии (См.: Komorowski M. *Die wissenschaftlichen Bibliotheken während des Nazionalsozialismus*. . . S. 4—5).

142. См.: Richards P. S. *Scientific information in wartime. The Allied-German rivalry, 1939—1945*. Westport (Connecticut); London, 1994. P. 55—56.

В качестве важного аргумента Памела Ричардс приводит оценку состояния дел с получением зарубежных изданий научными библиотеками Германии в нацистский период по 1945 г. включительно, данную Георгом Леем. Лей полагал, что иностранные публикации стали такими же раритетами, как и рукописные книги (Leyh G. *Die deutschen wissenschaftlichen Bibliotheken nach dem Kriege*. Tübingen, 1947. S. 13).

143. См.: Richards P. S. *Aryan librarianship*. . . P. 237.

144. Там же.

145. Отдельные библиотеки и в еще большей степени сами ученые продолжали приобретать иностранную литературу вопреки всем запретам. После 1937г. именно к частным лицам вынуждены были обращаться за помощью те государственные учреждения, которые непосредственно препятствовали проникновению иностранных изданий в Германию и в первую очередь Тайная полиция (Gestapo) и Германская разведка (Abwehr) (См.: Там же. P. 244).

146. Так, например, в Тюрингской земельной библиотеке в Веймаре сложилось собрание печатных изданий, получившее название «Социалистика»

(«Sozialistica»), включающее более 1200 ед. хр. Это собрание сохранилось и сохраняется как самостоятельная коллекция по сей день (См.: Herzogin Anna Amalia Bibliothek — Kulturgeschichte... S. 174—175)/.

147. De Coudres H. P. Das verbotene Schrifttum und die wissenschaftlichen Bibliotheken // Zentralbl. für Bibliothekswissenschaft. 1935. Bd. 52. September /Oktober . S. 459—471.

148. Richards P. S. Scientific information in wartime. . . P. 58—59.

149. См.: Komorowski M. Die wissenschaftlichen Bibliotheken während des Nazionalsozialismus. . . S. 12.

150. Richards P. S. Aryan librarianship. . . P. 231.

151. Принципиальное отличие тоталитарного режима в государстве реального социализма от других тоталитарных режимов заключается в его природе. Согласно определению А. С. Ахиезера, реальный социализм — это форма промежуточной цивилизации, осложненной расколом, где ведущим фактором является монополия на дефицит» (Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурн. словарь). М., 1991. Т. 3. С. 361).

152. Так, с первых лет советской власти ощущалось постепенное ужесточение контроля за пользованием библиотечными фондами. На первых порах большевистское правительство клятвенно заверяло о необходимости провозглашения свободы слова, но 6 июня 1922 г. был введен институт тотальной цензуры — Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) (Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». СПб., 1994. С. 82).

В 1923 г. была подготовлена инструкция о пересмотре состава фондов библиотек. Подпись под этим документом ставит Н. К. Крупская.

153. Так советские научные библиотеки были официально сориентированы на обслуживание новых категорий читателей. В 1930 г. Н. К. Крупская, настаивая на необходимости преодоления «академической замкнутости» научных библиотек, подчеркивала, что в них еще сильны старые традиции, отгораживающие библиотеку от читателя: «У нас думают, что это дело лишь массовых библиотек, а в научные библиотеки приходит лишь ученый-специалист. Это не так. . . Откройте шире двери библиотек!» (Цит. по: Крупская Н. К. Из беседы с директорами научных и краевых (областных) библиотек // О библиотечном деле: Сб. трудов. М., 1986. Т. 5. С. 226).

154. В СССР изоляция науки от мирового сообщества имела иной характер. Отдельные науки по-прежнему сохраняли прежние свои названия, но по своей природе становились частично или полностью непохожими на те, какими они были в понимании мирового научного сообщества, превращались в «квазинауки». Менее всего это было характерно для физики и математи-

ки, а в большей степени затронуло гуманитарные науки. Ради благополучного существования «квазинаук» проводились соответствующие чистки архивов и библиотек, а затем был разработан и налажен механизм отторжения «не-нужной информации». Более мягкой формой уничтожения книг и архивных документов стало их «засекречивание, например, архивов или фондов иностранных журналов, доступ к которым разрешается лишь «проверенным членам квазинаучного сообщества» (См.: Леглер В. А. Идеология и квазинаука // Наука и власть/АН СССР. Ин-т философии. М., 1990. С. 20).

155. В немецкой библиотечной литературе высказывается мнение, что нацисты не добились своих целей в значительной степени и потому, что не смогли подчинить себе библиотеки, прежде всего общедоступные. — См.: Simon E. Bibliothekswesen in den USA: Eine Einführung. München etc., 1985. S. 98—99.

156. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. . . С. 391.

157. Идеология тоталитарного государства может быть определена как «защищаемая государством псевдокультура, формирующаяся при участии профессионалов — идеологов (Там же. С. 106).

158. См., например: Кульбякин В. Д. Очерки новейшей истории Германии. М., 1962. С. 498.

159. В 1990-е гг. подобная сторона деятельности советских специалистов стала предметом переосмысления под углом рассмотрения этого процесса как процесса «сталинизации» библиотечного дела Восточной Германии. См.: Greguletz A. Der Beginn der stalinistischen Weichstellung für das DDR-Bibliothekswesen. Legende und Realität 1945—1949 // Die Entwicklung des Bibliothekswesens in Deutschland 1945—1965. Hrsg. v. P. Vodosek, J.-F. Leonhard. Wiesbaden, 1993. S. 221—247.

Основания для такого разоблачительного анализа имелись, но следует принимать во внимание и то, что советские библиотечные работники принесли большую пользу в деле восстановления библиотек этой части Германии, о чем впоследствии много писали в ГДР. См. например: Краузе Ф. Помощь советских товарищей в восстановлении Немецкой государственной библиотеки в Берлине (1945—1949) // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. 1985. Вып. 102. С. 50—51; Kunze H. Demokratisierung und sozialistische Umgestaltung. 1945—1965 // Deutsche Staatsbibliothek. 1661—1961. Bd. I. Geschichte und Gegenwart. Leipzig, 1961. S. 49—51). Особенно часто упоминается имя Маргариты Ивановны Рудомино (См., например: Рётч Х. Немецкая библиотека в Лейпциге на службе общественного прогресса (1945—1949 и 1980-е гг. // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. 1986. Вып. 102. С. 55).

В личном деле одного из советских специалистов — библиотекаря ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Г. А. Снимшиковой имеется документ, характеризующий ее деятельность в советской оккупационной зоне, в котором, оценивая высоко ее профессиональные качества, ей ставят в вину то, что она в ущерб задачам политическим занималась решением задач профессиональных (личное дело Г. А. Снимшиковой хранится в архиве РНБ).

160. См.: Greguletz A. Der Beginn der stalinistischen Weichstellung für das DDR-Bibliothekswesen. . . . S. 246.

161. Там же. S. 235.

162. Этот термин был введен в научный оборот профессором Манфредом Хайнеманом и представлен им на организованной по его инициативе открытой дискуссии на тему «Советизация, самосоветизация и десоветизация, проходившей в рамках международной конференции в Галле в 1996 г. Термин «самосоветизация» (Selbstsozjetisierung) означал стремление пойти при переносе и внедрении советского опыта в процессе «социалистического строительства» еще дальше, и «опередить» советских товарищей.

163. Marks E. Die Entwicklung des Bibliothekswesens der DDR. Berlin, 1985. S. 58—61.

164. Там же. . . S. 66.

165. Подробно о системе так называемого «ящика с ядами» («Giftschrank»), как в ГДР неофициально называли «спецхран» см.: Wolle S. Die heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR 1971 / 1989. Berlin, 1998. S. 149—150.

166. Так, в Эстонской ССР ББК никогда не применяли. Причина этого кроется в том, что библиотечные работники Эстонии стремились во что бы то ни стало сохранить совместимость своих каталогов с каталогами библиотек других стран мира и потому так «основательно» и так долго переводили на эстонский язык таблицы ББК, не переходя к ее внедрению, что до внедрения этой классификации дело так и не дошло. В условиях «оттепели» и в последующие годы — при всех сложностях этих лет — подобное проявление духовного сопротивления было возможным.

167. Самые большие закупки вели в 1920-е гг. США. Наиболее крупные приобретения были сделаны Гарвардским и Стэнфордским университетами и Библиотекой Конгресса (Library of Congress) (См.: Ричардс П. С. Библиотечные связи США и Советского Союза в 1920—30-х гг. Анализ взаимного интереса и недоверия // Судьбы библиотек дореволюционной России: 20—30-е гг.: Тез. сообщений конф. РНБ. Санкт-Петербург, 1—3 октября 1996 г. СПб., 1996. С. 7—9).

168. См.: Wolle S. Die heile Welt der Diktatur. . . S. 151.

169. Исключением был только краткий реферат о Немецкой государственной библиотеке (Deutsche Staatsbibliothek) в Берлине: Юньева Т. Публичная научная библиотека в Берлине // Библиотекарь. 1953. N 11. С. 44—46.

170. Процесс изучения опыта немецких коллег начался, разумеется, раньше, до «оттепели». Как писал С. И. Тюльпанов, один из советских специалистов, который активно участвовал в восстановлении деятельности учреждений образования, науки и культуры в советской оккупационной зоне Германии, писал: «Мы не только учили, но также многому учились» (Цит. по: Tjul'panov S. I. Vom schweren Anfang // Weimarer Beiträge. 1967. N 5. S. 732).

Что касается библиотечного дела, то его изучением в 1970—1980-е гг. особенно активно занимались В. И. Заборова, Т. И. Жданова, Н. А. Ласкеев, Т. И. Скрипкина, Т. С. Ступникова и другие (См., например: Жданова Т. И. Проблемы развития библиотечного образования в ГДР: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук / МГИК. М., 1974; Заборова В. И. Формирование основ социалистического библиотековедения в Германской Демократической Республике: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук / МГИК. М., 1972; Ласкеев Н. А. Научные и специальные библиотеки Германской Демократической Республики: Учеб. пособие / ЛГИК. Л., 1974; Скрипкина Т. И. История библиотечного дела за рубежом: Европ. соц. страны: Учеб. пособие / ЛГИК. Л., 1974; Ступникова Т. С. Библиотечное дело в Германской Демократической Республике // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. 1958. Вып. 1. С. 5—67). Эти и другие ученые пытались, прежде всего, осмыслить богатейшее наследие немецких библиотековедов, показать, как современная библиотечная теория и практика формировалась под влиянием лучших традиций классического немецкого библиотековедения.

171. «Расколотое небо» («Der geteilte Himmel») — название романа Кристи Вольф, одной из самых популярных писательниц ГДР. Это произведение получило признание и в других странах, в том числе и в СССР. В названии романа очень точно передано то состояние, в котором жили граждане этой страны.

172. См. об этом: Schroder K. Der SED-Staat. Partei; Staat und Gesellschaft 1949—1990. München, 1998.

173. См.: Das war die DDR. Eine Geschichte des anderen Deutschlands. Hrsg. v. W. Kenntemich, M. Durniok u. Th. Karlauf. Berlin, 199. S. 155.

174. Эту идеологическую установку особенно ярко отразил в в пьесе «Пруссаки идут» («Die Preussen kommen») драматург Клаус Хаммель. Сразу же после ее опубликования в 1982 г. она стала одной из самых популярных в ГДР.

175. См.: Wolle S. Die heile Welt der Diktatur. . . S. 148.

176. Ferret C. Les bibliothécaires de République Démocratique Allemande: Entre compromis et résistance // Bull. bibl. France. 1997. Т. 42. P. 61—62.
177. См. об этом: Карташов Н. С. 1) Формирование библиотечно-территориальных комплексов. Новосибирск, 1978; 2) Развитие единой библиотечной сети в СССР // Сов. библиотековедение. 1984. N 4. С. 25—38.
178. Принципы сотрудничества библиотек и служб НТИ были выработаны на съезде Немецкого библиотечного союза в Эрфурте, посвященном теме «Информационная деятельность библиотек в условиях научно-технической и культурной революции» в 1966 г. — См.: Informationstätigkeit der Bibliotheken unter der Bedingungen der wissenschaftlich-technischen und kulturellen Revolution: Thesen zur Jahreshauptversammlung des Deutschen Bibliotheksverbandes 1. bis 3. Juni 1966 in Erfurt. /Erfurt, 1966/. В дальнейшем эти положения и принципы были закреплены в уставах и других документах, регламентирующих деятельность библиотек и служб НТИ, например, в типовом уставе окружной универсальной научной библиотеки (Zur Entwicklung Wissenschaftlicher Allgemeinbibliotheken in den Bezirken: Empfehlungen /Zentralinst. für Bibliothekswesen. Berlin, 1974. S. 54—55), а затем и в соответствующих документах, касающихся конкретных окружных библиотек.
179. Marks E. Die Entwicklung des Bibliothekswesens der DDR. . . . S. 128—129.
180. В качестве примера региональной кооперации для центра округа можно привести региональную библиотечную систему Лейпцига, а в качестве системы для среднего по величине города региональную библиотечную систему Веймара.
181. Керн В. Библиотечное дело Германской Демократической Республики. Берлин, 1981. С. 21.
182. Показательно, что единственная монография, посвященная библиотечной архитектуре, была подготовлена по инициативе коллег из ГДР при активном участии советских специалистов, но опубликована только на немецком языке (Grundzüge der Bibliotheksbau. Berlin, 1986).
183. См. об этом: Meyer G. Geschichte der Bibliotheken in der DDR nach 1945: Lehrbrief. Berlin, 1981. S. 104—114.
184. Reißig R. Der Umbruch in der DDR und das Schreiten des «realen Sozialismus» // Das Ende eines Experiments: Umbruch in der DDR u. deutsche Einheit. Berlin, 1991. S. 12—59.
185. После второй мировой войны изменились границы Германии. Большие части ее территории в соответствии с пактом о капитуляции Германии отошли к другим странам. Так, к Франции вновь отошел Эльзас. Значительная по величине территория Восточной Пруссии отошла частично к СССР, где была образована Калининградская область с центром в Калининграде — бывшем Кёнигсберге — а частично к Польше.

Территория Восточной Германии становится советской оккупационной зоной. Территория Западной Германии поделена на три части: американскую (юг), британскую (северо-запад) и французскую (юго-запад). Американская и британская зоны с 1947 г. становятся так называемой Бизонией (Bizone) территорией, хозяйственная жизнь которой ведется на общих принципах управления. Предпринимались и попытки создать единую область — Тризонию (Trizone). Что касается столицы Германии — Берлина, то он также был поделен на части — это были четыре сектора — и с тех пор он долго находился под управлением четырех союзных держав.

186. Германия является государством, жизнь которого строится на основе пяти главных принципов государственного порядка — республика, демократия, федеративное государство, правовое государство и социальное государство (См.: *Tatsachen über Deutschland. Frankfurt/Main, 1992. S. 119*).

Республика — это, прежде всего, такое устройство государства, при котором верховными правами обладает народ.

Под демократией в данной конституции понимается «воинствующая демократия» («*streitbare Demokratie*»), принципиально отличающаяся от демократии Веймарской республики. Основная цель воинствующей демократии — недопущение деятельности антиконституционных партий.

Под правовым государством подразумевается, прежде всего, разделение власти между государственными и независимыми от них законодательными органами.

Социальное государство в понимании Конституции ФРГ — это государство, которое несет ответственность за социально незащищенные слои населения и которое является гарантом защиты социальных прав всех граждан страны.

187. В состав земель «старой Федеративной Республики» входили восемь земель (Баден-Вюртемберг, Бавария, Гессен, Нижняя Саксония, Рейнланд-Пфальц, Саар, Северный Рейн-Вестфалия, Шлезвиг-Гольштейн) и три города (Берлин, Бремен, Гамбург) с правами земли.

Среди этих 11-ти земель «старой Федеративной Республики» есть как исторически сложившиеся земли Германии, имевшие этот статус и до Второй мировой войны, например, Бавария, так и земли, образованные позднее, например, земля Баден-Вюртемберг, созданная в результате объединения двух исторических земель Южной Германии — Бадена и Вюртемберга.

До 1990 г. Западный Берлин официально занимал особое политическое положение, вследствие чего, многие страны, в том числе и СССР, рассматривали его как самостоятельную политическую единицу. После воссоединения Германии Берлин, официально, но уже как единый город, соединивший в себе и Восточный, и Западный Берлин, тоже стал одной из земель ФРГ.

188. В 1990 г., после воссоединения Германии, на территории бывшей ГДР были образованы пять новых земель (Бранденбург, Заксен-Ангальт, Мекленбург-Померания, Саксония и Тюрингия).

189. В отношении федеральных земель речь идет о задачах государственного значения и употребляется соответствующий термин «staatliche Aufgaben» — государственные задачи. Но вместе с тем идет речь и о разделении сфер компетентности центра и земель. Федеральный центр, тем не менее, все же является законодательным органом, а в ведении земель находится сфера управления.

190. Tatsachen über Deutschland. . . S. 134—135.

191. Пауль Раабе считает, что библиотечную политику ФРГ определяет также социальная политика. Он полагает, что если общество достигло больших успехов в области экономики, то это в значительной степени обусловлено той ролью, которую играют библиотеки в хозяйственной жизни. А успехи, достигнутые обществом в его хозяйственном развитии, повышают авторитет библиотек в обществе. По его мнению, библиотекари должны рассматривать свою профессиональную деятельность как составную часть деятельности в области науки, в сферах образования и культуры, а также считать ее социальной деятельностью и ощущать свою причастность к ним (См.: Raabe P. Die Bibliothek als humane Anstalt betrachtet. Plädoyer für die Zukunft der Buchkultur. Stuttgart, 1986. S. 89—90).

192. См.: Там же. S. 90.

193. Там же.

194. См., например: Busse G. Struktur und Organisation des wissenschaftlichen Bibliothekswesens in der Bundesrepublik Deutschland: Entwicklungen 1945 bis 1975. Wiesbaden, 1977. S. 529—530.

195. Fachinformationsprogramm 1985—88 der Bundesregierung. Bonn: Der Bundesminister für Forschung und Technologie, 1985.

196. Fachinformationsprogramm der Bundesregierung 1990—1994. Bonn: Der Bundesminister für Forschung und Technologie, 1990.

197. См.: Bibliotheken'93. Strukturen — Aufgaben — Positionen. Berlin; Gottingen, 1994. S. 130—135.

198. Die wissenschaftliche Bibliothek. Aufgaben — Wandlungen — Probleme / Bundesvereinigung Deutscher Bibliotheksverbände. Berlin; Göttingen, 1993. S. 15.

199. Эта организация, созданная в 1948 г., первоначально представляла собой своеобразное рабочее объединение министров культуры отдельных земель Западной Германии.

200. Wilkens E. Die Bibliotheksregion: gemeinsame Aufgabe der Volksbüchereien und der wissenschaftlichen Bibliotheken // Mitteilungen des Verbandes der Bibliotheken des Landes Nordrhein-Westfalen. 1955. N 5. S. 41—49.

201. Gesamtplan für das wissenschaftliche Bibliothekswesen. Bd. 1. Universitäten. 2. Aufl. Pullach bei München, 1973.

202. Там же. S. 13.

203. Там же. S. 15.

204. Земельными считаются и те библиотеки, которые ранее были центральными библиотеками различных государств, например, уникальная библиотека в Готе, которая во времена ГДР «утратила» в своем названии определение «земельная» и стала называться — Исследовательская библиотека в Готе (Forschungsbibliothek Gotha). После воссоединения Германии ей вернули «утраченную» часть названия, и с 1991 г. она стала называться Исследовательская и земельная библиотека в Готе (Forschungs- und Landesbibliothek Gotha) (см.: Claus H. Von der Bibliotheca ducalis Gothana zur Forschungs- und Landesbibliothek Gotha // Bibliotheksforum Bayern. 1992. Bd. 20. S. 21—31).

205. Bibliotheken '93... S. 71.

206. Там же.

Глава 3

1. Фабиан Б. На благо читателей // Петербургская библиотечная школа. 1997. N 3. С. 61.

2. Donaldson I. What hope the Humanities? // Zukunftsaspekte der Geisteswissenschaften: vier Vorträge. Hrsg. v. B. Fabian. Hildesheim etc., 1996. P. 59).

3. См.: Willison I. The history of the book in the Humanities // Ibid. P. 91—120.

4. Там же.

5. См. об этом: Paulin R. Goethe, the brothers and academic freedom. Inaugural lecture 9 may 1990. Cambridge, 1991. P. 9.

6. См.: Richards P. S. Scientific information in wartime: The Allied-German rivalry, 1939—1945. Westport (Connecticut); London, 1994.

7. См., например: Ryan F. Soviet information service: the medium, the message, and the commissar // Libraries & culture. 1988. V. 23. N 1. P. 61—68.

8. См., например: Bunch A. J. Memoire et information: l'expérience de la Bibliothèque nationale d'Ecosse // Bull. d'inform. de l'Assoc. des bibliothécaires fr. 1993. N 160. P. 22—25.

9. Бернхард Фабиан (род. в 1930г.) — немецкий ученый — филолог, книговед и библиотеквед. Имеет ученые степени доктора (1955) и габилитированного доктора (doctor habilitatus) (1960). Филологическое образование (английская филология) получил в университетах Германии (Марбург),

США (Lawrence University) и Великобритании (University College, Лондон). Основная профессиональная деятельность связана с работой в университете им. Вильгельма (Wilhelm-Universität) в Мюнстере в качестве профессора английской филологии и руководителя английского отделения университета (Englisches Seminar). Автор около 400 публикаций, преимущественно на немецком и английском языках.

10. Библиотекой Российской Академии наук был издан русский перевод монографии (научный редактор — В. П. Леонов): Фабиан Б. Книга, библиотека и гуманитарное исследование / БРАН. СПб., 1996.

На книгу проф. Фабиана были опубликованы рецензии Л. Н. Гусевой (Петербургская библиотечная школа. 1997. N 2), А. А. Колгановой (Библиотека. 1996. N 6) и И. П. Осиповой (Библиотековедение. 1997. N 1).

11. Одно из наиболее развернутых и обоснованных определений, уточняющих понятие «research library», дано Джей Дэйли: «Термин «исследовательский» («research») по отношению к библиотеке характеризует в большей степени функцию, нежели источник ее поддержки — университет, колледж или публичные (муниципальные) средства — или ее размер. Специальные библиотеки часто могут иметь исследовательские функции, даже в очень узкой области знаний. Хотя национальные библиотеки имеют склонность быть исследовательскими библиотеками, не все они являются таковыми. . . Функция исследовательской библиотеки — собирать и делать доступными пользователю все материалы по данному вопросу или кругу вопросов. У исследовательской библиотеки может быть двойная природа, и другие функции могут быть включены как часть услуг, традиционно относящихся ко второму типу библиотеки. . .» (Daily J. E. Research libraries // Encyclopedia of library and information science. Vol. 25. N. Y.; Basel, 1978. P. 248).

12. Knoche M. Die Forschungsbibliothek. Umrisse eines in Deutschland neuen Bibliothekstyps // Bibliothek. Forschung u. Praxis. 1993. Bd. 17. N 3. S. 293.

13. С 1949 г. функционирует также Центр исследовательских библиотек (The Center for Research Libraries), в состав которого входит множество библиотек США и Канады. Центр выполняет функции центра комплектования и книгообмена (См., например: Simon E. Bibliothekswesen in den USA: Eine Einführung. München etc., 1988. S. 89).

14. Независимые исследовательские библиотеки были созданы на основе книжных коллекций крупнейших библиофилов — финансовых и промышленных магнатов. Так, одной из лучших библиотек этого типа является библиотека Фолджера в Вашингтоне. Ее прежний владелец — Генри Клей Фолджер специализировался на коллекционировании произведений Шекспира. Сегодня библиотека называется Folger Shakespeare Library (Шекспировская библиотека Фолджера) и является самой богатой (после Британской биб-

лиотеки) библиотекой мира и обладает самыми полными фондами английской литературы периода 1475—1640 гг. Эта библиотека, как и другие аналогичные библиотеки, предоставляет свои фонды для работы американским и зарубежным исследователям и активно участвует в научной работе. Именно на базе этой библиотеки провел, например, свое исследование российский ученый И. М. Гилилов, предпринявший попытку определить подлинного автора произведений, приписываемых Шекспиру (См.: Гилилов И. Г. Игра об Уильяме Шекспира, или Тайна Великого Феникса. М., 1997. С. 433—452).

15. См., например: Simon E. Bibliothekswesen in den USA. . . S. 71.

16. Brückner A. Dzieje kultury polskiej. T. 1—3. Kraków, 1930—1931; Esreicher S. Obraz dziejów kultury polskiej. Kraków, 1931.

17. Schmidt W. Öffene Buchbestände in Universalbibliotheken // Aktuelle Probleme der Bibliotheksverwaltung. Festgabe Hermann Fuchs. Hrsg. v. E. Wagner. Wiesbaden, 1966. S. 139.

18. Liebers G. Die Zentrale Forschungsbibliothek der Hochschule — auch ein Modell // Die Hochschulbibliothek. Hrsg. v. K.-D. Lehmann, H. Hüttermann. Frankfurt am Main, 1978. S. 138—153.

19. С момента основания Лиги по настоящее время ее официальными рабочими языками являются английский и французский, и она имеет два официальных наименования — European Lige of Research Libraries на английском языке и Lige des Bibliothèques Européennes de recherche на французском. В первые годы деятельности Лиги французский язык использовался в качестве рабочего языка особенно активно.

20. Robine N. Le chercheur dans la bibliothèque de recherche // Bull. bibl. France. 1977. N 7. P. 413—429.

21. Фабиан Б. Книга, библиотека и гуманитарное исследование. . . С. 28.

22. Там же. С. 26.

23. Там же. С. 26—27.

24. Fabian B. Buch, Bibliothek und geisteswissenschaftliche Forschung — zu Problem der Literaturversorgung und der Literaturproduktionen in der Bundesrepublik Deutschland. Göttingen, 1983. S. 10.

25. Фабиан Б. Исследовательская библиотека и гуманитарные науки: Докл. на семинаре «Проблемы развития исследовательских библиотек». РНБ. С.-Петербург, июнь 1996 (личный архив, С.-Петербург).

26. Там же.

27. Там же.

28. Фабиан Б. Книга, библиотека и гуманитарное исследование. . . С. 217.

29. Daily J. E. Research libraries. . . P. 252.

30. Фабиан Б. Книга, библиотека и гуманитарное исследование. . . С. 119.

31. См., например: Беллер Й. Строительство нового здания для Соборной библиотеки в Хильдесхайме // Петербургская библиотечная школа. 1998. N 3—4. С. 45—51.

32. В 1990-е гг. наблюдается повышение интереса к концепции исследовательской библиотеки и в других странах. Это оказалось характерным и для России, что в свою очередь вызвало интерес у немецких коллег (см.: Volodin B. Die Forschungsbibliothek in Rußland // Bibliothek: Forschung u. Praxis. 1998. Bd. 22. N 1. S. 111—113).

В России исследовательская библиотека рассматривалась как в теоретическом (см., например: Гусева Л. Н., Смолина Е. В. Библиотековедение. Нормативный подход (понимающая парадигма мышления). СПб., 1997), так и в практическом аспектах. Последнее было характерно в первую очередь для специализированных научных библиотек гуманитарного профиля, в частности, для Российской государственной библиотеки по искусству (см., например: Колганова А. А. К вопросу о читателе исследовательских библиотек // Читатель исследовательской библиотеки. Материалы международной конференции. Сост. А. А. Колганова / РГБИ. М., 1999. С. 31—40) и Санкт-Петербургской театральной библиотеки (см.: Михалева Р. А. Итоги первого этапа информатизации // Петербургская библиотечная школа. 1997. N 3. С. 12—21). Рассматривалась под углом требований к исследовательской библиотеке и деятельность крупных научных библиотек универсального профиля, в том числе национальных (см., например: Красильщикова Г. И. Концепция исследовательской библиотеки и проблемы читателей-студентов // Петербургская библиотечная школа. 1997. N 3. С. 28—30) и университетских (см.: Березкина Е. И. Научная университетская библиотека на пути к исследовательской (Из опыта работы Научной библиотеки Тверского государственного университета) // Читатель исследовательской библиотеки... С. 79—82). Особый интерес представляет опыт определения стратегии развития негуманитарной, на первый взгляд, библиотеки как библиотеки исследовательской — Центральной военно-морской библиотеки. Это оказалось правомерным и даже закономерным в силу того, что эта библиотека обладает богатейшей коллекцией исторически ценной литературы. Эта литература, соответственно, имеет огромное значение для читателей-гуманитариев (см.: Федорова О. М. Формирование фонда научной литературы военно-морской тематики в России XIX в. (На примере Центральной военно-морской библиотеки). Автореф. дисс. на соиск. канд. пед. наук / БРАН. СПб., 2002. С. 20—21).

33. Государственная библиотека в Берлине «Прусское культурное наследие» (Staatliche Bibliothek zu Berlin «Preußische Kulturbesitz») находится в столице Германии — Берлине. Размещена в двух зданиях — на улице Унтер-ден-Линден (Unter-den-Linden) и на Потсдамской улице (Potsdamer Strasse). Яв-

ляется научной библиотекой универсального профиля. По статусу является государственной библиотекой, выполняющей общенациональные функции.

Библиотека была основана в 1659 г. в соответствии с указом курфюрста Фридриха Вильгельма как «Курфюрстская библиотека в Кёльне на Шпрее» («Churfürstliche Bibliothek zu Cölln an der Spree») — Кёльном на Шпрее тогда называли Берлин.

В 1914 г. было открыто специально построенное по проекту архитектора Эрнста фон Ине здание для библиотеки на Унтер-ден-Линден.

После Второй мировой войны часть фондов, оказавшаяся на территории советской оккупационной зоны — легла в основу открытой 1 октября 1946 г. в Берлине при поддержке советской военной администрации библиотеки, получившей название Публичной научной библиотеки (Öffentliche Wissenschaftliche Bibliothek).

Более половины исторически ценных книжных фондов Прусской государственной библиотеки оказалась на территории американской и французских оккупационных зон (1,8 млн. томов). Первоначально та часть фонда, которая оказалась на территории американской оккупационной зоны, составила основу образованной в 1947 г. Гессенской библиотеки (Hessische Bibliothek) в Марбурге. В 1948 г. при Университетской библиотеке в Тюбингене было создано специальное хранилище книг, оказавшихся на территории французской оккупационной зоны — Тюбингенское депозитарное хранилище (Tubinger Depot). В 1949 гг. на основе двух разрозненных собраний в Марбурге была открыта Западногерманская библиотека (Westdeutsche Bibliothek). В 1957 г. был образован Фонд Прусского культурного наследия, который отвечал за финансирование и развитие подведомственных ему учреждений. В 1962 г. в их число была включена Центральная научная библиотека, которая начала функционировать на территории Западного Берлина. В 1968 г. она стала называться Библиотека Прусского культурного наследия (Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz), которая также считала себя правопреемницей Прусской государственной библиотеки, что не признавалось со стороны ГДР. В 1967—1978 гг. специально для библиотеки строится — по проекту архитектора Ханса Шарона — новое здание стало всемирно известным и было признано одним из самых оригинальных библиотечных зданий XX века. В «старой ФРГ», существовавшей до воссоединения двух германских государств, эта библиотека — наряду с Немецкой библиотекой во Франкфурте-на-Майне и Баварской государственной библиотекой в Мюнхене — рассматривалась как одна из трех национальных библиотек этой части Германии. К концу 1980-х гг. фонд библиотеки составлял 4,1 млн. томов.

В 1991 г., уже после воссоединения Германии, обе библиотеки были соединены. Сначала она получила временное название Объединенная государственная библиотека в Берлине (Vereinigte Staatsbibliothek zu Berlin).

По данным на 1997 г. общий фонд библиотеки составлял 10,6 млн томов. Что касается площадей хранилищ, то Библиотека располагает в 1-м здании 21. 530 кв. м, во 2-м — 22. 400 кв. м. Общее число читательских мест — 1088, в том числе, в 1-м здании—291, во 2-м—797. Ведется реконструкция обоих зданий библиотеки, после завершения которой число читательских мест должно составить 1 224. Особых усилий и затрат потребовала при этом реконструкция здания на Унтер-ден-Линден. После длительной дискуссии было принято решение сохранить оба исторических здания библиотеки — на Унтер-ден-Линден и на Потсдамер штрассе, поскольку это уникальные библиотечные здания, и отказаться от идеи строительства нового здания, сосредоточив внимание на их реконструкции, и максимальные усилия направить при этом на восстановление сильно разрушенного во время Второй мировой войны здания на улице Унтер-ден-Линден. В 1997 г. был проведен специальный коллоквиум, посвященный вопросам дальнейшего функционирования библиотеки на этой улице.

34. Aufgaben und Funktionen der Vereinigten Staatsbibliothek zu Berlin // Jahrbuch Preußischer Kulturbesitz. Bd. XXVIII. (Berlin, 1991). S. 41.

35. Landwehrmeyer R. Die Konzeption der Staatsbibliothek zu Berlin Preussischer Kulturbesitz /Manuskript/. Berlin, 1994. S. 22.

36. Там же. S. 22—23.

37. Там же. S. 32.

38. Landwehrmeyer. Die Konzeption der Staatsbibliothek zu Berlin. . . S. 32.

39. См.: Mitt. SBB (PK). 1997. H. 1. S. 10.

40. Jammers A. Die Staatsbibliothek zu Berlin in schwierigen Zeiten: eine Konzeption, aber noch keine endgültige Standortfestlegung // Zeitschrift für Bibliothekswesen u. Bibliographie. 1997. Jg. 44. N 3. S. 301.

41. Там же. S. 288.

42. Там же. S. 289.

43. Jammers A. Fortschritte und Hemmnisse bei der Vereinigung der Staatsbibliothek zu Berlin // Mitt. SBB (PK). 1977. N. F. 6. H. 1. S. 5—7.

44. Сам А. Яммерс на вопрос «что такое исследовательская библиотека с исторически ценными книжными фондами?», отвечал следующим образом: «Это означает, что сложилась совершенно неординарная ситуация, когда к выдающемуся собранию первоисточников, вышедших в свет от начала книгопечатания вплоть до середины нашего столетия, насчитывающему примерно 4 млн. томов, добавляются наши великолепные специализированные коллекции. Это и изучение истории переплетов, активная работа по компью-

теризации, работа в рамках проекта «Собрание немецких печатных изданий», ежегодное приобретение около 10. 000 томов антиквариата, обширная программа деятельности по обеспечению сохранности фондов со всеми нерешенными проблемами. Речь идет об изучении отдельных книг и о раскрытии фондов, об изучении рукописей, автографов, собраний, полученных в наследство. Исторически ценная библиотека — это предмет серьезных исследований, источник для исследовательской работы, помещение для работы над бесчисленными проектами по изучению истории книгопечатания, истории культуры и истории науки. Это выставки и публикации, кооперация с университетами, с Академией наук с намерением заниматься исследовательской деятельностью, поскольку есть место для реализации различных инициатив, библиотеку можно использовать как богатую сокровищницу первоисточников» (см.: Jammers A. Das Ende der Deutschen Staatsbibliothek // Wissenschaftliche Bibliotheken nach der Wiedervereinigung Deutschlands — Entwicklung und Perspektive. Halle (Saale), 1996. S. 217).

45. Для ГДР были характерны и ситуации, когда учреждения культуры, в том числе и библиотеки, сохраняли свои традиционные исторические названия и выполняли при этом более широкий круг функций, определенных не только границами округов, на территории которых они находились. В том же Веймаре, на протяжении всего периода существования ГДР, продолжал работать театр, который носил название Немецкий национальный театр (Deutsches Nationaltheater), а в Дрездене функционировала Саксонская земельная библиотека (Sächsische Landesbibliothek). Название и статус Веймарской библиотеки были в данном случае изменены в конце 1960-х гг. по инициативе тогдашнего директора библиотеки Вернера Шмидта. Он считал, что подобное изменение поможет решить проблему строительства, столь необходимого библиотеке нового здания. Новое здание предоставлено не было, а сам В. Шмидт лишился своего поста. В результате эта инициатива привела к тому, что библиотека утратила свою самостоятельность, а книги, имеющие отношение к периоду после 1850-го г., начали отсортировывать. В действительности же из библиотеки начали изымать и ценные издания, имеющие отношение к эпохе Гёте, о чем М. Кнохе подробно пишет в монографии «Библиотека герцогини Анны Амалии — культурологическая история одного собрания» в главе «Потеря самостоятельности и специализация. Центральная библиотека немецкой классики в 1969—1989 гг.» (см.: Herzogin Anna Amalia Bibliothek... S. 201—210).

46. Правда, на самом деле изучение архива Ф. Ницше и его библиотеки в условиях ГДР велось, но «не афишировалось», что и позволило в условиях объединенной Германии в очень короткие сроки подготовить к печати труды Ницше, снабдив их обширными научными комментариями.

47. Михаэль Кнохе (род. в 1951 г.) — директор Библиотеки герцогини Анны Амалии с 1991 г., доктор философии, автор многочисленных работ по проблемам теории и истории библиотечного дела, один из издателей журнала «Bibliothek: Forschung und Praxis».

Свое понимание исследовательской библиотеки он излагает и в целом ряде публикаций, в том числе в работах на русском языке: Кнохе М. Научные библиотеки и их читатели // Читатель исследовательской библиотеки: Материалы исследовательской библиотеки. М., 1999. С. 6—12; Кнохе М. От герцогской библиотеки к исследовательской библиотеке герцогини Анны Амалии // Петербургская библиотечная школа. 1997. N 3/4. С. 52—58.

48. Knoche M. Die Forschungsbibliothek: Umrisse eines in Deutschland neuen Bibliothekstyps // Bibliothek: Forschung u. Praxis. 1993. N 3. S. 291—300.

49. Подготовке печатных каталогов Библиотека придает огромное значение. В 1986 г. вышел каталог печатных работ Мартина Лютера, опубликованных до 1546 г. Среди новых работ следует выделить иллюстрированный каталог книжного наследия Карла Людвиг Фернова, в который вошли ценнейшие итальянские издания XVI- XVIII вв.

50. См.: Кнохе М. Научные библиотеки и их читатели. . . С. 7—8.

51. В новом здании, работа над проектом которого была завершена в начале XXI в., предусмотрены кабинеты, куда будет разрешено входить пользователю по особому разрешению. Среди коллекций исторически ценных фондов на открытом доступе там будут представлены как уже сложившиеся в качестве самостоятельных собрания, например Шекспировская библиотека, так и реконструированные, т. е. воссозданные, коллекции, в частности личная библиотека герцогини Анны Амалии.

52. Толчком к переосмыслению характера научной работы Библиотеки герцогини Анны Амалии и к осознанию уникальности ее исследовательской деятельности послужила работа по подготовке статьи для «Справочника по исторически ценным книжным фондам» (См.: *Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland. Bd. 21. Thüringen S-Z. Hrsg. v. F. Krause. Bearb. v. F. Marwinski. Hildesheim etc., 1999. S. 101—127*). Эта работа была проведена в рамках реализации проекта под руководством проф. Б. Фабиана (см. раздел 3. 4). Благодаря тому, что Веймарская библиотека участвовала в подготовке необходимых для него материалов, был скорректирован профиль приоритетных направлений комплектования фонда библиотеки, появились новые темы научной работы, и стали проводить такие мероприятия, как рабочие беседы экспертов по изучению и анализу фондов итальянской литературы, хранящейся в библиотеке, и даже мероприятия, посвященные разным аспектам использования итальянского языка, изучению его исторического значения для Европы.

53. Одной из них является тема «Фауст», определившаяся благодаря богатейшей коллекции «Фауст» («Faust — Sammlung») (См., например: Faust: Annäherung an einer Mythos. Hrsg. v. F. Möbus u. a. Göttingen: Wallstein Verlag, 1995).

54. Raabe P. Bibliosibirsk oder Mitten in Deutschland: Jahre in Wolfenbüttel. Zürich, 1992. S. 24—25.

55. Raabe P. Die Bibliotheca Augusta — eine alte Bibliothek in der modernen Welt // Die Herzog August Bibliothek in den letzten 100 Jahren: vier Vorträge zur Vergangenheit und Gegenwart der Wolfenbütteler Bibliothek. Göttingen, 1980. S. 114.

56. Herzog August Bibliothek. Bericht des Jahres 1998. Wolfenbüttel, 1999. S. 33.

57. См. об этом: Фабиан Б. Книга, библиотека и гуманитарное исследование. . . С. 48.

58. Фабиан Б. Речь на презентации российского тома «Справочника по немецким исторически ценным книжным фондам в Европе» // Петербургская библиотечная школа. 2001. N 1. С. 87.

59. В целом реализацией проектов по обеспечению сохранности книжных фондов в Германии занимаются разные организации, в первую очередь, Немецкое исследовательское общество. Как правило, и в этом случае вторую половину расходов должны оплачивать правительства земель. Кроме того, практически в каждой земле разрабатываются и реализуются собственные программы и проекты, цель которых сохранение фондов библиотек.

60. Fabian B. Eine Nationalbibliothek — in Segmenten // Das deutsche Buch: die Sammlung deutscher Drucke 1450—1912; Bilanz der Förderung durch die Volkswagen-Stiftung / Arbeitsgemeinschaft Deutscher Drucke 1450—1912. Wiesbaden, 1995. S. 13—20.

61. В отличие от Германии в России работа по обеспечению сохранности фондов не связывалась с выявлением и раскрытием коллекций исторически ценных книжных фондов в масштабах всей страны, всех и каждого в отдельности регионов и городов. Тем не менее опыт проведения работы по созданию российского тома «Справочника по немецким исторически ценным книжным фондам в Европе», работа над которым завершена в 2001 г. (Handbuch deutscher historischer Buchbestände in Europa. Vde. 8. 1—8. 2. Rußland / Bearb. v. B. F. Volodin. Hildesheim etc., 2001) показал, что в целом ряде библиотек, в первую очередь в центральных региональных библиотеках (Иваново, Нижний Новгород, Ульяновск и других), провели уникальную работу. В ходе этой работы стало очевидно, что не только в регионах, но и в Петербурге и в Москве, существует множество уникальных собраний, которые не ис-

следованы, и даже не обработаны, не каталогизированы, и значит, просто недоступны пользователю.

62. См.: Kulturen im Kontext: zehn Jahre Sammlung Deutscher Drucke. Hrsg. v. der Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz im Auftr. der Arbeitsgemeinschaft Sammlung Deutscher Drucke. Wiesbaden, 1999.

63. Немецкая библиотека (Die Deutsche Bibliothek) представляет собой сложный организм, состоящий из трех библиотек, расположенных во Франкфурте-на-Майне, Лейпциге и Берлине.

Образована в 1990 г. в результате объединения двух библиотек, названия которых также переводятся на русский язык как «Немецкая библиотека» — в Лейпциге (Deutsche Bücherei) и во Франкфурте-на-Майне (Deutsche Bibliothek).

Немецкая библиотека в Лейпциге была открыта в 1913 г. Немецкая библиотека во Франкфурте-на-Майне образована в 1946 г. В состав объединенной Немецкой библиотеки входит также Немецкий музыкальный архив (Deutsches Musikarchiv) в Берлине. Основное здание (Die Deutsche Bibliothek) — расположено во Франкфурте-на-Майне. Новая — объединенная Немецкая библиотека сохранила то же название. Отличие нового названия от предыдущего названия западногерманской Немецкой библиотеки выражено в немецком языке обязательным для нового названия артиклем «Die», что ошутить при переводе названия на иностранные языки невозможно. Перед Немецкой библиотекой — Die Deutsche Bibliothek официально поставлены задачи выполнения функций общегерманского архива документов (Gesamtarchiv Deutschlands) и центра национальной библиографии Германии (Nationalbibliographisches Zentrum Deutschlands). Таким образом, как национальная библиотека страны, она выполняет в полном объеме три основные функции национальной библиотеки — функции сбора с исчерпывающей полнотой всех документов, выходящих на территории Германии, и документов на немецком языке, выходящих за пределами страны, их постоянного хранения, и их раскрытия путем распространения библиографической информации. При этом необходимо принять во внимание то, что эти функции выполняются в полном объеме по отношению к литературе, выходящей после 1913 г., т. е. с момента образования Немецкой библиотеки в Лейпциге.

Фонды новой Немецкой библиотеки в конце 1990-х гг. насчитывали 12,5 млн. документов. Франкфуртская библиотека отвечает за обеспечение в своих фондах полноты документов, выходящих в свет в западных землях Германии, за исключением земли Северный Рейн — Вестфалия, а Лейпцигская библиотека, соответственно, отвечает за документы, выходящие в свет в восточногерманских землях. Национальную библиографию ведут обе библиотеки, входящие в объединение. Она доступна и в электронной форме и го-

товится на основе форматов MAD-DB и UNIMARC. Распространяется также на CD-ROM'ных дисках и на дискетах, которые готовятся во Франкфурте-на-Майне. Как и Библиотека конгресса США в Вашингтоне, Немецкая библиотека предоставляет возможность вести поиск по именам, организациям и ключевым словам. Выпуск единой национальной библиографии под названием «Немецкая национальная библиография» («Deutsche Nationalbibliographie») возобновлен в 1991 .

64. Mittler E. Sammeln, erschließen, erforschen, bewahren. Die Arbeitsgemeinschaft Sammlung deutscher Drucke 1450 — 1912 // Das deutsche Buch: Die Sammlung deutscher Drucke 1450—1912; Bilanz der Förderung durch die Volkswagen-Stiftung / Arbeitsgemeinschaft Deutscher Drucke 1450—1912. Hrsg. v. B. Fabian, E. Mittler. Wiesbaden, 1995. S. 39.

65. Механизм реализации при этом был иным. Во Франции, в отличие от Германии, программа финансировалась не частным фондом, а государством, а именно — Департаментом по делам библиотек Министерства культуры. Государство оплачивало, прежде всего, труд тех профессионалов, которые работали в регионах на базе конкретных региональных библиотек, и не только в главных городах департамента — основной территориальной единицы страны, но и в небольших городках глубокой провинции. Речь шла о профессионалах высокого класса и о работе, требующей очень высокой квалификации, и, соответственно, о высокой оплате, которая была бы местным библиотекам не под силу. Эти расходы взяло на себя государство. Раскрытие фондов библиотек с оплатой из государственных средств изначально предполагало необходимость рассматривать эту работу как часть дальнейшей деятельности, направленной на сохранение выявленных богатств. Это означало, что государство было намерено выделить большие ассигнования на консервацию и реставрацию, микрофильмирование и т. д. (См. об этом: Володин Б. Ф. Библиотечная реформа во Франции: региональный аспект // Библиотека и регион: Научно-информ. сб. Науч. ред. И. В. Даньшина, Е. И. Ратникова / РГБ. М., 1995. Вып. 1. С. 45—71).

Именной указатель

А

Аалто А. 168
Акерман Я. Ф. 59
Александр I 74
Альтхофф Ф. 83, 85, 139, 172
Андерсен-Нексе М. 88
Андреев В. 152
Аникст А. А. 164
Анна Амалия, веймарская герцогиня 43—45, 49—50, 132, 162, 165, 188
Аристотель 11, 14
Аркинто А. 154
Ахиезер А. С. 174, 175

Б

Бабанов И. Е. 154
Бартоломей И. К. 46
Батч А. И. 57
Баум Э. А. 68
Бах И. С. 162
Беккер К. Г. Л. 29, 31—36, 159—161
Беплер Й. 184
Бер И. 160
Березкина Е. И. 184
Беркгольц Е. Е. 30, 35, 159
Бертух Ф. И. Ю. 162

Бёклин, Арнольд 163
Бёклин, Ангела 163
Бисмарк О. В. 76, 84, 139, 159
Блох Э. 90
Блюм А. В. 174
Боде И. И. 162
Бойнебург И. К. 154, 155
Бояновский П. 66, 164, 168
Брандис К. Г. 167
Бродель Ф. 151
Будер К. Г. 40, 63
Бузас Л. 5, 148, 157—158, 165, 172
Буллинг К. 66, 167—169
Буттнер Р. 87
Бутурлин Д. П. 29, 31, 158
Буххольц В. Г. 162
Бэкон Ф. 151, 156
Бюнау Г. 153
Бюттнер К. В. 38, 40, 42—43, 59, 60

В

Валльман И. 137
Вальтер Х. Ф. 29, 31, 36, 159
Вальх И. Э. 59
Веллер К. Э. Ф. 66, 69
Вельде А. 163
Виланд К. М. 44, 162
Вилкенс Э. 106, 181

Вильденбух Э. 164
Винкельман И. И. 28, 76, 153
Водосек П. 6—8, 149, 151—152,
154, 170, 172—173, 175
Володин Б. Ф. 151, 156, 158, 160,
168, 172, 184, 189, 191
Вольф К. 177
Востоков А. Х. 28
Вульпиус, Кристиан А. 48, 60, 68,
69, 161, 167
Вульпиус, Кристиана 48

Г

Галилей Г. 10
Гейбельс Й. 87
Гегель Г. Ф. 57, 62
Гедике Ф. 157
Ген В. А. 30, 35, 159
Гердер И. Г. 48, 162, 169
Геродот 11
Герсдорф Э. К. А. 62
Геснер К. 155
Геттлинг И. А. 57
Гёте И. В. 8, 38—51, 53—76, 84,
125, 128, 137, 144, 149, 161—
171, 181, 187
Гирилов И. М. 183
Гитлер А. 87, 173
Гоголь Н. В. 159
Голубева О. Д. 158
Гомер 14
Готан Б. 14
Грегулетц А. 6, 149, 175, 176, 208
Грунер К. Г. 69
Гулыга А. 153
Гумбольдт В. 73—78, 80, 144,
166—167, 170—172

Гусева Л. Н. 9, 182, 184
Гусерль Э. 11, 151
Гюльденапфель Г. Г. 64, 65, 68—70,
168—170

Д

Даньшина И. В. 191
Деберейнер И. В. 57
Джонсон Э. Д. 6, 148
Дзяцко К. 81, 82, 84, 171, 172
Дорн Б. 29, 31, 35, 159
Доналдсон А. 112, 181
Дэйли Дж. 182, 183

Ж

Жданова Т. И. 150, 177
Журавлев И. Ф. 156

З

Заборова В. И. 150, 177
Залуский Ю. А. 158
Залуский С. А. 158
Зигфрид Й. 6

И

Иван III 14
Ине Э. 185

Й

Йохум У. 166

К

Каверин Ю. Л. 156
Кайзер Г. 164
Кайсаров А. С. 156
Кандинский В. 163
Кант И. 114, 153
Карл Август, веймарский великий герцог 42—43, 47, 50, 56—58, 62, 69, 166—167
Карл Фридрих, веймарский великий герцог 161
Карл, брауншвейгский герцог 43
Карлквист Э. 154
Карташов Н. С. 178
Карштедт П. 150
Каттанео Г. 50
Кегбайн П. 6, 149, 170
Кеплер Й. 10
Кер В. 108
Керн В. 178
Кесслер Г. 163
Кёстнер Э. 134
Кирхнер И. 87
Клее П. 163
Клинге М. 13, 151
Кнебель К. Л. 162
Кнохе М. 6, 8, 125, 127—128, 130—131, 149, 170, 182, 187—188
Козегартен И. Г. Л. 69
Колганова А. А. 182, 184
Кольбе Г. 70
Конради К. О. 161, 162, 166
Комптер И. Д. Г. 66—68
Корф М. А. 28—35, 158—160
Коханьский А. 154
Кравченко А. Г. 7, 150
Крамер Д. 13

Кранах Л., младший 162
Кранах Л., старший 162
Красильщикова Г. И. 184
Краузе Ф. 159, 175, 188
Крейтер Ф. Т. 48
Криг В. 107
Крупская Н. К. 174
Кузьмин Е. И. 8, 151
Кульбякин В. Д. 175
Куммер Р. 173
Куницын А. П. 156

Л

Ландвермейер Р. 121—125, 186
Ласкеев Н. А. 150, 177
Леглер В. А. 175
Лей Г. 6, 25, 77, 149, 157, 165, 171, 173
Лейбниц Г. В. 20, 21, 154—156, 172
Леликова Н. К. 160
Ленц И. Г. 59
Леонов В. П. 153, 182
Лессинг Г. Э. 22, 43, 76
Лешбург В. 169
Либерс Г. 117, 183
Лихачёв Д. С. 152
Лодер Ю. К. 57
Лондон Д. 88
Луден Г. 57
Людовик XIV, французский король 154
Людовик XV, французский король 55
Лютер М. 14—16, 151, 188

М

Майер И. К. 64
Мария, кобургская и готская герцогиня 165
Мария Павловна, веймарская великая герцогиня 161
Матвеева И. Г. 151, 156, 172
Маттие Г. 24
Мель Э. 5, 148
Меро Ф. 58
Милькау Ф. 6, 85, 149, 157, 172
Минцлов Р. 29, 31, 35, 36, 159
Мионов Н. А. 9
Миттлер Э. 108, 191
Михайлова И. Г. 150
Михалева Р. А. 184
Моль Р. 82, 159
Мольбех К. 27, 158, 160
Моргенштерн К. С. 30
Муральт Э. 35, 159
Муратори Л. А. 154
Мюле В. 6, 149
Мюнхаузен Г. А. 22, 24, 156

Н

Наполеон 62
Николай I 34
Николовиус Г. Г. Л. 74
Николовиус М. А. Л. 74, 75, 171
Ницше Ф. 127, 187
Новалис 57
Нодэ Г. 154

О

Одоевский В. Ф. 33, 34, 158—160

Окен Л. 57
Оленин А. Н. 27—28, 32, 153, 158
Осипова И. П. 182
Остен-Сакен Х. 28

П

Павел I 161
Паниер Г. 9
Паницци А. 25
Паулюс Г. Э. 57
Петр I 153, 154
Петшман Р. 81—84
Поппер К. 113
Поссельт М. К. 31, 36
Прейскер К. Б. 73, 170
Пужен Ш. 50
Пушкин А. С. 156, 159

Р

Раабе П. 6, 98, 107, 134, 135, 137, 149, 163, 165, 169, 180, 189
Ратникова Е. И. 191
Ратькова Е. В. 150
Рейнвальд К. 57, 166
Рейнгардт И. А. 59
Ремарк Э. М. 88
Реммерс В. 98
Рётч Х. 175
Ритшл Ф. В. 171
Ричардс П. С. 173—174, 176, 181
Роде И. 16
Рудомино М. И. 175
Руст Б. 86

С

Симон Й. 77
Симон Э. 175, 182, 183
Скрипкина Т. И. 150, 177
Смолина Е. В. 184
Снимщикова Г. А. 176
Собольщиков В. И. 35, 160
Сталь А. Ж. 44
Стойкович А. А. 161
Ступникова Т. С. 177

Т

Талалакина О. И. 150
Теннеман В. Г. 64
Тик Л. 57
Тургенев А. И. 156
Тургенев Н. И. 156
Тюльпанов С. И. 177

У

Уиллисон А. 113, 181

Ф

Фабиан Б. 5, 8, 112, 115, 118—121,
125, 127, 130, 139, 141, 142—
143, 148, 150, 151, 153, 155,
156, 171—173, 181—183, 188—
189, 191
Федорова О. М. 184
Фернов К. Л. 50, 59, 188
Фештетич Д. 165
Фёрстерман Э. 82

Филиппина, брауншвейгская
герцогиня 43
Фирсов В. Р. 8, 151
Фирсов Г. Г. 167
Фихте И. Г. 57, 58, 166
Фишер К. Э. 59
Фойгт И. Г. 57
Фойгт К. Г. 43, 58, 60, 162, 166,
168, 169
Фойгт Ф. З. 58, 69
Фолджер Г. К. 182
Форштиус Й. 6, 149
Франке И. М. 30, 31, 155
Френ Х. Д. 28
Фридрих Вильгельм III, прусский
король 170
Фридрих Вильгельм, курфюрст 185
Фрорип Л. Ф. 58
Фэрбер И. Г. Д. 60, 68
Фэрбер И. М. К. 60, 68

Х

Хавкина Л. Б. 7, 149
Хайнеман М. 176
Хаммель К. 177
Ханнеман К. 5, 148
Хардт Э. 164
Харнак А. 82, 171
Хартвиг О. 81, 83, 84, 172
Хейне К. Г. 22, 23, 41
Хонеккер Э. 92
Хофман Л. 163
Хуффеланд К. В. 57, 58
Хюттнер И.-К. 50

Ш

- Шарон Х. 185
Шамурин Е. И. 155
Шекспир У. 182, 183
Шелвер Ф. Й. 59
Шеллинг Ф. В. Й. 57, 58, 166
Шиллер Ф. 57, 58, 75, 76, 128, 162, 166, 167
Шлегель А. В. 57, 58
Шлегель Ф. 57, 58
Шлейермахер Ф. 82
Шлейхмахер А. 32
Шлютер Ф. А. 24
Шмид И. 167
Шмидт В. 117, 183, 187
Шмитц В. 5, 148, 152
Шреттингер М. 26, 27, 157, 167
Штарк И. 87
Штеервальд У. 165
Штейн Г. Ф. К. 74
Штеффенс Г. 54
Шумахер И. Д. 153
Шютц К. Г. 57, 58

Э

- Эберт Ф. А. 26, 27, 33, 157—160
Эйхштедт Г. К. А. 64
Эккерман И. П. 161, 163, 164, 166, 168, 169
Эрнст П. 164
Эсколар И. 6
Эш И. С. 58, 64

Ю

- Юньева Т. 177

Я

- Яммерс А. 124, 125, 186, 187
Ясперс К. 10, 151

А

- Anna Amalia *См.* Анна Амалия, веймарская герцогиня

В

- Bachmann G. 165
Böhmeier A. 155
Bohmüller L. 168, 169
Bojanowski P. *См.* Бояновский П.
Bollert M. 154
Borsche T. 171
Boyle N. 163
Brandis K. G. *См.* Брандис К. Г.
Brückner A. 183
Bulling K. *См.* Буллинг К.
Bunch A. J. 181
Busse G. 180
Buzás L. *См.* Бузас Л.

С

- Carl August *См.* Карл Август
Carlqvist E. *См.* Карлквист Э.
Claus H. 181
Coudres H. P. 174

D

- Daily J. E. *См.* Дэйли Дж.
Debes D. 159
Distel T. 170
Donaldson I. 181 — *См.* Доналдсон-
А.
Düntzer H. 167
Durniok M. 177

E

- Ebert F. A. *См.* Эберт Ф. А.
Ermel M. 151
Escolar H. *См.* Эсколар И.

F

- Fabian B. *См.* Фабиан Б.
Feller J. F. 155
Ferret C. 178
Fligge J. 151
Fuchs H. 183
Füchsel H. 156

G

- Geiger K. 159
Goethe I. W. *См.* Гёте И. В.
Greguletz A. *См.* Грегулетц А.
Greiver-Mai H. 163
Grimm H. 166
Grimm J. 166
Grumach R. 168
Guhrauer G. E. 155
Güldenapfel G. G. *См.*
Гюльденапфель Г. Г.

Guth W. 159

H

- Hannemann K. *См.* Ханнеман К.
Harnack A. *См.* Харнак А.
Hartmann K. J. 156
Hausherr H. 161
Henkel G. 163
Henning H. 164
Hitler A. *См.* Гитлер А.
Hoff C. E. A. 168
Humboldt W. *См.* Гумбольдт В.
Hüttermann H. 183

J

- Jammers A. *См.* Яммерс А.
Johnson E. D. *См.* Джонсон Э. Д.

K

- Kaegbein P. *См.* Кегбайн П.
Karlauf Th. 177
Karstedt P. *См.* Карштедт П.
Kennntemich W. 177
Keresztury D. 165
Keudell E. 164
Kiel R.-M. 162, 165
Knoche M. *См.* Кнохе М.
Komorowski M. 173, 174
Kotarski E. 151, 152
Kratzsch K. 164
Krause F. *См.* Краузе Ф.
Krèslinš J. 151
Kunze H. 172, 175

L

Landwehrmeyer R. *См.*
Ландвермейер Р.
Lavater I. K. 162
Lehmann K.-L. 183
Leibniz G. W. *См.* Лейбниц Г. В.
Leonhard J.-F. 149, 175
Lerche O. 165
Leyh G. *См.* Лей Г.
Liebers G. *См.* Либерс Г.
Luther M. *См.* Лютер М.

M

Marks E. 176, 178
Marwinski F. 188
Marwinski K. 168, 169
Meher I. H. 166
Mehl E. *См.* Мель Э.
Meyer G. 178
Milkau F. *См.* Милькау Ф.
Mittler E. *См.* Миттлер Э.
Möbus F. 189
Mohl R. *См.* Моль Р.
Molbech C. *См.* Мольбех К.
Mühle W. *См.* Мюле В.
Müller F. 168

N

Nicolovius M. A. L. *См.* Николови-
ус М. А. Л.

O

Otte W. 163

P

Paulin R. 166, 181
Paunell E. 162, 168, 169
Preusker K. B. *См.* Прейскер К. Б.

R

Raabe P. *См.* Раабе П.
Ratjen H. 158
Reißig R. 178
Richards P. S. *См.* Ричардс П. С.
Robine N. 183
Rolloff A. 151
Ryan F. 181

S

Saletin U. 162
Schiller F. *См.* Шиллер Ф.
Schmid I. *См.* Шмид И.
Schmidt W. *См.* Шмидт В.
Schmieder A. 155
Schmitz W. *См.* Шмитц В.
Schochow W. 165
Schrettinger M. *См.* Шреттингер М.
Schröder E. 177
Schweitzer R. 151
Scuria H. 166, 170, 171
Seifert S. 164
Siegfried J. 149
Simon E. *См.* Симон Э.

Soret F. 168
Stäber P. 155
Steiger G. 166

T

Thauer W. 151, 152
Tjulpanov S. I. *См.* Тюльпанов
С. И.
Tümmler H. 166

U

Uwe J. 149, 152

V

Vodosek P. *См.* Водосек П.

Vogel C. 165, 168, 169
Voigt Ch. G. *См.* Фойгт К. Г.
Volodin B. F. *См.* Володин Б. Ф.
Vorstius J. *См.* Форштиус Й.
Vulpus Ch. A. *См.* Вульпиус К. А.

W

Wagner E. 183
Walravens H. 165
Widmann H. 154
Wilkens E. *См.* Вилкенс Э.
Willison I. *См.* Уиллисон А.
Winckelmann J. J. *См.* Винкельман
И. И.
Wolle S. 176, 177
Wolzogen W. 166